

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 4 (14)

Ярославль
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 4 (14). – 151 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-4-14. – EDN TFHYNK
2022, № 4 (14). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сютао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022

© Юго-Западный университет КНР, 2022

© Авторы статей, 2022

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2022. – № 4 (14). – 151 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-4-14. – EDN TFHYNK 2022, № 4 (14). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilevich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2022

© Southwest University of the People's Republic of China, 2022

© Authors of articles, 2022

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ян Яньжу, Сюй Фэнцай
Сравнительное исследование проблем
населения и демографической
политики в Китае и России5

Таланов С. Л. Качество высшего
образования как потенциал «мягкой
силы» России29

ФИЛОЛОГИЯ

Иваньшина Е. А. О чеховских
докторах (системные оппозиции и
сюжетные функции).....53

Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В.
Лингвокультурный потенциал метафоры
с лексемой «иероглиф»71

Гавриленко В. Д. Город на Амуре:
образ Благовещенска в лирике Леонида
Завальнюка81

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Филипповский Г. Ю. Образы
мудрого провиденья в культуре и
древних традициях Китая
и России-Руси92

Се Чжоу, Чжан Вэйвэй Ретритная
духовная практика и антропология
аскезы в романе В. Маканина
«Предтеча».....110

Ли Сютао, Пань Юэ Национальная
и историческая память: мемориальные
захоронения советских воинов в Китае
.....126

Шендеровская Н. С. Группизм как
центральный элемент национального
характера японцев141

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Yang Yanru, Xu Fengcai Comparative
study of population problems and
demographic policy in China and Russia.....6

Talanov S. L. The quality of higher
education as the potential of Russia's "soft
power"30

PHILOLOGY

Ivanshina E. A. On Chekhov's doctors
(system oppositions and plot functions).....54

Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V.
Linguistic and cultural potential of the
metaphor with the lexeme "hieroglyph"72

Gavrilenko V. D. City on the Amur: the
image of Blagoveshchensk in Leonid
Zavalnyuk's poetry.....82

CULTURAL SCIENCE

Philippovsky G. Yu. The images of
wisdom and prophecy in literature and ancient
traditions of China and Rus-Russia.....93

Xie Zhou, Zhang Weiwei Retreat spiritual
practice and the anthropology of asceticism in
V. Makanin's novel The Forerunner111

Li Xiaotao, Pan Yue National and
historical memory: memorial burials of Soviet
soldiers in China127

Shenderovskaya N. S. Groupism as a core
element of Japanese national character142

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-5-28
EDN TTGOFH

Сравнительное исследование проблем народонаселения и демографической политики в Китае и России

Ян Яньжу¹, Сюй Фэнцай²✉

¹Доктор юридических наук, профессор Института марксизма Ляонинского педагогического университета.

²Доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран ЮгоЗападного университета при Министерстве образования КНР. КНР, г. Далянь

¹2460891129@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2650-5202>

²626263214@qq.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-1648-1991>

Аннотация. Статья посвящена исследованию сходств и различий демографических проблем в Китае и России. Россия и Китай сталкиваются с двумя основными мировыми проблемами: отрицательным приростом населения и дефицитом рабочей силы, но низкий уровень рождаемости в России является результатом длительного воздействия совокупности различных негативных факторов, в то время как в Китае это реальность, возникшая только в последнее десятилетие, в основном в результате негативных последствий политики планирования семьи и связанных с ней репродуктивных установок, а также более высокой стоимости воспитания детей. В статье рассматривается специфика демографической политики каждой из стран и те взаимные уроки, которые государства могут извлечь из демографических стратегий другой страны. Россия реализует более активную демографическую политику и добилась значительных результатов, поскольку проблема народонаселения превратилась из обычной социальной проблемы в глобальную проблему будущего страны и нации. Россия предложила «трехэтапный» план с 2007 по 2025 год и приняла различные меры по повышению рождаемости, включая предоставление различных финансовых субсидий, улучшение образования и жилищных условий и другую материальную и духовную поддержку, являющуюся прямым стимулом к росту населения. Китай предложил план развития народонаселения на период 2016-2030 годов и сформулировал национальную стратегию сбалансированного развития населения. Долгосрочным механизмом демографической политики Китая является «стратегическая система развития населения в гармонии с экономикой и обществом» и формирование демографической перспективы, включающей семейные ценности.

© Ян Яньжу, Сюй Фэнцай, 2022

Ключевые слова: Китай; Россия; демографические проблемы; демографическая политика; материнский капитал; семейные ценности; народонаселение

Для цитирования: Ян Яньжу, Сюй Фэнцай Сравнительное исследование проблем народонаселения и демографической политики в Китае и России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 5-28. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-5-28>. <https://elibrary.ru/ttgofh>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Comparative study of population problems and demographic policy in
China and Russia**

Yang Yanru¹, Xu Fengcai²✉

¹Doctor of law sciences, professor, Institute of Marxism, Liaoning pedagogical university.

²Doctor of philological sciences, professor, researcher at the Center for studying Russian-speaking countries at Southwestern University at the PRC Ministry of Education. PRC, Dalian

¹2460891129@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2650-5202>

²626263214@qq.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-1648-1991>

Abstract. The article explores similarities and differences in demographic problems in China and Russia. Russia and China face two major world problems: negative population growth and labor shortages, but Russia's low birth rate is the result of a long-standing set of various negative factors, while in China it is a reality that has emerged only in the last decade, mainly as a result of the negative effects from family planning policies and the related reproductive attitudes, as well as the higher cost of raising children. The article examines the specifics of either country's demographic policy and the shared lessons that the states can learn from the other country's demographic strategies. Russia is implementing a more active demographic policy and has achieved significant results, as the demographic problem has turned from an ordinary social problem into a global problem for the future of the country and the nation. Russia proposed a “three-phase” plan from 2007 to 2025 and introduced various measures to increase birth rates, including a variety of financial subsidies, better education and housing facilities, and other material and moral support which stimulate population growth directly. China proposed a demographic development plan for the period 2016-2030 and formulated a national strategy for balanced population development. The long-term mechanism of China's demographic policy is a “strategic system of population development in harmony with the economy and society” and the formation of a demographic perspective that includes family values.

Key words: China; Russia; demographic problems; demographic policy, maternity capital; family values; population

For citation: Yang Yanru, Xu Fengcai Comparative study of population problems and demographic policy in China and Russia. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):5-28. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-5-28>. <https://elibrary.ru/ttgofh>.

Введение

Население является фундаментальным фактором, определяющим экономическое и социальное развитие страны, поэтому демографическая политика является основной национальной политикой всех стран мира. В последнее десятилетие население Китая вступило в период отрицательного роста и старения, и новые демографические проблемы стали актуальным предметом исследований. С другой стороны, Россия уже давно столкнулась с отрицательным приростом населения и накопила большой опыт в стимулировании роста населения и поощрении семей к рождению большого количества детей [原新, 2016]. Активная демографическая политика является неперенным и важным содержанием послания Федеральному собранию Президента России. Сравнение демографической политики Китая и России и связанных с ней факторов имеет большую взаимную ценность для изучения демографической политики в обеих странах.

Общие проблемы народонаселения в Китае и России

В последнее десятилетие демографические проблемы Китая и России были поразительно схожи по темпам естественного прироста и структуре населения. Во-первых, темпы естественного прироста населения не только снижаются, но и доходят до «отрицательного прироста». Коэффициент естественного прироста является отражением и показателем репродуктивной способности населения. Естественный прирост населения России исторически был отрицательным в течение длительного времени, а население Китая продолжает отрицательный прирост уже более десяти лет. В этом заключается общность демографических проблем обеих стран.

Согласно бюллетеню Росстата, естественный прирост населения в России на 2011-2021 годы выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1.

Естественный прирост населения в России (2011-2021) (в млн человек) [Рождаемость смертность ...]

Год	Рождаемость	Коэффициент рождаемости	Смертность	Коэффициент смертности	Естественный прирост
2011	1 796 629	12.6	1 925 720	13.5	-0.9
2012	1 902 084	13.3	1 906 335	13.3	0.0

Мир русскоговорящих стран

Год	Рождаемость	Коэффициент рождаемости	Смертность	Коэффициент смертности	Естественный прирост
2013	1 895 822	13.2	1 871 809	13.0	0.2
2014	1 942 683	13.3	1 912 347	13.1	0.2
2015	1 940 579	13.3	1 908 541	13.0	0.3
2016	1 888 729	12.9	1 891 015	12.9	-0.01
2017	1 690 307	11.5	1 826 125	12.4	-0.9
2018	1 604 344	10.9	1 828 910	12.5	-0.6
2019	1 481 074	10.1	1 798 307	12.3	-2.2
2020	1 436 514	9.8	2 138 586	14.6	-4.8
2021	1 398 253	9.6	2 441 594	16.7	-7.1

Как видно из таблицы 1, население России переживает длительное колебание снижения рождаемости, которое усилилось в последние годы. Низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности являются основными причинами долгосрочного отрицательного показателя естественного прироста населения в России.

По данным бюллетеня Национального бюро статистики Китая, сравним естественный прирост населения Китая за тот же период (см. табл. 2 – пунктирные линии означают отсутствие статистики в бюллетене за текущий год, как указано ниже).

Таблица 2.

Естественный прирост населения в Китае (2013-2021 гг.)
(Единица измерения: 10 000 человек)

Год	Рождаемость	Коэффициент рождаемости	Смертность	Коэффициент смертности	Естественный прирост
2013	1640	12.08‰	972	7.16‰	4.92‰
2014	1687	12.37‰	977	7.16‰	5.21‰
2015	1655	12.07‰	975	7.11‰	4.96‰
2016	1786	12.95‰	977	7.09‰	5.86‰
2017	1723	12.43‰	986	7.11‰	5.32‰
2018	1523	10.94‰	993	7.13‰	3.81‰
2019	1465	10.48‰	998	7.14‰	3.34‰
2020	-----	-----	-----	-----	-----
2021	1062	7.52‰	1014	7.18‰	0.34‰

Источник: Статистический бюллетень о национальном экономическом и социальном развитии, Национальное бюро статистики Китая

Как видно из таблицы 2, уровень рождаемости в Китае демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению и начинает резко снижаться в 2021 году. Однако в связи с больши-

ми региональными различиями в демографической ситуации в Китае снижение темпов естественного прироста населения на самом деле сильнее, например, в провинции Ляонин,

которая первой вошла в переломный момент роста населения в состоянии населения Китая, можно увидеть, что

проблема снижения естественного прироста населения на самом деле более серьезно (см. табл. 3).

Таблица 3.
Естественный прирост населения в провинции Ляонин (2007-2021 гг.)
(единица измерения: 10 000 человек)

Год	Рождаемость	Коэффициент рождаемости	Смертность	Коэффициент смертности	Естественный прирост
2007	29,5	6,89 ‰	23,0	5,36 ‰	1,53 ‰
2008	27,2	6,32 ‰	22,5	5,22 ‰	1,10 ‰
2009	26,2	6,06 ‰	22	5,09 ‰	0,97 ‰
2010	-----	----	-----	----	-----
2011	25	5,71 ‰	26,5	6,05 ‰	-0,34 ‰
2012	27	6,15 ‰	28,7	6,54 ‰	-0,39 ‰
2013	26,7	6,09 ‰	26,9	6,12 ‰	-0,03 ‰
2014	28,5	6,49 ‰	27,4	6,23 ‰	0,26 ‰
2015	27,1	6,17 ‰	28,9	6,59 ‰	-0,42 ‰
2016	28,9	6,60 ‰	29,7	6,78 ‰	-0,18 ‰
2017	28,4	6,49 ‰	30,3	6,93 ‰	-0,44 ‰
2018	27,9	6,39 ‰	32,3	7,39 ‰	-1,00 ‰
2019	28,1	6,45 ‰	31,6	7,25 ‰	-0,80 ‰
2020	-----	----	-----	----	-----
2021	-----	----	-----	----	-----

Источник данных: Статистический бюллетень национального экономического и социального развития провинции Ляонин, 2007-2021 гг.

Сосредоточившись на «естественном приросте», таблица 3 показывает, что естественный прирост населения составлял 0,97 ‰ на 1 000 человек в предыдущем году и -0,34 ‰ на 1 000 человек в последующем. Это указывает на то, что траектория роста населения Ляонина проходила по схеме «рост-стагнация-отрицательный рост». Это самый ранний признак того, что естественное состояние существования регионального населения Китая достигло критической точки. Ранее Китай обычно фокусировался на проблеме чрезмерного прироста населения. С тех пор естественный

прирост населения остается отрицательным уже более десяти лет. В этот период появились признаки перелома в 2013-2014 годах, когда показатель естественного прироста населения начал возвращаться из большого отрицательного числа и даже стал положительным, а затем быстро вернулся к большому отрицательному числу. Основной причиной этого является то, что 2013 год стал первым годом реализации политики «двух детей» в провинции Ляонин, что является позитивным шагом в демографической политике Китая в условиях переломного момента в росте населения и нового смягчения

политики планирования семьи. Данные показывают, что уровень рождаемости вырос с 6,09 ‰ на тысячу в предыдущем году до 6,49 ‰ на тысячу после проведения активной демографической политики, сконцентрированной на высвобождении большого количества людей, прежде чем, вернуться к нарастающей отрицательной тенденции роста.

Сравнивая данные Китая и России за аналогичный период 2017 г., мы видим, что естественный прирост населения Китая составляет 5,32 ‰, естественный прирост населения Ляонина составляет -0,44 ‰, а естественный прирост населения России составляет -0,9 ‰ в одном и том же году. Видно, что проблема отрицательного прироста населения в некоторых частях Китая достигла очень серьезного уровня, но ситуация относительно лучше, чем в России.

С точки зрения структуры населения доля населения трудоспособного возраста в общей структуре населения снижается. По соотношению между рождаемостью и смертностью населения мировое сообщество обычно делит структуру населения на три типа: один тип роста, когда рождаемость значительно превышает смертность, то есть доля молодежи в населении относительно велика. Население общества роста будет быстро увеличиваться за относительно короткий период времени, поэтому не нужно беспокоиться о рабочей силе. Второй – стабильный тип, когда

рождаемость и смертность населения примерно равны, то есть доля лиц молодого и среднего возраста в социальном населении выше среднего. Население стабильного общества будет поддерживать относительно стабильное состояние, поэтому нет необходимости беспокоиться о рабочей силе. Третий тип – «стареющий», то есть рождаемость населения ниже или равна смертности: доля пожилых людей в населении относительно велика, и она увеличивается день ото дня. Население стареющего общества имеет тенденцию к старению и сокращению, и ряд, связанных с этим вопросов, таких как рабочая сила, уход за престарелыми и медицинское обслуживание, постепенно станут основными проблемами, ограничивающими социальное развитие. В связи с этим Россия уже давно переживает кризис нехватки рабочей силы. Численность трудоспособного населения России сократилась с 72,7 млн человек в 2016 году до примерно 71,7 млн человек в 2020 году [Министр Орешкин, «Мы будем терять ...】. Сокращение рабочей силы стало самым большим препятствием для экономического развития России. Условно говоря, проблема рабочей силы в Китае еще не достигла в целом серьезного уровня, но в некоторых регионах (таких как провинция Ляонин) уже в 2010 году было продемонстрировано старение общества, а это означает, что нехватка рабочей силы будет все более и бо-

лее ограничивать будущее Китая. социальное развитие.

Короче говоря, по двум важным демографическим показателям, темпам естественного прироста населения и возрастной структуре населения, Китай и Россия сталкиваются с двумя мировыми проблемами отрицательного прироста населения и дефицита рабочей силы.

Различия в демографических проблемах между Китаем и Россией

Формально и Китай, и Россия сталкиваются с двумя мировыми проблемами отрицательного прироста населения и нехватки рабочей силы, но конкретные причины этого неодинаковы или даже совсем разные.

Рассмотрим сначала проблему «низкой рождаемости». Низкая рождаемость в России является результатом сочетания многих негативных факторов. К объективным факторам, влияющим на рождаемость, в основном относятся низкий доход, плохие жилищные условия, тяжелый физический труд большинства женщин-специалистов, условия труда, не соответствующие санитарным нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокая частота не вынашивания беременности (абортов) [Концепция демографической ...]. Субъективными факторами, влияющими на их рождаемость, являются в основном слабое чувство семьи, приверженность концепции бездетности, отсутствие

уверенности в «завтрашнем дне», отсутствие долгосрочного планирования жизни. Что касается проблемы разводов, то, по предварительным данным Росстата, в 2016 году зарегистрировали брак 985,8 тыс. пар, в том же году о разводе подали 608,3 тыс. пар. По состоянию на начало 2017 года, в России насчитывалось 42 млн семей, число полных семей с детьми – 11 млн 600 тыс., 5,6 млн семей являются неполными, из них 5 млн – матери-одиночки [Господдержка материнства в России ...]. Подводя итог, можно сказать, что плохие экономические условия, слабые семейные ценности и концепция рождаемости «чем меньше детей, тем лучше» являются основными причинами того, что уровень рождаемости в России низок и его трудно поднять.

В отличие от этого, низкая рождаемость в Китае – это реальность, которая появилась только в последнее десятилетие, после длительного периода, когда страна столкнулась с ситуацией «большого населения» и государственной политикой «планирования семьи». Таким образом, причинами низкой рождаемости в Китае являются, во-первых, результаты или последствия планирования семьи и, как следствие, инерция в отношении рождаемости, а во-вторых, противоречие между высокими экономическими затратами на воспитание детей и высокими ожиданиями в отношении качества жизни, настолько, что даже активная политика «двух детей» не

смогла обратить вспять низкий уровень рождаемости.

Как видно, основные причины низкой рождаемости в каждой стране разные, и это то, на что следует обратить внимание демографической политике обеих стран.

Во-вторых, рассмотрим причины «высокой смертности» в обеих странах. Причины высокой смертности более сложны, чем причины низкой рождаемости. С 1990-х годов средняя продолжительность жизни населения России в целом увеличивается из года в год. Однако до 2011 г. средняя продолжительность жизни все еще составляла менее 70 лет, а в 2017 г. достигла исторического максимума в 72,4 год. Увеличение продолжительности жизни в основном соответствует медленному восстановлению российской экономики. Обычно считается, что существует два основных фактора, влияющих на среднюю продолжительность жизни: один из них – положительный фактор, то есть экономический фактор, а другой – отрицательный фактор, то есть фактор болезни. Согласно статистике «Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года», 55 % всего умершего населения России умерло от болезней сердечно-сосудистой системы, а более 30 % умерло от случайных отравлений, самоубийств, убийств, дорожно-транспортных происшествий и других несчастных случаев, помимо алкоголизма, наркомании, курения и других причин [Средняя продолжи-

тельность жизни ...]. Это говорит о том, что основными причинами высокой смертности в России являются медицинские факторы и система здравоохранения. Причины увеличения средней продолжительности жизни населения России в последние годы связаны с восстановлением экономики на макроуровне и, в частности, со сдерживанием вышеупомянутых негативных факторов, влияющих на здоровье населения, а также с положительным эффектом демографической политики в части улучшения условий жизни, социальной защищенности, образа жизни и медицинской помощи.

Средняя продолжительность жизни населения Китая на протяжении многих лет превышает 70 лет, а в последние пять лет достигла 76 лет, при этом доля населения в возрасте старше 65 лет продолжает расти. В основе этого, конечно же, лежат два фактора «быстрого экономического роста и долгосрочной социальной стабильности» после периода «реформ и открытости» в Китае. В частности, это в основном связано со все более надежной системой медицинского обслуживания и энергичным развитием национальной экономики, а также с высокой популярностью фитнес-движения.

Разница в основных причинах высокой смертности предполагает разную направленность и подход к решению демографической проблемы.

В-третьих, рассмотрим причины «дефицита рабочей силы». Низкая продолжительность жизни означает, что возраст, в котором люди умирают, также низок. Российское правительство признает, что основной причиной низкой продолжительности жизни населения является высокая смертность рабочей силы. Почти треть от общего числа смертей приходится на рабочую силу, из них около 80 % – на мужчин. Серьезность этого негативного воздействия на российскую экономику и общество трудно переоценить.

Ситуация с трудоспособным населением Китая, как видно из таблицы 3, в статическом выражении в настоящее время является приемлемой, но, с точки зрения тренда, находится в явно ухудшенном состоянии. Совокупный коэффициент социальной зависимости показывает, что доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения снижается, а давление экономического развития на поддержку общества увеличивается. Хотя нехватка рабочей силы у населения в настоящее время не так серьезна, как в России, ошибки прошлого должны стать уроком на будущее.

Концепция и политика России по вопросам народонаселения

Поскольку демографическая политика связана с будущим страны и судьбой нации, Президент России на протяжении многих лет делал важные заявления по вопросам народонаселения в своих ежегодных Посланиях нации.

В 1990-х годах российские ученые утверждали, что снижение рождаемости и сокращение численности населения – это не недостатки национального развития, а характеристика развитых стран. В результате демографическая проблема не привлекала достаточного внимания со стороны высших должностных лиц российского государства, что косвенно способствовало отрицательному приросту населения после 1992 г. После распада Советского Союза проблема народонаселения из обычной социальной проблемы превратилась в серьезную проблему будущего страны и нации, и восприятие демографической проблемы государством существенно изменилось. Ниже приводится краткое изложение основных представлений о проблемах народонаселения на высшем уровне в России, основанное на выступлениях президентов России с 2003 года (см. табл. 4).

Таблица 4.

Описание демографических вопросов в Посланиях президентов России (2003-2021)

Год	Описание проблем народонаселения
2003	«Сокращение населения, вызванное с более низкой рождаемостью и более высокой смертностью», называется «одной из самых острых проблем российского общества»

Мир русскоговорящих стран

Год	Описание проблем народонаселения
2004	Подчеркивается важная роль резерва населения в современном обществе; заявляется о необходимости поднять «качество населения» России на высоту «основы национальной стабильности и процветания»
2005	«Успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением наиболее острых демографических проблем»
2006	«Для России демографическая проблема – это ключевой вопрос, который необходимо решать в первую очередь»
2007	2008 год был объявлен «Годом российской семьи»
2008	Упор на «заботу о пожилых людях» и «создание базового медицинского страхования»
2009	Акцент на важности развития «медицинских технологий» и «фармацевтических технологий»
2010	Призыв к «постоянному вниманию к проблемам детей»
2011	Утверждается «эффективность демографической политики в повышении рождаемости, снижении смертности, увеличении средней продолжительности жизни, заботе о матерях и детях, развитии педиатрии»
2012	Охарактеризовал сокращение численности населения как «катастрофу»
2013	«Демографическая ситуация по-прежнему вызывает беспокойство»
2014	В связи с тем, что сердечно-сосудистые заболевания сегодня являются важнейшей причиной смертности в России, предлагается назвать 2015 год «годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями»
2015	«Национальное накопление, образование и развитие способностей детей», определяющие силу и будущее страны, должны начинаться с демографических вопросов
2016	«Смысл всей нашей политики – забота о народе, чтобы увеличение демографического капитала стало главным богатством России»
2017	«Тенденция к снижению численности населения трудоспособного возраста может стать серьезным сдерживающим фактором экономического роста»
2018	Тенденция к снижению численности населения трудоспособного возраста продолжается, и «в ближайшие годы это может стать серьезным ограничением для экономического роста: трудовых ресурсов просто нет»
2019	«Россия вступает в очень сложный демографический период» и «решение демографических проблем, увеличение продолжительности жизни и снижение смертности напрямую связаны с преодолением бедности»
2020	«Каждый наш шаг вперед, каждый закон, который мы принимаем, каждый раз, когда мы разрабатываем национальный план, мы должны отдавать приоритет выживанию и воспроизводству российской нации, исходя из высших принципов государства»
2021	«Вопрос выживания русской нации – высший принцип нашей государственной политики»

Источник: Послание Президентом России о положении дел в стране 2003-2021 гг.

Ключевые слова в приведенной таблице: «проблема», «основа стабильности и процветания страны», «катастрофа», «наиболее острая проблема», «основа стабильности и процветания страны», «катастрофа»

фа», «главное богатство России», «сдерживающие факторы», «высшее начало», «приоритеты» и др. отражают высокий уровень внимания России к вопросам народонасе-

ления, степень которого постоянно возрастает, что определяет направленность и корректировку ее демографической политики (см. табл. 5).

Таблица 5.

Демографическая политика в Послании Президентом РФ народу (2003-2021 гг.)

Год	Основные демографические проблемы	Направления демографической политики
2003	Увеличение рождаемости и снижение неонатальной смертности. Смертность продолжает расти. Снизилась средняя продолжительность жизни населения и высокая смертность от внешних причин. Дефицит рабочей силы	Переход к медицинскому страхованию. Укрепление финансовых гарантий для учреждений здравоохранения. Миграционная политика: за последнее десятилетие в Россию эмигрировало около 7 млн человек
2004	Низкая мобильность населения. Нехватка трудовых ресурсов, повышенная нагрузка на молодежь	Улучшение здоровья нации. Борьба со злоупотреблением наркотиками. Предотвращение бездомности среди детей. Улучшение качества жилья, здравоохранения и медицинского обслуживания
2005	Низкий уровень рождаемости; увеличение числа малолетних детей Снижение средней продолжительности жизни населения и увеличение смертности от алкоголизма. Повышенная смертность от дорожно-транспортных происшествий и внешних причин. Увеличение квалифицированной иммиграции и обострение проблемы нелегальной иммиграции	Улучшение социальной идентичности матерей и отцов, а также детей. Гарантия качества медицинской помощи. Восстановление системы профилактики заболеваний. Пропаганда здорового образа жизни, физического воспитания и спорта. Отменить налоги на недвижимость. Разработать внутреннюю миграционную политику для легализации иммиграции
2006	Незначительное повышение рождаемости; снижение детской смертности. Низкий доход и отсутствие нормальных условий для жизни. Родители обеспокоены своей неспособностью обеспечить будущее своих детей. Конфликт между карьерным ростом и воспитанием детей. Трудности возвращения жен-	Поощрять рождение второго ребенка. Значительно увеличить размер субсидий для детей в возрасте до полутора лет. Оказывать финансовую и социальную поддержку молодым семьям. Субсидии для детей дошкольного возраста. Финансовая поддержка воспитания и образования детей-сирот. Помощь матерям вторых детей и внедрение проекта «Материнский капитал». Содействовать квалифицированным миграци-

Мир русскоговорящих стран

Год	Основные демографические проблемы	Направления демографической политики
	щин на работу. Проблема детей-сирот. Повышенная смертность от таких заболеваний, как алкоголизм и сердечно-сосудистые заболевания	онным потокам. Привлечение соотечественников из-за рубежа на родину
2007	Низкий уровень рождаемости; высокий уровень смертности. Нехватка рабочей силы. Пенсии и вопросы увеличения пенсионного возраста	Реализация государственной программы «Доступное жилье» для граждан России. Принятие долгосрочной стратегии масштабного жилищного строительства
2008	Нехватка рабочей силы. Приток иностранных иммигрантов	Введение «плана управления кадровым резервом». Масштабное внедрение и поощрение талантов. Введение завершенной системы медицинского страхования, финансово гарантированной государством. Увеличение пенсий
2009	Нехватка рабочей силы	Повысить пенсии на 50 % в течение следующих трех лет (в 2010 году пенсии должны быть не ниже прожиточного минимума)
2010	----	Увеличение пенсий. Налоговые льготы для семей, воспитывающих трех и более детей. Рассмотрение федеральными структурами вопроса о материнском капитале. Защита прав детей, психологическая поддержка детей и запрет домашнего насилия в отношении детей
2011	Повышение рождаемости и снижение смертности	Создание 23 «перинатальных» центров в течение года. 38 субъектов федерации приняли решение о выплате местного «материнского капитала»
2012	Сохранение высокого уровня смертности	Сосредоточенность на вопросах здоровья населения. Пропаганда здорового образа жизни и развитие спорта
2013	Уровень рождаемости выше уровня смертности	Продолжение программы «Доступное жилье для российских семей» (до конца 2017 года планируется построить не менее 25 млн кв м дополнительного доступного жилья)
2014	Население растет, средняя продолжительность жизни населения достигла 71 года	Пропаганда здорового образа жизни. Продвижение системы медицинского страхования. Создание специализированного национального органа по контролю за работой медицинских учреждений. Повышение уровня профессионального обра-

俄语国家评论

Год	Основные демографические проблемы	Направления демографической политики
		звания врачей
2015	Естественный прирост населения положительный, а средняя продолжительность жизни населения составляет более 71 года	«Развитие дошкольного образования». Полное внедрение системы обязательного медицинского страхования к 2016 году. Предложение о продлении проекта «Материнский капитал» как минимум на два года
2016	Рождаемость немного увеличилась, а уровень младенческой смертности снизился	Создание 94 центров высокотехнологичной медицинской помощи – «перинатальной» сети к 2018 году. Внедрение твердой финансовой политики для поддержки высокотехнологичной медицинской помощи. Система регулярных курсов повышения квалификации для врачей. Тестирование важных лекарств на рынке. Создание полностью оборудованной службы санитарной авиации
2017	Снижение рождаемости и увеличение средней продолжительности жизни населения до 73 лет. В течение года численность рабочей силы сократилась почти на 1 млн человек	Расширение программы «Материнский капитал». Субсидии матерям на рождение первого ребенка, второго ребенка и третьего ребенка. Предоставление льготных условий ипотечного кредитования. Предоставление молодым матерям возможности вернуться к учебе. Инвестирование не менее 3,4 трлн рублей в течение следующих шести лет в демографическое развитие и охрану материнства и детства. Улучшение качества медицинского обслуживания пожилых людей
2018	Снижение рождаемости и уменьшение численности населения трудоспособного возраста	Расширение системы поддержки материнского капитала. Увеличение размера денежной компенсации на одного, двух и трех детей. Предоставление ипотеки для выплаты прожиточного минимума семьям с детьми. Модернизация детской поликлиники. Обеспечить ясли для всех нуждающихся семей. Дать возможность молодым матерям продолжить образование или работу. Повысить пенсии и сократить разрыв между пенсиями и предпенсионной заработной платой
2019		Новый пакет мер по поддержке семей. Увеличение прожиточного минимума для членов семьи до двух человек. Увеличение пособия по уходу за детьми-инвалидами и инвалидами первой категории. Введение снижения налога на недвижимость по принципу «больше детей – меньше налогов».

Мир русскоговорящих стран

Год	Основные демографические проблемы	Направления демографической политики
		Поддержка индивидуальных ипотечных схем для приобретения жилья в собственность. Более благоприятная схема ипотечного кредитования для семей
2020	Низкий доход как прямая угроза рождаемости	Решение трудностей, с которыми сталкиваются молодые, многодетные или неполные семьи. Увеличение продолжительности финансовой помощи до трех лет для первого и второго ребенка. Оказывать всестороннюю помощь гражданам с низкими доходами. Снижение уровня бедности. Продолжение расширения схемы поддержки Фонда материнского капитала и усиление поддержки. Продление льготной ипотечной ставки в размере 6 % в год для семей с двумя и более детьми на весь срок кредитования. Ипотека под 2 % для молодых семей. Новые формы оплаты для детей в возрасте от трех до семи лет. Бесплатное горячее питание для всех учеников начальной школы с первого по четвертый класс. Запуск цифровой трансформации государственных школ, предложение передовых образовательных проектов и внедрение образовательных реформ, таких как персонализированный подход. Предоставление специальной надбавки для классных руководителей
2021	Повышенная смертность от нового коронавируса, сердечно-сосудистых, злокачественных новообразований, респираторных заболеваний и т. д.	Программа выездного отдыха и каникул граждан. 20 % возврат для граждан, путешествующих по России; Детям, направляющимся в летний лагерь, возвращается половина стоимости авиабилета. Бесплатное жилье для студентов, путешествующих в университетские кампусы и т. д. Увеличение и обновление схем скорой помощи по всей стране. Программа внедрения новых методов телемедицины, искусственного интеллекта, диагностики, хирургии, реабилитации и фармацевтического производства. Акцент на острые повседневные проблемы со здоровьем и планирование первичной медико-санитарной помощи

Источник данных: 2003-2021 «Послание Президентом России народу»

Из таблицы 5 видно, что Послание Президентом России народу в 2006 г. имело важный поворотный момент и предлагало ряд практических мер, таких как «Материнский капитал» и «Детские субсидии». С тех пор российское правительство начало предпринимать действия с четким направлением, чтобы эффективно изменить статус-кво населения России. В 2007 году В. В. Путин подписал «Концепцию демографической политики Российской Федерации до 2025 года», в которой четко говорилось, что демографическая политика России направлена на увеличение продолжительности жизни населения, снижение смертности, повышение рождаемости, регулирование внутренней и внешней иммиграции, защищать и укреплять здоровье населения и на этой основе улучшать текущее положение населения страны. В центре внимания политики – сделать «повышение рождаемости» основным направлением решения демографического кризиса. С этой целью был предложен ряд мер по стимулированию деторождения и помощи нуждающимся семьям, а также предложен трехэтапный план:

Первый этап (2007-2010 гг.) направлен на преодоление существующих негативных факторов демографического развития.

На втором этапе (2011-2015 годы) продолжают меры по стабилизации существующей численности населения. Основное внимание уделяется внедрению здорового

образа жизни, продвижению проектов по трудоустройству матерей, своевременному выявлению и профилактике профессиональных заболеваний и поэтапному сокращению рабочих мест, наносящих вред репродуктивному здоровью или имеющих опасные условия труда.

Третий этап (2016-2025 годы) основан на правильной оценке влияния реализуемых программ на демографическую ситуацию и прогнозе возможного ухудшения демографической ситуации. Ввиду того, что численность женщин детородного возраста может значительно сократиться в начале третьего периода, необходимо принять меры по стимулированию семей к рождению двух и трех детей.

С этой целью правительством были приняты различные меры по повышению рождаемости, в том числе предоставление различных финансовых субсидий, улучшение образования и жилищных условий и другая практическая поддержка. Фактами доказано, что финансовые субсидии являются самым непосредственным стимулом роста населения, а «материнский капитал» (он же «семейный капитал») является наиболее действенной мерой в упомянутой выше демографической политике. «Материнский капитал» – это политика правительства России по субсидированию семей, родивших или усыновивших второго или даже третьего ребенка. Данные показывают, что размер «материнского капитала» в бюджете Российской

Федерации неуклонно увеличивает-ся из года в год.

«Материнский капитал» был хорошо принят многодетными семьями и оказался очень эффективным. На это есть ряд причин.

Во-первых, увеличивается размер единовременного пособия и упрощается процедура его получения.

Во-вторых, материнский капитал отличается гибкостью в использовании. Его можно использовать для оплаты ипотеки или покупок и услуг для детей с ограниченными возможностями.

В-третьих, материнский капитал не облагается налогом на доходы физических лиц.

«Материнский капитал» внес значительный вклад в повышение рождаемости в России. Помимо этого, российское правительство осуществляет и другие меры финансовой поддержки. Например, в 2017 году единовременное пособие в размере 613 рублей 14 копеек выплачивалось женщинам в первом триместре беременности, вставшим на учет в медицинском учреждении; единовременное пособие по беременности и родам будущим мамам в размере 16 350 рублей 33 копейки; пособие при рождении ребенка выплачивалось на каждого ребенка в случае рождения нескольких детей; оплачиваемый отпуск по беременности и родам предоставлялся матерям до достижения ребенком возраста полутора лет и оплачивался в размере 40 % от среднего заработка матери. Что касается неработающих матерей, то они

получают ежемесячное пособие в размере 2 908 рублей 62 копейки на первого ребенка и 5 812 рублей 24 копейки на второго и последующих детей; женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, могут также оформить компенсационное пособие в размере 50 рублей в месяц до достижения ребенком трехлетнего возраста [Господдержка материнства в России. Досье ...].

В целях поощрения деторождения российское правительство учредило систему награждения Почетной медалью в дополнение к прямой экономической помощи, чтобы способствовать изменению взглядов на семью и деторождение, а также повышать чувство социальной ответственности и чести в воспитании детей. В 2008 году Д. Медведев учредил медаль «Родительская слава», которой награждают матерей или отцов, имеющих более 7 детей [Учрежден орден «Родительская слава» ...].

Факты доказали, что меры российского государства по стимулированию роста населения эффективны. Целевой показатель численности населения до 2015 г. в основном достигнут, а общая численность населения превысила прогнозируемый показатель примерно на 2,4 млн человек; увеличилось число многодетных семей – в 2017 году оно выросло на 25 % по сравнению с 2010 годом; а средняя продолжительность жизни населения, которая в 2012 году составляла уже 70 лет, в 2017 году достигла наивысшей отметки с 1990-х

годов (73 года). В настоящее время Россия продолжает укреплять свою политику в области народонаселения. Например, за счет продления срока действия проекта «Материнский капитал» и совершенствования механизма расходования крайне бедные семьи будут получать отдельное ежемесячное пособие из «Фонда материнства», которое также может быть направлено на субсидирование расходов на дошкольное образование детей; ежемесячные государственные субсидии для полуторогодовалых детей, специальные льготные ипотечные кредиты для многодетных семей; реконструкция и ремонт детских поликлиник и другие конкретные инициативы.

Следует отметить, что перед лицом демографического кризиса Россия реализовала многовекторный подход к активному решению проблемы, особенно практические меры по стимулированию рождаемости, и в этом смысле важным может оказаться изучение и усвоение опыта Китая в этом вопросе.

Концепция и политика в области народонаселения в Китае

Китайское правительство считает, что «проблема народонаселения всегда была фундаментальной, общей и стратегической проблемой, стоящей перед человеческим обществом», и признает, что «в следующие 15 лет, особенно с 2021 по 2030 год, демографическое развитие Китая вступит в критический переходный период» [国务院关于印

发国家人口发展规划..., 2017]. Перед лицом основных тенденций в развитии населения в отчете 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая указывалось, что необходимо «содействовать согласованию политики в области рождаемости и связанной с ней экономической и социальной политики, а также усилить исследования по стратегиям развития населения» [习近平.在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告..., 2017]. С точки зрения общего мышления, государство предложило национальный стратегический план по реализации сбалансированного развития населения. Во-первых, необходимо обратить внимание на баланс различных факторов внутри населения и содействовать преобразованию развития населения от преимущественного управления населением к контролю всего населения, оптимизации структуры и улучшению качества. Во-вторых, необходимо сосредоточить внимание на взаимодействии между народонаселением и экономическим развитием, точно понимать влияние экономического развития на изменения численности населения и принимать комплексные меры для смягчения таких проблем демографического развития, как снижение рождаемости, вызванное экономическими факторами, внедрять политику «активного старения» для предотвращения и устранения неблагоприятных последствий для экономического роста. В-третьих, важно сосредото-

читься на гармонизации демографического и социального развития, совершенствовать национальную базовую систему государственных услуг, создать многоуровневую систему обслуживания пожилых людей и способствовать преобразованию работы с населением от опоры в основном на государственную власть к многостороннему управлению со стороны правительства, общества и граждан. В-четвертых, нужно обратить внимание на совместимость населения с ресурсами и окружающей средой, совершенствовать дифференцированную демографическую политику, способствовать формированию экологического развития и образа жизни.

В ответ на динамику изменения численности населения в плане развития народонаселения Китая (2016-2030 гг.) предлагаются меры по содействию реализации умеренного уровня рождаемости в трех областях. Во-первых, совершенствование механизма регулирования политики в области рождаемости. В настоящее время приоритетной задачей является реализация всеобъемлющей политики «двух детей» и ориентация населения на ответственное, систематическое и соответствующее политике рождение детей; в то же время необходимо хорошо отслеживать и оценивать эффект всеобъемлющей политики «двух детей», внимательно следить за изменениями в уровне рождаемости и осуществлять заблаговременное планирование политики. Во-вторых, необходимо рационально

распределять ресурсы государственной службы: дальнейшее совершенствование системы охраны здоровья матери и ребенка и планирования семьи, улучшение возможностей службы охраны здоровья матери и ребенка и планирования семьи; укрепление научного прогнозирования, рациональное планирование и распределение ресурсов, таких как уход за детьми, дошкольное, начальное и среднее образование и социальное обеспечение, чтобы удовлетворить новый спрос на государственные услуги. В-третьих, необходимо совершенствование системы поддержки развития семьи, формирование и совершенствование политики развития семьи, снижение нагрузки на семьи с детьми.

В комплексном реагировании на сокращение общей численности населения трудоспособного возраста и тенденцию к структурному старению предлагаются четыре меры: во-первых, сосредоточиться на воспитании инновационных, прикладных, высококвалифицированных выпускников колледжей и квалифицированных выпускников, обладающих международной конкурентоспособностью, с тем чтобы повысить качество новой рабочей силы. Во-вторых, в полной мере использовать потенциал работников за счет всесторонних инвестиций в человеческий капитал, осуществлять мероприятия по развитию человеческого капитала для пожилых работников, улучшать их навыки трудоустройства и конкурентоспособность на рынке, чтобы

избежать их преждевременного ухода с рынка труда. В-третьих, в полной мере использовать инициативу пожилых людей по участию в экономической и социальной деятельности и активно развивать человеческие ресурсы пожилых людей. В-четвертых, необходимо создать глобальное видение, внедрить более активную, более открытую и эффективную политику обучения и внедрения международных талантов, а также эффективно использовать международные кадровые ресурсы.

В плане оптимизации пространственного размещения населения предлагается способствовать согласованному развитию городского и сельского населения, совершенствовать пространственное размещение населения с городской агломерацией как основной формой, способствовать адаптации размещения населения к национальной стратегии регионального развития, направлять упорядоченный поток и разумное распределение населения, а также реализовать устойчивое сосуществование населения с ресурсами и окружающей средой. Конкретные меры заключаются, во-первых, в ускорении продвижения урбанизации, ориентированной на человека, разблокировании каналов для расселения, расширении близлежащего пространства урбанизации, комплексном повышении качества урбанизации. Во-вторых, способствовать согласованному развитию крупных, средних и малых городов и поселков с город-

скими агломерациями в качестве основной формы, оптимизировать и модернизировать городские агломерации в восточных регионах, культивировать и развивать городские агломерации в центральных и западных регионах, способствовать разумной концентрации населения. В-третьих, сосредоточиться на улучшении баланса населения, ресурсов и окружающей среды, формулировать и совершенствовать демографическую политику, соответствующую основным функциональным направлениям, активно продвигать экологически чистое производство и образ жизни, а также обеспечивать безопасность населения в приграничных районах. В-четвертых, углубить реформу системы регистрации домохозяйств, финансовой системы и системы прав коллективной собственности в сельской местности, улучшить управление услугами мигрирующего населения и всесторонне устранить институциональные и институциональные препятствия для мобильности населения.

Для ключевых групп, нуждающихся в особом внимании, таких как пожилые люди, женщины, дети, инвалиды и малоимущие, разработаны целевые политические меры. Во-первых, активно реагировать на старение населения. Ввиду усиливающейся тенденции к старению населения были усилены разработки на высшем уровне, чтобы добиться раннего, научного и комплексного реагирования, придерживаясь прин-

ципов устойчивости, здоровья, участия и справедливости, ускорить создание институциональной структуры для преодоления старения, в основе которой лежит социальное обеспечение, услуги по уходу за пожилыми людьми, поддержка здравоохранения и благоприятная для жизни среда, а также улучшение системы демографической политики в области развития талантов, содействию занятости и участия в жизни общества. Во-вторых, необходимо содействовать всестороннему развитию женщин и защите несовершеннолетних, придерживаться базовой национальной политики равенства между мужчинами и женщинами, эффективно улучшать возможности женщин участвовать в жизни общества и повышать качество жизни и здоровья, усиливать комплексное управление соотношением полов при рождении и проводить углубленные мероприятия по уходу за девочками; придерживаться принципа приоритета

детей и совершенствовать систему защиты несовершеннолетних. В-третьих, необходима защита законных прав и интересов инвалидов. В-четвертых, необходимо добиться искоренения бедности среди малоимущих. Одним словом, важно создать условия для того, чтобы ключевые группы населения могли пользоваться плодами развития и способствовать социальной гармонии, равенству и справедливости.

Заключение

В заключение следует отметить, что демографическая политика Китая достойна подражания со стороны России и других стран в плане ориентации на решение проблем, глобальной стратегии и перспективного планирования, а также в плане пропаганды и просвещения населения по демографическим концепциям, воплощающим чувство семьи и государственности.

Библиографический список

1. Априамов А. Статистика 2018 года показала спад рождаемости и рост смертности в России [ЕВ/ОЛ]. [2019-06-10]. URL: <http://comandir.com/2019/01/11/278963-statistika-2018-goda-pokazala-spad-rozhdaemosti-i-rost-smertnosti-v-rossii.html>. (Дата обращения: 20.11.2022).
2. Вопросы демографического развития России в президентских посланиях: влияние на эффективность демографической политики [ЕВ/ОЛ]. [2019-05-29]. URL: <http://isprras.ru/pics/File/dem-q.pdf>. (Дата обращения: 20.11.2022).
3. В ПФР сообщили, что доля граждан старше 65 лет составит к 2050 г. почти четверть населения [ЕВ/ОЛ]. [2019-11-23]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6983054>. (Дата обращения: 20.11.2022).
4. «Господдержка материнства в России». URL: <http://tass.ru/info/4767973>. (Дата обращения: 20.11.2022).
5. Демография [ЕВ/ОЛ]. [2019-07-02]. URL: http://www.nashaucheba.ru/v16892/борисов_в.а._демография?page=13. (Дата обращения: 20.11.2022).

6. История демографических кризисов России [ЕВ/ОЛ]. [2019-12-24]. URL: https://studbooks.net/506169/sotsiologiya/istoriya_demograficheskikh_krizisov_rossii. (Дата обращения: 20.11.2022).
7. «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/konc_2015.pdf. (Дата обращения: 20.11.2022).
8. Министр Орешкин, «Мы будем терять ежегодно примерно 800 тысяч населения». URL: <https://svpressa.ru/economy/article/182001>. (Дата обращения: 20.11.2022).
9. Население России [ЕВ/ОЛ]. [2019-03-20]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_России. (Дата обращения: 20.11.2022).
10. Об установлении квоты на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в России на 2019 год [ЕВ/ОЛ]. [2019-07-02]. URL: <http://government.ru/docs/34746/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
11. Почему в России снижается численность рабочей силы? [ЕВ/ОЛ]. [2019-09-19]. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/pochemu-v-rossii-snizhaetsya-chislennost-rabocheiy-sily-20190807-134646/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
12. Президент России подписал Федеральный закон о порядке назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого и второго ребенка [ЕВ/ОЛ]. [2019-05-29]. URL: <http://government.ru/activities/selection/525/30845/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
13. Приток мигрантов в РФ достиг исторического минимума [ЕВ/ОЛ]. [2019-04-12]. URL: <https://iz.ru/865820/2019-04-09/pritok-migrantov-v-rf-dostig-istoricheskogo-minimuma>. (Дата обращения: 20.11.2022).
14. Реальная статистика браков и разводов в России до 2019 года [ЕВ/ОЛ]. [2019-11-23]. URL: <https://pravovoexpert.ru/brak/statistika-brakov-i-razvodov/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
15. Рекордная убыль населения ждёт Россию по итогам 2019 года [ЕВ/ОЛ]. [2019-12-20]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3704212/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
16. Рождаемость смертность и естественный прирост населения в России по годам (Таблица). URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smernost>. (Дата обращения: 20.11.2022).
17. Список награждённых орденом «Родительская слава» [ЕВ/ОЛ]. [2019-04-09]. URL: <https://www.wikiplanet.click/enciclopedia/ru/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
18. «Средняя продолжительность жизни в России». URL: <https://emigrant.guru/kuda/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii.html>. (Дата обращения: 20.11.2022).
19. Статистика пожилых людей [ЕВ/ОЛ]. [2019-11-23]. URL: <https://vawilon.ru/statistika-pozhilyh-ljudej/>. (Дата обращения: 20.11.2022).
20. Указ президента Российской Федерации о национальных целях и стратегических задачах развития российской федерации на период до 2024 года [ЕВ/ОЛ]. [2019-07-02]. <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n204-ot07052018-h4039057/>.
21. «Учреждён орден «Родительская слава». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63>. (Дата обращения: 20.11.2022).

22. 俄联邦统计局：俄罗斯女性平均结婚年龄增长 8 岁，男性不变 [EB/OL]. [2019-11-23]. URL: https://www.guancha.cn/internation/2019_09_23_518942.shtml?s=wapzwyxgtjdt. (Дата обращения: 20.11.2022).
23. 2019 年全球人口数量以及出生率排行 [EB/OL]. [2019-12-13]. URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=94746&s=fwzxfbbt>. (Дата обращения: 20.11.2022).
24. 杜立克. 浅析俄罗斯远东地区的人口危机问题[J]. 内蒙古大学学报 (人文社会科学版), 2003, 35(4): 97-101.
25. 外交部：中俄全面战略协作伙伴关系处于历史最好水平[EB/OL]. [2019-09-10]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1101/c1002-29621637.html>. (Дата обращения: 20.11.2022).
26. 新华国际时评：中俄关系新定位新在哪 [EB/OL]. [2019-06-06]. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-06/05/c_1124588430.htm. (Дата обращения: 20.11.2022).
27. 许风才, 梁洪琦. 俄罗斯人口危机及相应政策研究, 辽宁师范大学学报 (社会科学版), 2020, 43 (2) : 1-8.

Reference list

1. Apriamov A. Statistika 2018 goda pokazala spad rozhdaemosti i rost smertnosti v Rossii = The 2018 statistics showed a decline in the birth rate and an increase in mortality in Russia [EB/OL]. [2019-06-10]. URL: <http://comandir.com/2019/01/11/278963-statistika-2018-goda-pokazala-spad-rozhdaemosti-i-rost-smertnosti-v-rossii.html>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
2. Voprosy demograficheskogo razvitiya Rossii v prezidentskih poslanijah: vlijanie na jeffektivnost' demograficheskoy politiki = Issues of demographic development of Russia in President's addresses: impact on the effectiveness of demographic policy [EB/OL]. [2019-05-29]. URL: <http://isprras.ru/pics/File/dem-q.pdf>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
3. V PFR soobshhili, chto dolja grazhdan starshe 65 let sostavit k 2050 g. pochti chetvert' naselenija = The PFR reported that the proportion of citizens over 65 will be almost a quarter of the population by 2050 [EB/OL]. [2019-11-23]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6983054>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
4. «Gospodderzhka materinstva v Rossii» = “State support for maternity in Russia”. URL: <http://tass.ru/info/4767973>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
5. Demografija = Demography [EB/OL]. [2019-07-02]. URL: http://www.nashaucheba.ru/v16892/borisov_v.a._demografija?page=13. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
6. Istorija demograficheskikh krizisov Rossii = The history of Russia's demographic crises [EB/OL]. [2019-12-24]. URL: https://studbooks.net/506169/sotsiologiya/istoriya_demograficheskikh_krizisov_rossii. (Data obrashhenija: 20.11.2022).
7. «Konceptija demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» = “The concept of the Russian Federation demographic policy for the period up to 2025”. URL: http://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/konc_2015.pdf. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

8. Ministr Oreshkin, «My budem terjat' ezhegodno primerno 800 tysjach naselenija» = Minister Oreshkin, “We will lose about 800,000 people every year”. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/182001>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

9. Naselenie Rossii = The population of Russia [EB/OL]. [2019-03-20]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Rossii. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

10. Ob ustanovlenii kvoty na vydachu inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstva razreshenij na vremennoe prozhivanie v Rossii na 2019 god = On establishing a quota for issuing temporary residence permits to foreign citizens and stateless persons in Russia for 2019 [EB/OL]. [2019-07-02]. URL: <http://government.ru/docs/34746/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

11. Pochemu v Rossii snizhaetsja chislennost' rabochej sily? = Why is the number of labor force declining in Russia? [EB/OL]. [2019-09-19]. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/pochemu-v-rossii-snizhaetsya-chislennost-rabochej-sily-20190807-134646/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

12. Prezident Rossii podpisal Federal'nyj zakon o porjadke naznachenija ezchemesjachnoj vyplaty v svjazi s rozhdeniem ili usynovleniem pervogo i vtorogo rebenka = The President of Russia signed the Federal law on the order of assigning a monthly payment for the birth or adoption of the first and second child [EB/OL]. [2019-05-29]. URL: <http://government.ru/activities/selection/525/30845/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

13. Pritok migrantov v RF dostig istoricheskogo minimuma = The influx of mi-grants to the RF has reached a historic minimum [EB/OL]. [2019-04-12]. URL: <https://iz.ru/865820/2019-04-09/pritok-migrantov-v-rf-dostig-istoricheskogo-minimuma>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

14. Real'naja statistika brakov i razvodov v Rossii do 2019 goda = Real marriage and divorce statistics in Russia before 2019 [EB/OL]. [2019-11-23]. URL: <https://pravovoexpert.ru/brak/statistika-brakov-i-razvodov/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

15. Rekordnaja ubyl' naselenija zhdjot Rossiju po itogam 2019 goda = Record population decline awaits Russia in 2019 [EB/OL]. [2019-12-20]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3704212/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

16. Rozhdaemost' smertnost' i estestvennyj prirost naselenija v Rossii po godam (Tablica) = Birth rate, mortality and natural increase in Russia's population by year (Table). URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smertnost>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

17. Spisok nagrazhdjonnyh ordenom «Roditel'skaja slava» = The list of those decorated with the Order of Parental Glory [EB/OL]. [2019-04-09]. URL: <https://www.wikiplanet.click/enciclopedia/ru/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

18. «Srednjaja prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii» = “Life expectancy in Russia”. URL: <https://emigrant.guru/kuda/srednyaya-prodolzhitel'nost-zhizni-v-rossii.html>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

19. Statistika pozhilyh ljudej = Elderly people statistics [EB/OL]. [2019-11-23]. URL: <https://vawilon.ru/statistika-pozhilyh-ljudej/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

20. Ukaz prezidenta Rossijskoj Federacii o nacional'nyh celjah i strate-gicheskikh zadachah razvitija rossijskoj federacii na period do 2024 goda = The decree of the Presi-

dent of the Russian Federation on the national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024 [EB/OL]. [2019-07-02]. URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n204-ot07052018-h4039057/>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

21. «Uchrezhdjon orden «Roditel'skaja slava» = “The Order of Parental Glory was instituted”. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

22. 俄联邦统计局：俄罗斯女性平均结婚年龄增长 8 岁，男性不变 [EB/OL]. [2019-11-23]. URL: https://www.guancha.cn/internation/2019_09_23_518942.shtml?s=wapzwyxgtjdt. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

23. 2019 年全球人口数量以及出生率排行 [EB/OL]. [2019-12-13]. URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=94746&s=fwzxfbtt>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

24. 杜立克. 浅析俄罗斯远东地区的人口危机问题[J]. 内蒙古大学学报（人文社会科学版），2003, 35(4): 97-101.

25. 外交部：中俄全面战略协作伙伴关系处于历史最好水平[EB/OL]. [2019-09-10]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1101/c1002-29621637.html>. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

26. 新华国际时评：中俄关系新定位新在哪[EB/OL]. [2019-06-06]. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-06/05/c_1124588430.htm. (Data obrashhenija: 20.11.2022).

27. 许凤才，梁洪琦.俄罗斯人口危机及相应政策研究，辽宁师范大学学报（社会科学版），2020，43（2）：1-8.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 30.09.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 32.327; 37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-29-52
EDN OZHTEd

Качество высшего образования как потенциал «мягкой силы» России

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент по специальности, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. В рамках исследования изучены представления иностранных студентов о качестве обучения, об организации учебной и научной деятельности иностранных студентов, в условиях глобальной конкуренции на рынках образовательных услуг. В 2022 году были опрошены иностранные студенты, магистранты, аспиранты из вузов, в которых больше всего обучается иностранных граждан – из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Китая. Выявлено, что значительная часть опрошенных иностранных студентов, удовлетворены соотношением теории и практики в учебном процессе и оценивают уровень преподавания у своих преподавателей, как очень высокий. Кроме того, установлено, что иностранные студенты (магистры, аспиранты) получают достаточно знаний для того, чтобы после окончания вуза построить успешную профессиональную карьеру. Большинство, из опрошенных иностранных студентов, оценивают уровень и качество работы учебно-вспомогательного персонала, как средний. Только незначительное число студентов указали, что уровень работы заведующих методическими кабинетами и лаборантов, очень высокий. Установлено, что те, кто отлично учился у себя на Родине, также и в РФ, имеет успешную академическую успеваемость. Та часть респондентов, которая училась в школе на 4 и 5, имеет аналогичную успеваемость и в вузе. Опрошенные студенты, которые указали, что учатся в российском вузе на 3 и 4, аналогичную успеваемость, имели и во время своего обучения в школе у себя на Родине. Выявлено, что значительная часть преподавателей при подготовке к лекции, семинарскому занятию и при самом проведении занятий, не учитывают этническую психологию студентов. По результатам исследования предлагаются мероприятия, направленные на повышение качества высшего образования в РФ.

Ключевые слова: мягкая сила; интернационализация; образовательная политика; страны-реципиенты; страны-доноры; вузы

Для цитирования: Таланов С. Л. Качество высшего образования как потенциал «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 29-52. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-29-52>. <https://elibrary.ru/ozhted>.

© Таланов С. Л., 2022

Original article

The quality of higher education as the potential of Russia's "soft power"

Sergei L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor in the specialty, senior researcher at the Sector for Sociology of Deviant Behavior Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. The study examines the perceptions of foreign students about the quality of education, about organizing educational and research activities for foreign students, in the context of global competition in the markets of educational services. In 2022, there was a survey based on interviewing university students, undergraduates, and post-graduates from Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, and China studying at the universities with the greatest number of foreign students. It was found that a significant number of the surveyed foreign students are satisfied with the proportion of theory and practice in the academic curriculum and consider the level of teaching by their professors to be very high. The majority of foreign students, regardless of their field of studies, claimed that the educational process contributes to developing and realization of their individual abilities. In addition, it has been established that foreign students (master students, post-graduates) receive enough knowledge to build a successful professional career after their graduation. The majority of the surveyed foreign students assessed the level and quality of the academic support staff's work as average. Only a small number of students noted that the quality of work of the methodology rooms supervisors and laboratory assistants was very high. It has been found that those who excelled at school in their homeland, are also successful academically in the RF. Those respondents who got grades 4 and 5 at school had similar grades at university. The surveyed students, who indicated their average grade of 3 and 4 at a Russian university, had a similar level of performance during their schooling in their home country. According to the author, a significant number of lecturers do not take into account the ethnic psychology of students when preparing for a lecture, a seminar, or when conducting the class itself. On the basis of the research, the author proposes certain measures aimed at improving the quality of higher education in the RF.

Keywords: soft power; internationalization; education policy; recipient countries; donor countries; universities

For citation: Talanov S. L. The quality of higher education as the potential of Russia's "soft power". *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):29-52. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-29-52>. <https://elibrary.ru/ozhted>.

Актуальность исследования

Правительства разных стран мира ведут жесткую борьбу за привлечение (лучших) иностранных абитуриентов в свои вузы. И чем больше уда-

ется привлечь талантливых людей в страну, тем выше в итоге уровень развития экономики, поскольку увеличивается индекс человеческого развития страны. Вложение в челове-

ческий капитал принципиально влияет на организационную культуру производства, которая ведет к повышению качества производимой продукции и т. д. Кроме того, постепенно нормализуются взаимоотношения между странами, даже если они были неконструктивными. Этому способствует тот факт, что многие иностранные студенты после окончания обучения: бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, возвращаются на Родину и строят там успешную карьеру. А учитывая тот факт, что в лучшие свои годы жизни (молодости), иностранные студенты, в рамках обучения, впитывали (усваивали) ценности страны пребывания, то при возвращении в свою страну, они автоматически продолжают транслировать окружающим те позитивные впечатления и ценности, с которыми они познакомились в стране пребывания. Основными мотивами, по которым иностранные граждане выбирают российские вузы для получения образования, являются: владение русским языком на хорошем уровне и знание русской культуры [Таланов, 2022]. Не случайно, в октябре 2022 г. принято решение, что при СНГ будет создана международная организация по про-

движению русского языка. Но если по продвижению обучения русского языка в мире, а в особенности в ближнем зарубежье и Китае ведется целенаправленная работа, то по повышению качества высшего образования, возникают определенные сложности: старение кадров в российских вузах, низкие зарплаты преподавателей и вспомогательного персонала, износ основных фондов и т. д. А без высококвалифицированных кадров (профессоров, доцентов) и постоянного совершенствования материально-технического оснащения вузов, невозможно добиться повышения качества преподавания в вузах. Расходы на высшее образование не соответствуют вызовам и угрозам в современном мире (см. табл.1-3). Для повышения качества образования, необходимо в государственном бюджете увеличить расходы на высшее образование, в первую очередь на повышение заработной платы.

Учитывая вышеизложенное, мы предприняли попытку проанализировать качество высшего образования в стране (на примере вузов обучающихся иностранных граждан) как потенциал «Мягкой силы» России.

Таблица 1.

Государственные расходы на высшее образование*
(миллиарды рублей)

	Год							
	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	24,4	125,9	377,8	517,1	511,0	554,2	585,2	644,3

*Федеральная служба государственной статистики РФ

Таблица 2.

Государственные расходы на высшее образование в процентах к ВВП*

	Год						
	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	0,6	0,8	0,6	0,6	0,5	0,5	0,6

*Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. Москва, 2021. 550 с.

Таблица 3.

Государственные расходы на высшее образование в расчете на одного обучающегося в текущих ценах*

(тыс. руб.)

	Год							
	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	11,7	56,2	185,8	319,5	318,5	346,9	364,5	393,3

*Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. Москва, 2021. 550 с.

Постановка проблемы

Глубже осмыслить происходящие и произошедшие изменения, основные тренды в сфере повышения эффективности государственной политики высшего образования, позволяют результаты научных исследований, проведённые зарубежными и отечественными учеными за последние 30 лет.

Качеству высшего образования уделяют пристальное внимание ученые, руководители образовательных организаций, а также чиновники из разных стран. Так, со стороны властей особое внимание уделяется качеству подготовки специалистов высшей квалификации, это связано с тем, что высшее образование позволяет занимать управленческие должности, а от правильных решений руководителей зависит эффективность не только конкретной организации и отрасли, но и экономики в целом. [Borden, 2014; Delaney, 2014; Freeman, 2014].

Зарубежные ученые систематически анализируют роль государства при выборе вузов выпускниками школ. В частности, они пришли к выводу о том, что в странах, где есть специальные офисы для студентов – государственные органы в сфере высшего образования, там созданы равные возможности для всех абитуриентов реализовать свои способности, независимо от материального положения их семьи. Способные и талантливые абитуриенты из слаборесурсных групп имеют возможность учиться в вузе [Asquer, 2020; Borden, 2014; Bruckmann, 2014].

Отечественные политологи и социологи также вносят важный вклад в изучение государственной политики в сфере высшего образования и ее роли в повышении качества преподавания. В частности, они активно изучают механизмы модернизации государственной политики в сфере высшего образова-

ния [Чучулина, 2019; Ваниева, 2021], факторы, препятствующие совершенствованию системы высшего образования [Таланов, 2020]. Проводят политологический анализ государственной образовательной политики [Коряковцева, 2021], конкретизируют особенности реформ в сфере высшего образования, предлагают пути решения, что имеет значение для проводимого нами исследования.

Российские ученые: С. Л. Таланов, Ф. Ю. Кушнарев, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева, О. С. Пескова, Т. Б. Борискина и др. [Кушнарев, 2020] активно изучают факторы, препятствующие совершенствованию системы высшего образования, анализируют влияние присоединения и слияния вузов в России и за рубежом.

Политологический анализ государственной образовательной политики России дается в трудах Е. А. Антюховой, С. П. Артеева [Антюхова, 2019; Артеев, 2021].

Особенности национальных стратегий «Мягкой силы» во внешней политике России и Китая, активно анализируют отечественные ученые Е. А. Бастрыкина, Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская [Бастрыкина, 2021; Владимирова, 2020].

Эффективность образовательной политики в РФ активно оценивают отечественные ученые. Так, исследования социологов и политологов конкретизируют особенности реформ в сфере высшего образования,

сравниваются результаты реформ в РФ, КНР и Казахстане, предлагаются пути решения, что имеет значение для проводимого нами исследования. [Ермакова, 2021; Игнатенкова, 2021; Осташова, 2021]

В работах отечественных исследователей, в отличие от зарубежных коллег, фигурирует идея о главенствующей роли государства, при оценке качества высшего образования. Качество образования рассматривается ими, прежде всего, как соответствие государственному стандарту.

Результаты, полученные иностранными и отечественными учеными, перечисленные выше, мы учитывали при разработке программы социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

По данным Росстата, больше всего иностранных граждан, обучающихся в настоящее время в российских вузах – из Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Китая. Поэтому для опроса мы выбрали студентов, магистров, аспирантов, прибывших из данных стран. Больше всего иностранных граждан из данных стран обучается РУДН, КФУ, МФПУ, СПбПУ, МГУ, ВШЭ, УрФУ, СпбГУ, ОмГА, ПМГМУ.

В 2022 году были опрошены иностранные студенты, магистранты, аспиранты, обучающиеся в:

- Российском университете дружбы народов (РУДН);
- Казанском федеральном университете (КФУ);

– Московском финансово-промышленном университете «Синергия» (МФПУ);

– Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ);

– Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (МГУ);

– Высшей школе экономики (ВШЭ);

– Уральском федеральном государственном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ);

– Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ);

– Омской гуманитарной академии (ОмГА);

– Первом Московском государственном медицинском университете имени И. М. Сеченова (ПМГМУ).

В исследовании применили двухступенчатую выборку. Выборка квотная со случайным механическим отбором респондентов на второй ступени.

Первая ступень – отбор вузов, в которых в 2021/2022 академическом году обучалось наибольшее число иностранцев. Отобрали 10 вузов.

Вторая ступень – отбор при онлайн-опросе. Сначала пользователи самых популярных социальных сетей Вконтакте и т. п., увидев рекламу на веб-сайте, регистрировались на сайте панели. Затем респондент оставлял базовую социально-демографическую информацию о себе (свою профильную анкету) и только после этого, становился

участником панели. Если респонденты соглашались принять участие, то переходили по ссылке на анкету и самостоятельно заполняли её. Специальная программа позволяла контролировать, чтобы каждый респондент мог отдать свой голос только один раз. Онлайн-опрос осуществлялся в соответствии с заданными квотами, рассчитанными для каждого вуза, в соответствии с представительством в нем конкретных стран.

Переменные квотирования: пол, страна, тип семьи, статус (студент, магистрант, аспирант). Объем выборки составил $n=1200$ человек.

Проведена серия глубинных интервью с представителями профессорско-преподавательского состава, $n=45$.

Проведен внутренний и внешний анализ документов:

– Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

– «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России). Распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р.

Авторская гипотеза

Качество высшего образования в РФ будет соответствовать современным вызовам (четвертой промышленной революции, тенденциям в демографии и т. д.) при соблюдении следующих условий:

– систематического повышения квалификации профессорско-

преподавательского состава вузов, создания условий для полноценного развития их навыков и умений (сократить их нагрузку, отдельный кабинет в вузе, быстрый интернет, высокие зарплаты и оплата поездок на конференции, симпозиумы и т. д.);

– должна измениться роль преподавателей. Преподаватели – должны быть, прежде всего, наставниками/менторами/ фасилитаторами сообществ;

– постоянное совершенствование материально-технического оснащения вузов;

– избирать (переизбирать) преподавателей не менее чем на 5 лет, а не на год и три;

– целенаправленный обмен опытом преподавателей, финансировать зарубежные командировки, переподготовку за границей, публикации в иностранных журналах.

Результаты исследования

Сначала мы изучали причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования (см. табл. 4).

Таблица 4.

Причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Возможность обучения на русском языке	91	99	100	90
Невысокая стоимость обучения и проживания в стране	88	16	12	84
Качественное образование	73	100	99	87
Полученное образование в России, дает возможность трудоустроиться у себя на Родине	72	85	93	88
Не могут позволить себе образование в высокорейтинговых университетах Запада и в развитых восточноазиатских странах	48	82	73	52
Рекомендовали родители, родственники	33	91	92	44
Рекомендовали друзья	20	87	91	19
Люблю русскую культуру, литературу. Активно изучал русский язык, через онлайн-курсы разнообразной тематики	19	10	10	22
Приехал по направлению от организации, компании	18	9	10	16
Наличие российского диплома дает возможность уехать поступить в магистратуру в Европе	17	8	9	19

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Полученное образование позволит работать и достичь успехов в карьере или профессии в РФ	14	100	100	18

**Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Основной причиной, по которой иностранные абитуриенты выбрали Россию для обучения, является хорошее знание русского языка. Соответственно, важно продвигать (популяризировать) русский язык за границей. Больше открывать клас-

сов по обучению русскому языку, больше издавать книг, а также художественной литературы на русском языке.

Далее мы анализировали академическую успеваемость иностранных студентов (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы учитесь?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
На отлично	18	8	9	21
На хорошо и отлично	68	54	45	61
На удовлетворительно, хорошо и отлично	14	19	27	18
На удовлетворительно, хорошо	—	19	19	—
На удовлетворительно	—	—	—	—
Затруднились ответить	—	—	—	—

В ходе исследования мы сравнили данные, представленные в таблице 5 с данными по успеваемости в школе до поступления в вуз. Оказалось, что те респонденты, кто отлично учился у себя на Родине, также и в РФ, имеет успешную академическую успеваемость. Та часть респондентов, которая училась в школе на 4

и 5, имеет аналогичную успеваемость и в вузе. Опрошенные, которые указали, что учатся в российском вузе на 3 и 4, аналогичную успеваемость имели и во время своего обучения в школе у себя на Родине.

Далее мы изучали, насколько респондентам интересно учиться в вузе (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько интересно Вам учиться в вузе?»
 (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Очень интересно	12	14	16	24
Интересно отчасти	62	57	54	68
Не интересно совсем	21	23	24	8
Затруднились ответить	5	6	6	-

Установлено, что интересно учиться в основном той части студентов, которые учатся на 5 и 4. Респонденты могли дать развернутые пояснения, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы. Так, около одной четверти опрошенных указали, что по некоторым дис-

циплинам преподаватели ведут занятия скучно (не интересно), часто читают по бумажке и не могут ответить на возникающие вопросы.

Далее мы изучали, учитывают ли преподаватели при проведении занятий основы этнической психологии студентов (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Учитывают ли преподаватели при проведении занятий этническую психологию студентов»
 (в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Нет	88	86	84	76
Да	12	14	16	24

К сожалению, мы видим, что значительная часть преподавателей при подготовке к лекции, семинарскому занятию и при самом проведении занятий, не учитывают этническую психологию студентов.

Далее изучали, как оценивают материально-техническую обеспеченность учебного процесса наши респонденты (см. табл. 8).

Таблица 8.

Материально-техническая обеспеченность учебного процесса*
 (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Всем хватает мест в читальных залах	100	100	100	100
Всем хватает мест в аудиториях	95	100	100	100
Спортивные залы оснащены необходимым оборудованием	83	95	93	80
Все аудитории оснащены современной техникой	82	91	92	81

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Не все аудитории оснащены современной техникой	18	9	8	19
Спортивные залы не оснащены необходимым оборудованием	17	5	7	20
Не всем хватает мест в аудиториях	5	—	—	—
Не всем хватает мест в читальных залах	—	—	—	—

**Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.*

К сожалению, еще бывают ситуации, когда в вузах не все аудитории оснащены современной техникой. Отрадно, что всем хватает мест в читальных залах. Но учитывая, что сейчас одной из современных тенденций является цифровизация, что подразумевает наличие боль-

шого количества литературы в оцифрованном формате, то тот факт, что в библиотеке есть свободные места мало о чем говорит.

Далее мы изучали, по каким предметам ощущался недостаток учебной, научной или методической литературы в библиотеках вуза (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «По каким предметам ощущался недостаток современной (не старше 5 лет) учебной, научной или методической литературы в библиотеках вуза?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Теории отечественной и зарубежной литературы	24	14	12	31
Анализ художественного текста	21	10	7	34
Правоведение	18	10	12	21
Английский язык	13	18	21	24
Семантике и риторике	12	8	6	19
Философия	8	—	-	14
Культурология	8	5	6	7
История	—	7	—	—
Русский язык	—	—	5	—
Логика	—	5	—	—
По другим дисциплинам	5	6	5	6

**Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, в ряде вузов ощущается недостаток современных учебников по

теории отечественной и зарубежной литературы и по анализу художественного текста.

Далее мы изучали, в достаточной ли степени иностранные студенты обеспечены учебно-методическими материалами для самостоятельной работы (см. табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «Достаточно ли Вы обеспечены учебно-методическими материалами для самостоятельной работы?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Да	76	82	79	66
Нет	19	18	16	29
Затрудняюсь ответить	5	—	5	5

Как видно из данных, представленных в таблице 10, значительная часть студентов обеспечена учебно-методическими материалами для самостоятельной работы.

Далее мы изучали удовлетворенность студентов от соотношения теории и практики в учебном процессе (см табл. 11).

Таблица 11.

Удовлетворенность студентов соотношением теории и практики в учебном процессе

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
В полной мере	78	84	81	68
Отчасти	10	10	13	20
Не удовлетворяет совсем	7	6	6	12
Затрудняюсь ответить	5	—	—	—

Как видно из ответов респондентов, значительная часть опрошенных удовлетворены соотношением теории и практики в учебном процессе.

Далее мы изучали степень удовлетворенности качеством работы деканатов (см. табл. 12).

Таблица 12.

Степень удовлетворенности качеством работы деканатов

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
В полной мере	50	47	44	61
Отчасти	13	18	16	17
Не удовлетворяет совсем	32	30	35	17
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5

Мир русскоговорящих стран

Как видно из ответов иностранных студентов, большая часть из них удовлетворены качеством работы деканатов.

Далее мы изучали уровень преподавания в оценках общественного мнения студентов (см. табл. 13).

Таблица 13.

Уровень преподавания в оценках общественного мнения студентов
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Очень высокий	83	84	81	68
Высокий	9	8	10	18
Средний	8	8	9	14
Низкий	—	—	—	—
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—

Значительная часть респондентов оценивают уровень преподавания, у своих преподавателей, как очень высокий. Но, к сожалению, ряд иностранных студентов оценивает уровень преподавания, у ряда российских преподавателей, как средний.

Далее мы изучили отдельные характеристики преподавания и качества преподавателей в зависимости от национальности (гражданства) студента (см. табл. 14-15).

Таблица 14.

Характеристики методического мастерства преподавателя
(средняя оценка по 5-ти бальной шкале, где 1 – низкий уровень,
а 5 – высокий уровень)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Умение заинтересовать своим предметом	4,7	4,6	4,5	4,9
Требовательность к аудитории	4,7	4,2	4,1	4,8
Объективность оценки знаний студентов	4,6	4,1	4,0	4,9
Умение стимулировать студента к самостоятельной работе	4,2	4,0	4,1	4,5
Связь теории с практикой	3,2	4,1	4,2	4,3

Таблица 15.

Индивидуальные качества преподавателя как личности
(средняя оценка по 5-ти бальной шкале,
где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий уровень)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Внешний вид преподавателей	4,2	4,9	4,8	4,3
Коммуникабельность	4,3	4,7	4,5	4,2
Педагогический такт	4,2	4,6	4,4	4,3
Пунктуальность	4,0	4,8	4,6	4,2

Иностранные студенты высоко оценивают умение российских преподавателей заинтересовать своим предметом. В целом, по всем основным пунктам, мы видим очень высокие оценки. Только некоторые студенты из Казахстана считают,

что преподаватели не всегда способны показать связь теории с практикой.

Далее мы изучали, довольны ли респонденты качеством руководства курсовыми работами (см. табл. 16).

Таблица 16.

Качество руководства курсовыми работами*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Помогают определиться с темой, помогают на всех этапах работы с курсовой	67	79	78	66
Научный руководитель составляет график консультаций, и четко следуют ему	65	77	74	64
Формализм преподавателей при оценке курсовых	32	15	12	30
Плохая работа преподавателей со студентами в процессе подготовки и написания курсовых работ	21	10	8	18
Невозможность учесть и исправить выявленные на защите недостатки, ошибки и просчеты	8	6	5	9
Информационная и организационная неразбериха на кафедрах при выдаче заданий, распределении тем, назначении сроков защит	7	—	—	6
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Мир русскоговорящих стран

Большинство, принявших участие в опросе респондентов, отметили, что их научные руководители помогают не только определиться с темой курсовой работы, но и помогают на всех этапах работы с курсовой.

Далее мы анализировали уровень и качество работы учебно-вспомогательного персонала с точки зрения иностранных студентов (см. табл. 17).

Таблица 17.

Уровень и качество работы учебно-вспомогательного персонала (зав. методическими кабинетами, лаборантов)

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Очень высокий	8	12	10	6
Высокий	19	29	29	14
Средний	56	49	50	61
Низкий	12	5	6	14
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5

К сожалению, большинство из опрошенных нами иностранных студентов уровень и качество работы учебно-вспомогательного персонала оценивают как – средний. Только незначительное число студентов указали, что уровень работы заведующих

методическими кабинетами и лаборантов – очень высокий.

Далее мы изучали качество работы куратора-преподавателя студенческой группы с точки зрения респондентов (см. табл. 18).

Таблица 18.

Качество работы куратора-преподавателя студенческой группы*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Помощь в решении жилищно-бытовых вопросов	71	74	75	69
Помогал в разрешении проблем, возникающих во время учебного процесса и во время сдачи сессии и т. д.	60	47	49	64
Помогал в организации мероприятий во внеучебное время	59	51	52	63
Оказывал моральную поддержку	58	44	45	57
Знакомил с организацией учебно-воспитательного процесса в вузе	54	63	61	72
Организация участия студентов группы в научных мероприятиях	44	41	38	42
Организовывал культурно-массовые мероприятия (посещение музеев, выставок и т. д.)	31	20	14	29

俄语国家评论

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Невозможно найти куратора, когда он нужен	12	17	19	10
Другое	5	6	6	5

**Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Большинство иностранных студентов отметили, что кураторы им помогают в решении возникающих у них проблем. Но, к сожалению, ряд респондентов отметили, что сложно найти куратора группы, когда он нужен.

Далее мы изучали, как оценивают респонденты уровень получаемых знаний и соответствуют ли получаемые знания, навыки и умения построению профессиональной карьеры в будущем (см. табл. 19).

Таблица 19.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете, достаточно ли Вы получаете знаний для эффективной профессиональной деятельности?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Да, я считаю, что комплекс знаний по специальности отражает содержание и особенность профессиональной деятельности	65	77	74	64
Я не задумывался над этим вопросом. Получаю те знания, которые мне положены по государственному образовательному стандарту	9	5	7	12
Я считаю, что образовательная программа недостаточно полно отражает потребности профессиональной деятельности	8	—	—	—
Я получаю недостаточно знаний, как по составу дисциплин, так и по структуре их учебных часов	8	8	9	14
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5
Другое	5	5	5	5

Большинство респондентов полагают, что получают достаточно знаний для того, чтобы после окон-

чания вуза построить профессиональную карьеру.

Далее мы изучали, способствует ли образовательный процесс в вузе

раскрытию и реализации индивидуальных способностей респондентов (см. табл. 20).

Таблица 20.

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что образовательный процесс способствует раскрытию и реализации Ваших индивидуальных способностей?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Получение знаний в вузе помогает мне оценить свои индивидуальные способности при существующей методике и организации учебного процесса	67	79	77	66
Трудно раскрыть индивидуальные способности при существующей методике и организации учебного процесса	10	8	-	8
Учебный процесс проявляет индивидуальные способности в области профессиональной деятельности, но затрудняет развитие общечеловеческих гуманитарных способностей	10	7	12	9
Я имею смутное представление о своих индивидуальных способностях и думаю, что только практическая деятельность после окончания вуза поможет их раскрыть	8	6	6	—
В учебном процессе нет возможности реализовать индивидуальные способности, даже если они известны	—	—	—	5
Считаю, что не развитие способностей определяет успех профессиональной деятельности, а реальные условия трудоустройства и построения карьеры.	—	—	—	6
Другое	5	-	5	6

Большинство иностранных студентов независимо от направления обучения указали, что образовательный процесс способствует рас-

крытию и реализации их индивидуальных способностей.

Далее, мы изучали, создает ли вуз возможности для самореализации иностранного студента (см. табл. 21).

Таблица 21.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете возможности вуза для...»

(в %, от числа ответивших)*

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Для научного творчества	67	70	74	80
Для занятий физкультурой и спортом	61	78	82	70
Для проведения досуга	56	77	74	68
Для занятий художественной самодеятельностью	41	34	36	45

**Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, в вузах созданы достаточно комфортные условия для осуществления научной деятельности, занятия физкультурой и спортом, а также для досуга. Но при этом большинство студентов отмечают недостаток создания комфортных усло-

вий для занятия художественной самодеятельностью.

Далее мы анализировали, что необходимо сделать на уровне Правительства РФ в целях повышения эффективности функционирования высшего образования в России (см. табл. 22).

Таблица 22.

Возможные политические решения для повышения качества высшего образования в России*

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранные граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
Развивать инфраструктуру академических (вузовских, студенческих) городков. Больше строить удобных и оснащенных кампусов и общежитий	100	76	78	95
Бесплатный интернет (быстрый) во всех корпусах и общежитиях и т. д.	87	90	95	82
Снабдить гаджетами (айпадами, ноутбуками) студентов	86	95	96	89
Приглашать иностранных преподавателей для открытых лекции. Предусмотреть возможность получения двойных дипломов	85	100	100	95
Инвестировать больше средств в высшее образование, новую мебель,	82	93	94	95

Качество высшего образования как потенциал «мягкой силы» России

Мир русскоговорящих стран

Ответы	Иностранцы граждане из различных стран, n=1200			
	Казахстан n=300	Узбекистан n=300	Туркменистан n=300	Китай n=300
оснащение лабораторий, средства обучения, компьютеры и т. д.				
Оплачивать поездки на симпозиумы и конференции студентам и преподавателям	78	80	83	81
Предоставление больше грантов для студентов, чтобы они могли плодотворно заниматься научной деятельностью	65	70	80	89
Перестать закрывать вузы	45	55	59	48
При вузах открывать бесплатные курсы по русскому языку	37	56	63	47
Больше в вузах организовывать культурно-массовых мероприятий (бесплатное за счет вуза посещение музеев, выставок и т. д.)	34	28	27	41
Сделать бесплатным проживание в общежитии. В общежитии должны работать библиотеки и желательно до 2 часов ночи	23	45	56	27
Бесплатный доступ к образовательным ресурсам	22	78	74	24
Предоставлять рабочие места для иностранных граждан, окончивших бакалавриат, магистратуру, аспирантуру в российских вузах	21	66	72	33
У вуза должна быть развитость связей вуза с работодателями и востребованность диплома вуза на рынке труда	43	27	32	44
Вузы должны перейти на ежемесячную оплату обучения	12	32	28	21
Расширение дистанционного образования	11	10	20	21
Другое	5	6	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.*

Как видно из ответов опрошенных, иностранные граждане предлагают совершенствовать инфраструктуру академических (вузовских, студенческих) городков и это несмотря на то, что стандартно руководство

вузов, лучшие комнаты в общежитиях предоставляет иностранным гражданам. Кроме того, значительная часть опрошенных считает, что должен быть в учебных корпусах, общежитиях и т. д. бесплатный,

быстрый интернет. Интерес вызывает предложение об открытии при общежитиях библиотек, которые должны функционировать до 2 часов ночи. Очевидно, что многие иностранные студенты подрабатывают в свободное время от учебы.

Проведена серия глубинных интервью с представителями профессорско-преподавательского состава, n=45.

Далее приводим некоторые типичные высказывания респондентов.

Декан, 50 лет.

«От нас требуют постоянно совершенствовать свои знания, публиковаться в иностранных журналах. У меня не такая большая зарплата и не такая маленькая нагрузка, чтобы много писать статей, да еще и самому их оплачивать. Я понимаю тех, кто работает в Москве, там, в ряде вузов столицы платят 100 тыс. рублей за то, что преподаватель опубликовал одну статью в международной базе цитирования Web of Science или Scopus. А в нашем вузе, например, за публикацию одной такой статьи платят 10 тыс. рублей, одноразово, в год. Командировки на конференции не оплачивают, не говоря уже про командировки за границу».

Заведующий кафедрой, 66 лет.

«На факультете наблюдается старение кадров. И настораживает тот факт, что из аспирантов, которые периодически поступают к нам, защищают диссертацию только 30 процентов, при этом

они не желают работать на кафедре и уходят заниматься бизнесом либо на государственную службу. Все время не хватает средств для повышения заработной платы вспомогательному персоналу. Например, у меня на кафедре, частая смена лаборантов (методистов). Заработная плата у них маленькая. Иногда беру на кафедру магистров, но у них тоже интерес особый, пока учатся в течение двух лет, они еще заинтересованы работать, а после, как правило, увольняются. Необходимо повысить зарплаты лаборантам, старшим преподавателям, доцентам, профессорам. Иначе нет смысла говорить о будущем высшего образования в стране, где сейчас все держится за счет профессоров, которые еще защитили свои диссертации либо во времена СССР, либо сразу после распада Советского Союза».

Мы видим из типичных высказываний респондентов, независимо от их должностей, научных званий, возраста пола, что тревогу вызывают низкие зарплаты, большая нагрузка, высокие требования к публикационной активности, но не созданы условия для этой активности, а также очень низкие зарплаты у вспомогательного персонала.

Заключение

В рамках исследования найдено подтверждение основной гипотезы.

С целью увеличения политического влияния России через эле-

менты «Мягкой силы», необходимо повысить качество образования в российских вузах, для этого важно:

– преподавателям при подготовке к лекции, семинарскому занятию и при самом проведении занятий, учитывать этническую психологию студентов. Для этого необходимо организовывать курсы повышения квалификации для преподавателей. В рамках такого обучения знакомить преподавательский состав со спецификой культуры разных народов;

– систематически повышать квалификацию учебно-вспомогательного персонала;

– реализовывать индивидуально-личностный подход к каждой микрогруппе и к каждому отдельному студенту, прежде всего через институт кураторов-тьюторов;

– проводить научно-практические конференции, круглые столы, открытые лекции, направленные на изучение особенностей менталитета и национальной культуры разных народов;

– строить (модернизировать имеющиеся) удобные и оснащенные кампусы и общежития, которые обеспечат быстрым бесплатным интернетом;

– вузам необходимо сделать бесплатным проживание в общежитии;

– снабдить студентов (магистров, аспирантов) гаджетами;

– систематически организовывать культурно-массовые мероприятия (бесплатные за счет вуза посещение музеев, выставок и т. д.);

– изменить роль преподавателей. Преподаватели – должны быть, прежде всего, наставниками/ менторами/ фасилитаторами сообществ;

– систематически и целенаправленно проводить социологические опросы в вузах, для оценки качества образования с точки зрения иностранных студентов;

– повысить стипендию иностранным студентам (магистрантам, аспирантам), чтобы могли учиться способные и талантливые студенты из бедных семей. Высокие стипендии позволят студентам не подрабатывать, что позволит лучше усваивать учебный материал, так как подработка снижает успеваемость. Для этого Правительство РФ должно увеличить стипендии для иностранных студентов, обучающихся по квоте.

Библиографический список

1. Антюхова Е. А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 41-45.

2. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32-57.

3. Бастрыкина Е. А. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике КНР // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 4-11.

4. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности Российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 4. С. 144-154.
5. Ваниева Э. А. Диджитализация образовательных технологий высшего учебного заведения как средство достижения конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг // Kant. 2021. № 1 (38). С. 10-14.
6. Владимирова Д. А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий / Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1 (52). С. 123-137.
7. Ермакова А. Н. «Мягкая сила» как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10, № 4-1. С. 41-49.
8. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234-237.
9. Коряковцева О. А. «Плюсы и минусы» использования балльно-рейтинговой системы оценивания в вузах: результаты эмпирического исследования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 2. С. 55-65.
10. Кумаре И. Кадровый потенциал как объект маркетингового управления и фактор развития конкурентного преимущества вуза / И. Кумаре, О. С. Пескова, Т. Б. Борискина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2019. № 1 (235). С. 147-152.
11. Кушнарев Ф. Ю. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Ф. Ю. Кушнарев, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
12. Осташова Я. В. Образование как элемент политики «мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10, № 3 (37). С. 220-226.
13. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России). Распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р.
14. Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. Rosstat. Москва, 2021. 550 с.
15. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
16. Торкунов А. В. Университет как часть национальной экономики // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 111-122.
17. Чучулина Е. В. Разработка модели формирования человеческого капитала в условиях интеграции высшего образования России в мировое образовательное пространство / Е. В. Чучулина, А. А. Базеян // Финансовая экономика. 2019. №4. С. 236-241.

18. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // *Public Management Review*. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.

19. Borden, C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // *Research in Higher Education*, 2014. 55(2), Pp. 196-217.

20. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // *Tertiary Education and Management*. 2014. 20(3), Pp. 193-206.

21. Delaney, J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // *Research in Higher Education*, 2014. 55(5), Pp. 433-466.

22. Freeman, B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2014. 36(1), Pp. 74-87.

Reference list

1. Antjuhova E. A. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Germanii = Education as an instrument of “soft power” in German foreign policy // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2019. № 57. S. 41-45.

2. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russian foreign policy: the “soft power” of the regions // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32-57.

3. Bastrykina E. A. Ispol'zovanie instrumentov «mjagkoj sily» vo vneshnej politike KNR = Using “soft power” tools in the Chinese foreign policy // *Amurskij nauchnyj vestnik*. 2021. № 1. S. 4-11.

4. Bugajchuk T. V. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti Rossijskoj molodezhi kak politicheskij fenomen = Shaping the civic identity of Russian youth as a political phenomenon // *Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly*. 2021. T. 12, № 4. S. 144-154.

5. Vanieva Je. A. Didzhitalizacija obrazovatel'nyh tehnologij vysshego uchebnogo zavedenija kak sredstvo dostizhenija konkurentnogo preimushhestva na rynke obrazovatel'nyh uslug = Digitalizing educational technologies of higher educational institution as a means of achieving a competitive advantage in the education services market // *Kant*. 2021. № 1 (38). S. 10-14.

6. Vladimirova D. A. «Mjagkaja sila» vo vneshnej politike Rossii i Kitaja: osobennosti nacional'nyh strategij = “Soft power” in foreign policy of Russia and China: peculiarities of national strategies / D. A. Vladimirova, E. V. Zhurbej, A. A. Karlovskaja // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2020. № 1 (52). S. 123-137.

7. Ermakova A. N. «Mjagkaja sila» kak kompleks instrumentov sovremennoj vneshnej politiki KNR = “Soft power” as a set of tools in modern foreign policy of the PRC // *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*. 2021. T. 10, № 4-1. S. 41-49.

8. Ignatenkova I. A. Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realizing Russia's strategic national interests through “soft power” policy as exemplified by the development of exports of education // *Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie*. 2021. № 6-3 (76). S. 234-237.

9. Korjakovceva O. A. «Pljusy i minusy» ispol'zovanija ball'no-rejtingovoj sistemy ocenivaniya v vuzah: rezul'taty jempiricheskogo issledovanija = "The pros and cons" of using a rating system in universities: an empirical study results // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2021. № 2. S. 55-65.
10. Kumare I. Kadrovij potencial kak ob#ekt marketingovogo upravlenija i faktor razvitija konkurentnogo preimushhestva vuza = Personnel potential as an object of marketing management and a factor in the development of a university competitive advantage / I. Kumare, O. S. Peskova, T. B. Boriskina // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5: Jekonomika. 2019. № 1 (235). S. 147-152.
11. Kushnarev F. Ju. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = The COVID-19 impact on the higher education system / F. Ju. Kushnarev, D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2020. № 10. S. 12-22.
12. Ostashova Ja. V. Obrazovanie kak jelement politiki «mjagkoj sily»: sovremennye politicheskie realii Rossii i Kazahstana = Education as an element of "soft power" policy: Russian and Kazakhstan's current political realities // Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2021. T. 10, № 3 (37). S. 220-226.
13. «Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» (razrabotan Minjekonomrazvitija Rossii). Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 06.10.2021 N 2816-r. = "A forecast for the long-term social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030" (designed by the Ministry of Economic Development of Russia). By Order of the Government of the RF of 06.10.2021 N 2816-r.
14. Rossija v cifrah. Kratkij statisticheskij sbornik. Rosstat = Russia in figures. Brief statistics bulletin. Rosstat. Moskva, 2021. 550 s.
15. Talanov S.L. Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The place of education in Russia's "soft power" policy: strategic guidelines and tools // Mir russkogovorjashhijh stran. 2022. № 2 (12). S. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>.
<https://elibrary.ru/zbzdhy>.
16. Torkunov A. V. Universitet kak chast' nacional'noj jekonomiki = University as part of the national economy // Voprosy jekonomiki. 2019. № 12. S. 111-122.
17. Chuchulina E. V. Razrabotka modeli formirovanija chelovecheskogo kapitala v uslovijah integracii vysshego obrazovanija Rossii v mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo = Developing a model of human capital formation in the context of Russia's integration of higher education into the world educational space / E. V. Chuchulina, A. A. Bazejan // Finansovaja jekonomika. 2019. №4. S. 236-241.
18. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // Public Management Review. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
19. Borden, C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in Higher Education, 2014. 55(2), Pp. 196-217.
20. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary Education and Management. 2014. 20(3), Pp. 193-206.

21. Delaney, J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // *Research in Higher Education*, 2014. 55(5), Pp. 433-466.

22. Freeman, B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2014. 36(1), Pp. 74-87.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted on 01.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 821.161.1-32
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-53-70
EDN NZDDVZ

О чеховских докторгах (системные оппозиции и сюжетные функции)

Елена Александровна Иваньшина

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж
sergiencou@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7599-5231>

Аннотация. Цель данной статьи – определить матричный состав мотивов, которые характеризуют чеховских докторгов, и функции персонажа-врача в чеховском сюжете. В статье фигура чеховского врача рассматривается в контексте традиционных медицинских топосов, из которых складывается врачебный миф. Эти топосы определяются особым, пограничным положением врача между миром живых и миром мёртвых, приобщенностью к знанию и властными полномочиями. Следуя сложившейся мифологии, Чехов иронически переосмысливает традиционные представления о докторгах, встраивая персонажей-докторгов в разные жанровые схемы. В сюжетах с участием врачей одни и те же мотивы, перераспределяясь, дают разные результаты от раннего творчества к позднему.

В ходе анализа чеховских текстов актуализируется набор базовых оппозиций, составляющих семантический потенциал, развёрнутый в чеховских сюжетах с участием врача: «толстый – тонкий», «богатство – бедность», «жизнь – смерть». Эти оппозиции создают «силовое поле», в котором доктор оказывается карнавальным, амбивалентным, «осевым» персонажем, сюжетную функцию которого можно обозначить как функцию переворачивания исходной ситуации. Автор статьи показывает, как оппозиция «жизнь – смерть» преобразуется у Чехова в оппозицию «жизнь – театр», в рамках которой осмысливается взаимодействие врача со средой. Сюжеты с участием докторгов у Чехова, как правило, остроумны, симметричны и актуализируют тему превратностей судьбы. При этом основная тенденция – превращение доктора из агента судьбы, из внешнего «триггера» сюжета, которым он является в романической парадигме, в актёра, играющего навязанную роль в заряженном театральностью социуме. Особое внимание в статье уделяется внутреннему конфликту чеховского врача и его склонности к резонёрству.

Ключевые слова: врач; топос; смерть; деньги; коммуникация; театр; среда; резонёр

Для цитирования: Иваньшина Е. А. О чеховских докторах (системные оппозиции и сюжетные функции) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 53-70. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-53-70>. <https://elibrary.ru/nzddvz>.

PHILOLOGY

Original article

On Chekhov's doctors (system oppositions and plot functions)

Elena A. Ivanshina

Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of theory, history and methodology of teaching russian and literature, Voronezh state pedagogical university, Voronezh
sergiencou@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7599-5231>

Abstract. The purpose of this article is to determine the matrix set of motifs that characterize Chekhov's doctors and the functions of the doctor character in Chekhov's plot. The article examines the figure of Chekhov's doctor in the context of traditional medical topoi, which make up the medical myth. These topoi are defined by the doctor's unique, boundary position between the world of the living and the world of the dead, by their knowledgeable ability and authority. Following the established mythology, Chekhov gives new ironic interpretations of traditional ideas about doctors, integrating the characters of doctors into different genre schemes. The same motives, redistributed in plots involving doctors, produce different results from Chekhov's early to his later work.

The analysis of Chekhov's texts actualizes a set of basic oppositions that make up the semantic potential in Chekhov's stories involving a doctor: "fat – thin", "wealth – poverty", "life – death". These oppositions create a "power field", in which the doctor turns out to be a carnival, ambivalent, "axial" character, whose plot function can be described as that of overturning the original situation. The author shows how Chekhov transforms the opposition "life – death" into the opposition "life – theater", in which the doctor's interaction with the environment is considered. Chekhov's plots involving doctors are usually witty, symmetrical and actualize the theme of fate's vicissitudes. The main tendency is to transform the doctor from the agent of fate, from the external "trigger" of the plot, which he is in the narrative paradigm, into an actor playing an imposed role in a society charged with theatricality. The article pays special attention to the Chekhov's doctor's inner conflict and his tendency to reasoning.

Keywords: doctor; topos; death; money; communication; theater; environment; reasoner

For citation: Ivanshina E. A. On Chekhov's doctors (systemic oppositions and plot functions). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):53-70. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-53-70>. <https://elibrary.ru/nzddvz>.

Введение

Фигура врача всегда воспринималась неоднозначно, о чём свидетельствует обширная культурная

традиция [Иваньшина, 2013]. Литературные репрезентации врачей можно представить как набор общих мест, из которых складывается

социальная мифология, шлейф которой тянется за представителями древней и благородной профессии сотни лет. Будучи необходимым спутником умирающего, доктор воспринимается как вестник или пособник смерти, её подручный, соотносимый, с одной стороны, с палачом (подробней о враче как пособнике смерти и, в частности, палаче, см.: [Иваньшина, 2013]), а с другой – со священником (о корреляции профессий врача и священника см.: [Лотман, 2002]; [Богданов, 2005]). В средневековой комике образ врача связан с материально-телесным низом. В роль святочного доктора входит насмешка над старостью и смертью. В романтической повести доктор выступает зримым агентом неведомой судьбы. В эпоху Просвещения литература берет на себя функцию диагностики, что будет характерно позднее для натуральной школы. Центральное место при этом занимает критический анализ общества, которое представляется пораженным болезнью организмом. Социум относится к представителям медицинской профессии с «опасливым уважением», так как «получение знания традиционно воспринимается как приобщение к потустороннему миру» [Лотман, 2002, с. 223]. Профессия врача предполагает и дар красноречия, что объясняется реализацией медициной риторических стратегий власти (стратегии произвола и принуждения, согласия и подчинения), непредставимых вне словесности [Богданов, 2005].

А. П. Чехов относится к числу писателей, чутких и одновременно ироничных по отношению к традиции: наследуя от предшествующей литературы (не только русской), он, с одной стороны, как будто продолжает заданные модусы, а с другой – пародирует традицию [Назирова, 2005]. В чеховском репертуаре есть разные доктора, чьи образы вырастают из реального или литературного материала (см., например, рассмотрение рассказа «Попрыгунья» в контексте романа «Госпожа Бовари» [Кибальник, 2015], или повести «Дуэль» в контексте дуэльных сюжетов русской литературы [Иваньшина, 2020]).

Рассмотрению образа врача у Чехова посвящён целый ряд работ, авторы которых чаще всего обращаются к рассказу «Ионыч» ([Ларионова, 2010; Щеглов, 2012; Богданова, 2016]) или «Попрыгунья» ([Кондратьева, 2016; Ярмонов, 2018]). Встречаются и работы сопоставительного характера ([Ивлева, 2001; Стенина, 2007; Гедзюк, 2018; Фёдорова, 2020; Дин, 2022]), авторы которых чаще всего или актуализируют архетипические схемы, реализованные писателем, или заостряют внимание на его ценностных ориентирах. На данный момент нам представляются актуальными интегральные исследования, сделанные на материале широкого корпуса текстов, на основании которых можно было бы составить представление о системных характеристиках чеховских докторов.

Результаты исследования

Сама докторская среда у Чехова неоднородна: это и сельские эскулапы, и рефлексирующие разночинные интеллигенты, и фанатики науки, и святочные доктора, и омещанившиеся врачи, сосредоточенные на наживе. Писатель использует весь имеющийся в культуре потенциал докторской мифологии, разворачивая топосы с учётом современного ему контекста. В творчестве Чехова врач – осевая фигура, вокруг которой складываются сюжеты, в которых одни и те же мотивы перераспределяясь, дают разные результаты от раннего творчества к позднему. Цель данной статьи – определить матричный состав мотивов, которые характеризуют чеховских докторов, и функции персонажа-врача в чеховском сюжете.

С общего места начинается рассказ «Разговор» (1883): «Особы обоего пола сидели в мягких креслах, кушали фрукты и, от нечего делать, бранили докторов. Порешили так, что если бы на этом свете вовсе не существовало докторов, то было бы прекрасно; по крайней мере люди не так бы часто болели и умирали» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 96]. Это общее место опровергает блондинка, которая, путаясь и краснея, приводит женский аргумент в пользу докторов: «Представьте себе, что жена <...> не может <...> любить мужа <...> Она отправляется к доктору и просит его, чтобы он... нашел причины... Доктор приходит к мужу и во имя

здоровья жены приказывает ему отказаться от своих супружеских обязанностей...» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 96]. Старичок-чиновник рассказывает о докторе, который всякий раз по просьбе подчинённых, замечающих, что в генерале начинается «переворот», отправляет его лечиться за границу и тем самым пресекает его реформаторскую деятельность, обеспечивая покой подчинённым. Ещё одна функция врача – освобождать от службы в армии – угадывается в «свёрнутом» рассказе третьей собеседницы. В результате разговора первоначальное общее мнение меняется на противоположное: «И докторов стали хвалить; говорили, что без них никак нельзя, что если бы на этом свете не было докторов, то было бы ужасно. И решили в конце концов так, что если бы не было докторов, то люди болели бы и умирали гораздо чаще» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 98].

Риторическим топосом русского XVIII века является алчность лекарей. Расхожее представление о враче-шарлатане, главное искусство которого – вытягивать деньги из пациентов – высказано устами помещика Силвана уже в первой оригинальной сатире Кантемира. У Чехова корыстолюбие врачей находит выражение в такой лапидарной вывеске («**Контора объявлений Антоши Ч.**», 1881): «Доктор Чертолов. Специалист по женским, мужским, детским, грудным, спинным, шейным, затылочным и многим

другим болезням. Принимает ежедневно с 7 ч. утра до 12 ч. ночи. Бедных лечит 30-го февраля, 31-го апреля и 31-го июня бесплатно и 29-го февраля с большой уступкой. Молчановка, Гавриков пер., собственный дом» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 100]. В рассказе «**На магнетическом сеансе**» (1883) специфический докторский навык – умение одним осязанием распознавать достоинство денежной купюры – актуализируется как передающийся по наследству. Действие происходит на магнетическом сеансе, на котором гипнотизёр демонстрирует чудеса, о которых свидетельствует журналист-рассказчик: «Одного усыпил, другого околочил, третьего положил затылком на один стул, а пятками на другой... Одного тонкого и высокого журналиста согнул в спираль. Делал, одним словом, чёрт знает что <...>» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 30]. Когда гипнотизёр выбирает объектом опыта рассказчика и просит его уснуть, тот старается, но не отвечает ожиданиям магнетизёра и публики. Магнетизёр вот-вот потерпит фиаско. Но тут происходит ожидаемый эффект: «И вот, в то время, когда я, вняв голосу приятеля, сделал движение, чтобы подняться, моя рука нащупала на своей ладони посторонний предмет... Пустив в ход осязание, я узнал в этом предмете бумажку. *Мой папаша был доктором, а доктора одним осязанием узнают качество бумажки. По теории Дарвина я со многими другими способностями*

унаследовал от папаша и эту милую способность. В бумажке узнал я пятирублевку. Узнав, я моментально уснул [здесь и далее курсив мой – Е. И.]» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 31]. Интересно, как ведут себя доктора, которые должны освидетельствовать результат гипноза: «Доктора, бывшие в зале, подошли ко мне, повернулись, понюхали и сказали: – Н-да... Усыплен...» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 31]. Вопрос, сколько и кто запластил им, а также другим подопытным, остаётся открытым. Относительно же рассказчика-журналиста становится известно, что пятирублёвками его «стимулировал» начальник, проверяя на честность.

Примером переворачивания этого общего места является рассказ «**Месть женщины**» (1884), в котором корыстолюбие врача, приехавшего на вызов и не заставшего пациента, получает неожиданный поворот. Жена сначала извиняется перед доктором за отсутствие мужа, оправдывается, что муж ушёл из дома, захватив все деньги, потом посылает за деньгами к лавочнику, получает рубль и отдаёт доктору. Тот возмущён такой унижительной платой и требует увеличить вознаграждение. Чувствуя себя униженной и ненавидя настырного визитёра, женщина меняет тактику: начинает жаловаться на невежду мужа, на тяжёлую среду, а доктора называет образованным человеком, затем разыгрывает обморок, падает ему на руки и увлекает к камину.

Далее следует фигура умолчания. «Через час доктор выходил из квартиры Челобитьевых. Ему было и досадно, и совестно, и приятно...» «Чёрт возьми... – думал он, садясь в свои сани. – Никогда не следует брать с собой из дому много денег! Того и гляди, что нарвешься!» [Чехов, 1974-1982, т. 2, с. 332]. Исходная ситуация оказывается перевёрнутой, а остроумность женской расплаты актуализирует пословицу «Долг платежом красен».

В рассказе «**Общее образование (последние выводы зубо-врачебной науки)**» (1885) встречаются два представителя медицинской профессии: один, «маленький поджарый человечек в потускневшем пальто, лаганных сапогах и с серыми, словно оципантыми, усами», глядит «с подобострастием на своего коллегу, жирного, толстого немца в новом дорогом пальто и с гаванкой в зубах» [Чехов, 1974-1982, т. 4, с. 150]. Это медицинская версия сюжета о толстом и тонком. Тонкий спрашивает толстого, отчего он беден; толстый видит причину в отсутствии у врачей *общего образования*. Оказывается, под общим образованием он подразумевает приличную обстановку и одежду, шикарную вывеску и рекламу. Немец учит своего коллегу, как надо обращаться с пациентами, то есть как придать себе значимости в их глазах. Речь идёт о шарлатанском рекевизите: «<...> А на столе перед барыней челюсти, черепа, кости раз-

ные, всевозможные инструменты, банки с адамовыми головами – всё страшное, таинственное. Сам я в черном балахоне, словно инквизитор какой. Тут же около кресла стоит машина для веселящего газа. Машину-то я никогда не употребляю, но все-таки страшно! зуб рву я огромнейшим ключом. Вообще, чем крупнее и страшнее инструмент, тем лучше <...> Рви здоровые зубы, до больного доберешься <...> держи себя как доктор» [Чехов, 1974-1982, т. 4, с. 152]. В риторике Осипа Францевича врач предстаёт артистом. Его коллега-неудачник в ответ признаётся, что не может жить по правилам своего приятеля: приличная обстановка у него не прижилась, а во время врачебных манипуляций его не оставляют сомнения в правильности своих действий, от которых дрожит рука.

Оппозиция «толстый – тонкий» даёт в чеховском тексте две ветви: одна – история карьерного успеха и обогащения («Цветы запоздалые» 1882, «Моя жизнь» 1896, «Ионьч» 1898), другая – история служения людям и профессии, тяжёлый беспросветный труд («Враги» 1887, «Неприятность» 1888, «Попрыгунья» 1892). При этом одно не исключает другого: принципиальная разница между чеховскими докторами не в количестве накопленных денег (которые являются, в числе прочего, и показателем профессиональной востребованности), а в целеполагании и в наличии или отсутствии внутренней рефлексии по

поводу ценностных ориентиров, в том, как – извне или изнутри – показан персонаж докторского амплуа.

«Толстый» и «тонкий» типажи у Чехова могут меняться местами, как, например, в повести «Дуэль» (1891): «толстым» здесь является доктор Самойленко, чей образ восходит к образу лермонтовского доктора Вернера [Иваньшина, 2020], но при этом более «плотен»: он любит выпить и поесть, однако легко относится к деньгам и, будучи человеком добрым, всем даёт займы. Самойленко – примиритель, миротворец; с профессией врача согласуется и его поварское хобби (повар как ритуальная фигура сродни жрецу): он держит у себя подобие столовой и сам готовит для своих «нахлебников».

На дуэли Лаевского с фон Кореном в качестве доктора присутствует не Самойленко, а Устимович. Лаевскому неприятен этот доктор, он называет его про себя ростовщиком: при этом «Лаевский был раньше знаком с этим человеком, но только теперь в первый раз отчетливо увидел его тусклые глаза, жесткие усы и тощую, чахоточную шею: ростовщик, а не доктор!»; «видно было, что ему вовсе не нужны были деньги, а спрашивал он их просто из ненависти» [Чехов, 1974-1982, т. 7, с. 444].

Однако собственно «доктором» – не по профессии, а по сюжетной функции – здесь становится зоолог фон Корен, который высказывается о своём желании уничто-

жить *вредную микробу* Лаевского, чтобы он не заражал всё вокруг, но по воле случая излечивает его дуэльным выстрелом, тем самым переворачивая изначальную ситуацию и исчерпывая конфликт.

Среди персонажей повести «Драма на охоте» (1884) тоже есть доктор, приятель и наперник главного героя, судебного следователя Зиновьева. *Очень хороший мальчик*, Павел Иванович Вознесенский своей добротой, готовностью дать займы и наивной верой в людей похож на доктора Самойленко, хотя, в отличие от него, «тонкий»: «Я люблю его высокую, тонкую, узкоплечую фигуру <...> ему некогда хлопотать о своей наружности, да и не умеет он... Он молод, честен, не суетен, любит свою медицину, вечно в разъездах, – этого достаточно, чтобы объяснить в его пользу все промахи его незатейливого туалета. Он, как артист, не знает цены деньгам и невозмутимо жертвует своим комфортом и благами жизни кое-каким своим страстишкам, и оттого-то он дает впечатление человека неимущего, еле сводящего концы с концами... Он не курит, не пьет, не платит женщинам, но, тем не менее, две тысячи, которые вырабатывает он службой и практикой, уходят от него так же быстро, как уходят у меня мои деньги, когда я переживаю период кутежа. <...> Займы дает он всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь об обратной получке» [Чехов, 1974-1982, т. 3, с. 291-292].

Важной характеристикой чеховских докторов является их разночинская биография. Если в мифопоэтических координатах врач связан с потусторонним миром, то у Чехова всегда даёт о себе знать принадлежность врача к «нижнему» миру социума, из которого он поднимается вверх благодаря профессии. В герое рассказа «**Цветы запоздалые**» (1882) докторе Топоркове угадывается будущий Дмитрий Старцев. Этот врач – настоящий социальный парадокс для представителей «верхнего» мира, разорившихся князей Приклонских: будучи сыном крепостного, плебеем, он «живет баринном, в чертовски большом доме, ездит на паре, как бы в “пику” Приклонским, которые ходят пешком и долго торгуются при найме экипажа» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 392]; «плебейского в нем, кроме сильно развитой мускулатуры, почти ничего нет. Всё – барское и даже джентльменское» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 397]; «ремесло его... не особенно чистое. Вечно в разной разности копается... Фи!» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 402]. Учёность Топоркова становится компенсацией за его происхождение, а профессионализм даёт возможность внешне (шуба, дом, коляска) возвыситься над разорившимися аристократами Приклонскими. Топорков похож на доктора Старцева в тот период, когда он имеет большую практику.

Важное место в рассказе отводится деньгам. Мотив денег спле-

тается здесь с мотивом стыда. Сначала стыд – привилегия Приклонских, чьё поведение демонстрирует неловкое отношение к деньгам; деньги, а уж тем более их мелочные подсчёты, составляют для них изнаночную сторону жизни, которую они привыкли отделять от стороны романтической (благородство, игра на пианино, любовь). Для Топоркова же пересчитывать деньги – часть профессии, которая не только кормит, но и возвышает его, в том числе над Приклонскими; для сына крепостного они не являются низкой стороной жизни, наоборот, превращаются в инструмент вытеснения памяти о низком прошлом.

Топорков вроде бы богат, по крайней мере так кажется Марусе, но заработанных им денег не хватает на тот уровень роскоши, на который он замахнулся, поэтому и жениться он хочет на богатой и просит через сваху в качестве приданого за невесту шестьдесят тысяч. «К своему браку, в котором он почувствовал необходимость, он относился безразлично: для него было решительно всё одно, куда бы ни пошла сваха... Ему нужны были... шестьдесят тысяч. Шестьдесят тысяч, не менее! Дом, который он собирался купить, не уступали ему дешевле этой суммы. Занять же эту сумму ему было негде, на рассрочку платежа не соглашались. Оставалось только одно: жениться на деньгах, что он и делал» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 414]. После первого приёма у Топоркова в качестве пациентки, вручив доктору

трёхрублёвку, Маруся стыдится собственного поведения: «Зачем я держала эти подлые деньги в руках, точно напоказ? Деньги – это такая щекотливая вещь... Храни бог! Обидеть можно человека! Нужно платить так, чтоб незаметно это было» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 422]. После второго визита Маруся думает, что благородный доктор и подлые деньги существуют параллельно, что Топорков обирает бедных больных неосознанно, так как не понимает жизни. Пытаясь отделить героическую фигуру от низкого фона, княжна заблуждается: именно пятирублёвки составляют смысл коммуникации между доктором и пациентками. Когда во время третьего визита Маруся признаётся доктору в любви, эта память просыпается в нём вместе с беспокойно заворочавшимся сердцем и разгорячённой головой. Воспоминания о бедности оказываются радостными, а победа над ней вдруг начинает выглядеть бессмысленной. «Наконец он победил, лбом своим пробил туннель к жизни, прошел этот туннель и... что же? Он знает превосходно свое дело, много читает, много работает и готов работать день и ночь... Топорков искося поглядел на десяти- и пятирублевки, которые валялись у него на столе, вспомнил барынь, от которых только что взял эти деньги, и покраснел... Неужели только для пятирублевок и барынь он прошел ту трудовую дорогу? Да, только для них...» [Чехов, 1974-1982, т. 1, с. 429]. Теперь уже не Маруся, а доктор стыдится своих

денег, как будто её стыд перешёл к нему. Вытесненное прошлое вдруг видится счастливым, а нынешняя комфортная жизнь – *страшной, невылазной грязью*.

Как только пациентка лишается чувств, доктор начинает их испытывать. Стыд Маруси тоже как будто переходит к доктору. Такая передача жизненной энергии напоминает магнетическое воздействие, которое обычно встречается в романтических повестях. Возвращению доктора в человеческое состояние, то есть в состояние рефлексии, способствует болезнь Маруси, которая сначала является поводом для её визитов к доктору, а затем оказывается лекарством для самого доктора, который в запоздалой любви к безнадежно больной пациентке заново обретает смысл существования. Именно болезнь обесценивает деньги как единственный смысл коммуникации доктора с Марусей: эта коммуникация приобретает возвышенный, благородный смысл, обесценивающий деньги постольку, поскольку они уже не могут дать желаемое – жизнь любимой пациентки. Как только доктор открывает в себе чувство стыда, заканчивается профессиональный театр ради денег. Теперь не Маруся отделяет своего героя от низкого фона, а он поднимает её над грязью собственной жизни.

Ни в «Цветах запоздалых», ни в рассказе «Ионыч» (1898) доктор-разночинец, несмотря на успешную карьеру и бытовую антураж, не становится частью «верхнего мира».

Как и в «Цветах...», в «Ионыче» между двумя мирами – верхним и нижним – происходит обмен, получающий символическое выражение в деньгах. Но если для Топорков деньги обесцениваются любовью к смертельно больной Марусе, то Старцева, наоборот, деньги вылечивают от конфуза с неудавшимся сватовством. Но и мысль о сватовстве связана у Старцева с деньгами, как и у Топоркова: он тоже думает о приданом. При этом здравый смысл предостерегает его от женитьбы: «"Остановись, пока не поздно! Парали она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач..."» [Чехов, 1974-1982, т. 10, с. 32]. Вместо неудавшейся женитьбы Старцев погружается в работу, результатом которой становится привязанность к деньгам. Как и в истории Топоркова, бумажки, полученные от пациентов, вытесняют память Старцева. Когда через четыре года происходит новая встреча с Екатериной Ивановной, память о прошлом романе возвращается к нему, доктор как будто просыпается, но затеплившийся огонёк жизни нейтрализуется испытанным лекарством: «Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас» [Чехов, 1974-1982, т. 10, с. 30]. Память о чувствах перекрывается воспоминанием о деньгах. То есть в истории Топоркова деньги пробуждают рефлексию, а в истории Стар-

цева, наоборот, гасят. Старцев женился на профессии, которая стала его «бронёй» во враждебном мире. Он внутренне деревенеет, обратив свой душевный капитал в бумажки, а бумажки – в недвижимость.

В этом позднем чеховском рассказе оппозиция «жизнь – смерть» переформатируется в оппозицию «жизнь – театр», которая была намечена уже в «Цветах...»: к театральности склонны и Приклонские, которые ведут себя напыщенно (по словам Калерии, «ломаются»); профессиональное поведение Топоркова тоже театрально, только он играет в своём амплуа – дорогого доктора, давая понять, что его время – деньги. Профессия как способ социального самоутверждения героев-врачей по отношению к той среде, с которой они коммуницируют, работает как роль, что делает докторов похожими на артистов.

В рассказе «Ионыч» театральность присуща семейству Туркиных, для которых характерно демонстративно-ритуальное поведение. Дело даже не в том, что Туркины не талантливы, но при этом воображают себя артистами, а в том, что они навязывают себя городу в качестве несменяемого репертуара. Туркины символизируют «перерождение невинных привычек в механические позы и маски» [Щеглов, 2012, с. 208], «дурную завершенность» реальности, застывшей в разыгрывании готового сценария. Доктор сначала попадает в этот любительский театр как зри-

тель, но незаметно становится частью ритуала, «имитирующего спонтанную жизнь, активность и веселье» [Щеглов, 2012, с. 209]. Актуализации параллели «доктор – артист» способствует сцена на кладбище, которая является пародийной моделью сюжета, событийная доминанта которого, как бы банально это ни звучало, – взаимодействие «живого» (доктор) и «мертвого» (среда). Свидание назначено Катериной Ивановной у памятника Деметти, актрисе итальянской оперы, которая умерла в городе С. во время гастролей. Эта конкретизация и проецирует на происходящее атмосферу театральности, превращая кладбище в театр (где и умерла актриса), и даёт основание для соотнесения Старцева с Деметти (он тоже заживо похоронит себя в работе).

Средой в данном эпизоде является кладбище, которое поглощает воображение живого доктора: сначала Старцев, проникшись кладбищенским покоем, воображает себя мёртвым, потом, во второй части сцены, в его воображении оживают мёртвые женщины: «<...> прошелся по боковым аллеям, со шляпой в руке, поджидая и думая о том, сколько здесь, в этих могилах, зарыто женщин и девушек, которые были красивы, очаровательны, которые любили, сгорали по ночам страстью, отдаваясь ласке» [Чехов, 1974-1982, т. 10, с. 31-32]. В кладбищенской «декорации», освещаемый софитом луны, он представля-

ет себя героем-любовником («перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным» [Чехов, 1974-1982, т. 10, с. 32]). Эта часть кладбищенской сцены – пик чувственного горения и жажды жизни, которые потом уже, увы, не вернутся. В том, что «беспрецедентный чувственный пафос этого пассажа вырастает на хтонической основе», что доктор «не остаётся глух к голосу земли», Ю. К. Щеглов видит проявление живого начала его природы, идущего от мужичьих корней, а сам мотив «любви на кладбище» возводит к культурной традиции [Щеглов, 2012, с. 225]. Если в первой части сцены Старцев понимает, что его приезд на кладбище некстати, то во второй части мысли доктора становятся такими же не соответствующими месту, как и само свидание.

Персонаж повести «Три года» (1895) доктор Белавин, как и Старцев, покупает дома, а по вечерам уходит играть в винт. Сергей Борисыч и внешне походит на Старцева: «полный, красный, в длинном, ниже колен, сюртуке и, казалось, коротконогий» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 8]. Дочь Белавина, Юлия, принимает предложение влюблённого в неё богатого купца Лаптева, который воспринимает свой брак с Юлией как сделку с её стороны. Когда Лаптев сидит в гостиной докторского дома, комната производит

на него негативное впечатление: «Дом доктора был ему противен своею мещанскою обстановкой, сам доктор представлялся жалким, жирным скрягой, каким-то опереточным Гаспаром из *Корневильских колоколов*» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 27]. Однако этот скряга не богат: «да и у самого доктора едва ли были деньги, несмотря даже на хорошую практику. Каждый вечер он играл в клубе в карты и всегда проигрывал» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 28]. Что касается домов, то покупает он их в обществе взаимного кредита с переводом долга и отдаёт внаймы: «жильцы платили ему не исправно, но он уверял, что эти операции с домами очень выгодны. Свой дом, в котором он жил с дочерью, он заложил и на эти деньги купил пустошь и уже начал строить на ней большой двухэтажный дом, чтобы заложить его» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 28]. То, что в истории Старцева выглядит богатством, в истории Белавина развеивается как миф. Возможно, тут дело в точке зрения: одно дело взгляд богатого купца, и другое дело – взгляд пациентов доктора, к числу которых относится муж сестры Лаптева, Панауров, жена которого больна раком и лечится у Белавина. Панауров так говорит Лаптеву о Белавине: «Вы не можете себе представить, что это за нечистоплотная, бездарная и неуклюжая скотина! <...> Возьмите вы здешних жрецов науки, здешнюю, так сказать, интеллигенцию. <...> здесь в городе

двадцать восемь докторов, все они нажили себе состояния и живут в собственных домах, а население между тем по-прежнему находится в самом беспомощном положении» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 13-14].

Неприятнь чеховских врачей к «верхнему миру» системна. В рассказе «**Враги**» (1887) худой, плохо одетый, угрюмый доктор, поехавший по просьбе богатого клиента к его больной жене и не заставший её дома (сбежала с любовником), обвиняет клиента в том, что его заставляют играть роль бутафорской вещи в какой-то пошлой комедии. Чем больше извиняется клиент, тем больше оскорбляется доктор, воспринимая извинения как издевательство над своим собственным горем (у него только что умер от дифтерита шестилетний сын). Неприятнь доктора из рассказа «**Княгиня**» (1889) тоже имеет причину: доктор некогда был уволен княгиней без объяснения причин, а теперь, встретившись с ней в монастыре, называет её благотворительную деятельность кукольной комедией.

С точки зрения сумасшедшего Громова («**Палата №6**», 1892), врач – одна из функций машины насилия. Однако насилие плохо вяжется с обликом Андрея Ефимыча Рагина, который внешне напоминает Старцева: «Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своим лицом, бородой, плоскими волосами и крепкам, неуклюжим сложением напоминает он трактирщика на большой дороге, разьевшегося,

невоздержанного и крутого» [Чехов, 1974-1982, т. 8, с. 82]. Но он не дьячковский сын, а потомственный врач, пришедший в медицину не по призванию, а по настоянию отца. В отличие от Старцева, который защищается от мира профессиональной бронёй, Рагин уклоняется от профессиональных обязанностей, и деньги его тоже не интересуют, хотя Михаил Аверьяныч подозревает, что у Рагина есть капитал (деньги «спрятаны» в фамилию доктора; *рага* у Даля – деньги [Даль, 1935, т. 4, с. 3]). Мотив денег в «Палате № 6» связан не с темой стыда, как в «Цветах запоздалых», не с темой жизненного горения / угасания, как в «Ионыче», а с темой профессионального долга, который Рагин перестал выполнять. Все накопления доктора тают при содействии Михаила Аверьяныча, который везёт Рагина развешаться и, пользуясь случаем, берёт у него займы без отдачи. Подобным образом Никита обирает «богатого» Мойсейку. Палата №6 в структуре рассказа эквивалентна кладбищу в «Ионыче»: она является не только локусом смерти, но и моделью социума [Молнар, 2018]. Применительно к Рагину как будто бы можно говорить о детеатрализации жизни как об отказе от ролевого поведения. Может показаться, что в сравнении со Старцевым Рагин – настоящий интеллигент, которого интересуют *высшие духовные проявления человеческого ума*. Однако это не так. Театром для доктора становится

палата для душевнобольных, где он получает удовольствие от прекрасных рассуждений Громова, который не интересуется его как больной. При том, что это – чеховская версия *горя от ума*, не Громов здесь является мнимым сумасшедшим, а Рагин – мнимым доктором, изо дня в день осознанно нарушающим профессиональную этику. Громов – совесть Рагина, к голосу которой он остаётся глух. Рагин любит читать и резонёрствовать в присутствии почтмейстера. Это пустое резонёрство можно рассматривать как вариант самолюбования, ценой которого становится жизнь не только пациентов, но и самого доктора. Другая – плутовская – версия мнимого доктора представлена в рассказе «**Ночь перед судом**» (1886). Героини рассказов «**Симулянты**» (1885) и «**Скука жизни**» (1886) воображают себя врачами, находя в этом новый смысл жизни.

Ещё один резонёрствующий врач встречается в повести А. Чехова «**Моя жизнь**» (1896). Это доктор Благово, который появляется на горизонте главного героя, Мисаила Полознева, как гость, принесённый неведомым ветром. В начале повести Благово – полковой врач, собирающийся держать экзамен на доктора медицины. Познакомившись с Мисаилом во время пикника, во второй раз доктор является к нему, чтобы поговорить по душам: «В городе страшная скука, нет ни одной живой души, не с кем слово сказать» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 219]. Миса-

ил для него – как Громов для Рагина: Благово называет Мисаила благородной душой, размышляет о физическом труде, прогрессе, цивилизации и внушает своему собеседнику, что надо думать не о равноправии, а «о том великом иксе, который ожидает всё человечество в отдалённом будущем» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 221]. Мисаилу кажется, что знакомство с доктором поднимает его нравственно и, хотя на многие свои вопросы он не находит ответа ни в разговорах с ним, ни в книгах, которые тот ему даёт, он считает Благово «самым образованным и лучшим человеком в городе» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 231]. В то же время наблюдательный Мисаил замечает в поведении доктора что-то грубоватое, семинарское: «когда он снимал сюртук и оставался в одной шёлковой рубаше или бросал в трактире лакею на чай, то мне казалось всякий раз, что культура – культурой, а татарин всё ещё бродит в нём» [Чехов, 1974-1982, т. 9, с. 232]. Доктор Благово ближе к финалу повести имеет докторскую степень, носит просторные шевиотовые пиджаки, очень широкие брюки и превосходные галстуки. Он понимает, что погубил Клеопатру, что та скоро умрёт, но не раскаивается в том, что произошло. А в финале мы узнаём, что доктор уже живёт за границей. Он как будто не живёт, а играет, как и Мария Должикова, на какое-то время ставшая женой Мисаила. Неслучайно важное место в жизни Маши и доктора занимают переодевания: переходя от роли к роли, они переодеваются

из одного костюма в другой. Попутно они соблазняют и губят тех, кто оказался рядом. Ажогинь в городе выполняют ту же функцию, что и Туркины, то есть являются очагом местной культуры. У них устраиваются любительские спектакли, которые любит Мисаил. При этом сам Мисаил не играет в ажогинском театре, а участвует в спектаклях как подсобный рабочий. Ни Мисаил, ни его сестра Клеопатра органически не могут играть, так как полностью отдают себя жизни, несут её тяжёлый груз; их можно отнести к персонажам «нижнего» мира, наделённым земной тягой. Интересно, что кладбище, куда приходит Мария Викторовна, чтобы посмотреть на *настоящую трудовую жизнь*, которую ведёт Мисаил (он трудится в кладбищенской церкви), в повести становится альтернативой именно театру (ср. с соотносённостью кладбища и театра в «Ионыче»).

В рассказе «**Скучная история**» (1889) безнадежно больной доктор, знающий свой диагноз и отпущенный срок, приближаясь к неизбежному финалу, продолжает доигрывать те роли, которых требует его положение. Эти роли вступают в конфликт с физическим естеством человека, которое всё меньше соответствует исполняемому амплу. Драматизм несоответствия внешней (социальной) и внутренней жизни здесь проявлен наиболее остро.

В рассказе «**Попрыгунья**» (1892) оппозиции «жизнь – театр» и «жизнь – смерть» соотносятся друг с другом как Ольга Ивановна и Дымов:

Ольга Ивановна превращает семейную жизнь в театр, где Дымову отводится роль обыкновенного человека, окруженного гениями. Только смертельная болезнь Дымова перестраивает оптику его жены, как болезнь Маруси перестраивает оптику Топоркова. Умиравший Дымов выходит из тени своей жены и вырастает в фигуру первого плана.

В каждом конкретном рассказе отношения доктора и среды находятся в разных фазах взаимодействия: жизнь и театр конфликтуют («Попрыгунья», «Моя жизнь»), сливаются до полного неразличения («Ионыч», «Палата № 6») или отделяются друг от друга («Цветы запоздалые», «Скучная история»). Степень сопротивления жизни театру повышается в переходной «зоне болезни». При этом доктор оказывается либо вне театрального поля, либо на его периферии, либо в центре.

На примере нескольких текстов («Perpetuum mobile», «По делам службы», «Следователь», «Палата №6») можно проследить, как варьируется один чеховский шаблон, в котором задействованы парные персонажи – доктор и следователь. Общими для рассматриваемого ситуативного шаблона являются мотивы предчувствия и заколдованного круга, которые заряжены неоднозначной модальностью и пересекаются с мотивом театральности, который, в свою очередь, связан с профессиональной рефлексией, объединяющей фигуры врача и следователя [Иваньшина, 2021].

Заключение

В ходе анализа чеховских текстов мы актуализировали набор базовых оппозиций, составляющих семантический потенциал, развёрнутый в чеховских сюжетах с участием врача: «толстый – тонкий», «богатство – бедность», «жизнь – смерть». Эти оппозиции создают «силовое поле», в котором доктор оказывается карнавальным, амбивалентным, «осевым» персонажем, на котором вращается колесо фабулы. Сюжетную функцию докторского персонажа можно обозначить как функцию переворачивания исходной ситуации. Оппозиция «жизнь – смерть» преобразуется у Чехова в оппозицию «жизнь – театр», в рамках которой осмысливается взаимодействие врача со средой.

Находясь в силу своей профессии на границе, разделяющей живых и мёртвых (больных и здоровых), доктор традиционно занимает ироническую позицию по отношению к обеим сторонам. Вертикальная и горизонтальная мобильность обеспечивают доктору оптические преимущества, создающие предпосылки для резонёрства.

Сюжеты с участием докторов у Чехова, как правило, остроумны, часто пародийны и актуализируют тему превратностей судьбы (подробней о пародийности врачебных сюжетов у Чехова мы писали ранее применительно к паре «доктор – следователь» [Иваньшина, 2021]). И сам врач как персонаж, внешняя жизнь которого не совпадает с внутренней, создаёт вокруг себя

сюжетное напряжение, в поле которого актуализируются оппозиции «накопление – растрата», «самодовольство – самоотдача». «субъект игры – объект игры»,

Библиографический список

1. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков. Москва : ОГИ, 2005. 504 с.
2. Богданова О. В. Образ доктора Старцева в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» // Вестник Брянского университета. 2016 (2). С. 124-127.
3. Гедзюк Е. А. Характер врача в рассказах А. П. Чехова «Цветы запоздалые» и «Ионыч»: постоянное и переменное в сюжетно-фабульных акцентах // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3 (31). С. 106-112.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Москва : Художественная литература, 1935.
5. Дин И. Негативные трансформации образа врача в произведениях А. П. Чехова // Litera. 2022. № 6. С. 141-150.
6. Иваньшина Е. А. Колесо фабулы и движение сюжета: Как работает мотивный комплекс у А. П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, №3. С. 543-550.
7. Иваньшина Е. А. Об интертекстах повести А. П. Чехова «Дуэль» // Эпистемологические основания современного образования: Актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы Международной научно-практической конференции 2020 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». Москва : Перо, 2020. С. 98-104.
8. Иваньшина Е. А. На пересечении границ: врач в русской литературе // Характерологические стратегии в русской литературе. Воронеж : Научная книга, 2013. С. 46-155.
9. Ивлева Т. Г. Доктор в драматургии А. П. Чехова // Драматургия и театр. Тверь : Тверской государственный университет, 2001. Вып. 2. С. 65-71.
10. Кибальник С. А. Чехов и русская классика: Проблемы интертекста. Санкт-Петербург : ИД Петрополис, 2015. 314 с.
11. Кондратьева В. В. Дымов в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья»: к вопросу о типологии образа врача // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2016. №2. С. 7-10.
12. Ларионова М. Ч. Рассказ А. П. Чехова «Ионыч» в свете русской традиционной культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 164-173.
13. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург : Искусство - СПб, 2002. 769 с.
14. Молнар А. Система персонажей повести А. П. Чехова «Палата №6» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т.3 (1). С. 83-94.

15. Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сборник статей. Уфа : РИО БашГУ, 2005. 208 с.

16. Стенина В. Ф. «Больничный» текст в чеховской прозе // А. П. Чехов: варианты интерпретации: сборник науч. статей. Вып.1 / под ред. Г. П. Козубовской и В. Ф. Стениной. Барнаул, 2007. С. 101-102.

17. Федорова В. Г. Диалектика образа врача в творчестве А. П. Чехова / В. Г. Федорова, О. В. Горопчина // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: Материалы VII Международных научных чтений. Калуга : КГУ, 2020. С. 653-661.

18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Москва : Наука, 1974-1982.

19. Щеглов Ю. К. Молодой человек в дряхлеющем мире (Чехов, «Ионыч») // Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 207-240.

20. Ярмонов Ю. М. Жизнь и театр в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. №2 (279). С. 197-200.

Reference list

1. Bogdanov K. A. Vrachy, pacienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoj kul'tury XVIII – XIX vekov = Doctors, patients, and readers: Pathographic texts of Russian culture in XVIII - XIX centuries. Moskva : OGI, 2005. 504 s.

2. Bogdanova O. V. Obraz doktora Starceva v rasskaze A. P. Chehova «Ionych» = Dr. Startsev's image in Chekhov's story "Ionych" // Vestnik Brjanskogo universiteta. 2016 (2). S. 124-127.

3. Gedzjuk E. A. Harakter vracha v rasskazah A.P. Chehova «Cvety zapozdalye» i «Ionych»: postojannoe i peremennoe v sjuzhetno-fabul'nyh akcentah = The doctor's character in Chekhov's stories "The Belated Flowers" and "Ionych": constant and variable plot accents // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2018. № 3 (31). S. 106-112.

4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka = Explanatory dictionary of the great living Russian language. V 4 t. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1935.

5. Din I. Negativnye transformacii obraza vracha v proizvedenijah A. P. Chehova = Negative transformations of the doctor's image in A. P. Chekhov's works // Litera. 2022. № 6. S. 141-150.

6. Ivan'shina E. A. Koleso fabuly i dvizhenie sjuzheta: Kak rabotaet motivnyj kompleks u A. P. Chehova = The wheel of the narrative and the movement of the plot: How Chekhov's motif complex works // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2021. T. 31. №3. S. 543-550.

7. Ivan'shina E. A. Ob intertekstah povesti A. P. Chehova «Dujel'» = On the intertexts of Chekhov's story "The Duel" // Jepistemologicheskie osnovanija sovremennogo obrazovanija: Aktual'nye voprosy prodvizhenija fundamental'nogo znanija v uchebnyj process. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 2020 Borisoglebskogo filiala FGBOU VO «VGU». Moskva : Pero, 2020. S. 98-104.

8. Ivan'shina E. A. Na presechenii granic: vrach v russskoj literature = At the crossroads of borders: the doctor in Russian literature // *Harakterologicheskie strategii v russskoj literature*. Voronezh : Nauchnaja kniga, 2013. S. 46-155.
9. Ivleva T. G. Doktor v dramaturgii A. P. Chehova = The doctor in A.P. Chekhov's plays // *Dramaturgija i teatr*. Tver' : Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. Vyp. 2. S. 65-71.
10. Kibal'nik S. A. Chehov i russkaja klassika: Problemy interteksta. = Chekhov and Russian classics: Intertext issues. Sankt-Peterburg : ID Petropolis, 2015. 314 s.
11. Kondrat'eva V. V. Dymov v rasskaze A. P. Chehova «Poprygun'ja»: k voprosu o tipologii obraza vracha = Dymov in A. P. Chekhov's story "The Hopper": On the doctor's image typology // *Vestnik Taganrofskogo instituta im. A. P. Chehova*. 2016. №2. S. 7-10.
12. Larionova M.Ch. Rasskaz A. P. Chehova «Ionych» v svete russskoj tradicionnoj kul'tury = Chekhov's story "Ionych" in terms of Russian traditional culture // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2010. № 4 (30). S. 164-173.
13. Lotman Ju. M. Istorija i tipologija russskoj kul'tury = History and typology of Russian culture. Sankt-Peterburg : Iskusstvo - SPB, 2002. 769 s.
14. Molnar A. Sistema personazhej povesti A. P. Chehova «Palata №6» = The character system in Chekhov's story "Ward No. 6" // *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij*. 2018. T.3 (1). S. 83-94.
15. Nazirov R. G. Russkaja klassicheskaja literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod. Issledovanija raznyh let = Russian classical literature: a comparative-historical approach. Studies of different years: Sbornik statej. Ufa : RIO BashGU, 2005. 208 s.
16. Stenina V. F. «Bol'nichnyj» tekst v chehovskoj proze = "Hospital" text in Chekhov's prose // A. P. Chehov: varianty interpretacii: sbornik nauch. statej. Vyp.1 / pod red. G. P. Kozubovskoj i V. F. Steninoj. Barnaul, 2007. S. 101-102.
17. Fedorova V. G. Dialektika obraza vracha v tvorcestve A. P. Chehova = Dialectics of the doctor's image in A. P. Chekhov's works / V. G. Fedorova, O. V. Toropchina // *Avtor – tekst – chitalel': teorija i praktika analiza: Materialy VII Mezhdunarodnyh nauchnyh chtenij*. Kaluga : KGU, 2020. S. 653-661.
18. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: = Complete collection of works and letters: in 30 vols. Works: V 18 t. Moskva : «Nauka», 1974-1982.
19. Shheglov Ju. K. Molodoj chelovek v drjahlejushhem mire (Chehov, «Ionych») = A young man in a withering world (Chekhov, "Ionych") // Shheglov Ju. K. Proza. Pojezija. Pojetika. Izbrannye raboty. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 207-240.
20. Jarmonov Ju. M. Zhizn' i teatr v rasskaze A. P. Chehova «Poprygun'ja» = Life and theater in A. P. Chekhov's story "The Hopper" // *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. №2 (279). S. 197-200.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 05.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 81:39
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-71-80
EDN NNCFTN

Лингвокультурный потенциал метафоры с лексемой «иероглиф»

Жанна Константиновна Гапонова¹, Елена Викторовна Никкарева²✉

¹Кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

²Старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет», г. Ярославль

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Аннотация. В настоящее время одним из актуальных направлений рассмотрения литературных произведений является лингвокультурный анализ, позволяющий осмысленно говорить о межкультурной коммуникации и знакомиться с особенностями разных народов через восприятие произведений искусства. Особого внимания заслуживают тексты, отражающие особенности той или иной культуры и дающие возможность сопоставительного описания взглядов разных народов на концептуально значимые понятия. В связи с подъемом межкультурных связей России и Китая в настоящее время особую актуальность приобретают темы, связанные с анализом знаковых для КНР символов, образов, понятий, способствующих восприятию китайской темы. Авторы статьи считают, что лакуны в восприятии образа Китая может помочь ликвидировать обращение к китайской поэзии, поскольку она остается для русскоязычного читателя практически неизвестной, несмотря на пристальный интерес к ней в Китае. Авторами подчеркивается, что в основе китайской письменности, отличающейся от фонетического письма, лежит представление об иероглифе как «тени» объекта, поэтому каллиграфический образ требует комплексной многоуровневой интерпретации. В статье рассмотрены семантические компоненты метафор с лексемой «иероглиф» в произведениях современных китайских поэтов, концептуально отражающие особенности культуры Китая. Иероглиф, выступая семантическим коррелятом поэзии, связывается с представлениями о ценностной, эмоционально-чувственной и декоративной природе. Авторами предложен анализ стихотворения И Ша «я неправильно написанный иероглиф», композиционно выстроенного на развертывании метафоры-копулы и в силу этого позволяющего предложить двойную интерпретацию: иероглиф как символ традиционной китайской культуры и иероглиф как символ национальной поэтической традиции.

© Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В., 2022

Ключевые слова: лингвокультурема; иероглиф; культурный код; метафора; И Ша; современная китайская поэзия

Для цитирования: Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Лингвокультурный потенциал метафоры с лексемой «иероглиф» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 71-80. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-71-80>. <https://elibrary.ru/nncftn>.

Original article

Linguistic and cultural potential of the metaphor with the lexeme “hieroglyph”

Zhanna K. Gaponova¹, Elena V. Nikkareva²✉

¹Candidate of philological sciences, associate professor, dean of the Faculty of Russian philology and culture, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Senior lecturer, department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university, Yaroslavl

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. Currently, one of the topical areas of studying literary works is linguistic-cultural analysis, which helps to speak sensibly about intercultural communication and get acquainted with the characteristics of different peoples through understanding works of art. Particular attention should be paid to texts reflecting the specifics of a particular culture and providing a comparative description of different peoples' views of conceptually significant concepts. In connection with the rise of intercultural ties between Russia and China, topics related to the analysis of Chinese significant symbols, images, and concepts helping to understand the Chinese theme are currently of particular relevance. The authors of the article believe that the gaps in perceiving China's image can be filled by turning to Chinese poetry, since it remains virtually unknown to Russian readers, despite the keen interest in it in China. The authors emphasize that Chinese writing, which differs from phonetic writing, is based on the idea of the hieroglyph as a “shadow” of the object, so the calligraphic image requires a complex multi-level interpretation. The article examines the semantic components of metaphors with the lexeme “hieroglyph” in the works of modern Chinese poets, reflecting conceptual specifics of Chinese culture. The hieroglyph, acting as a semantic correlate of poetry, is associated with notions of value, emotional and decorative nature. The authors offer an analysis of Yi Sha's poem “I am a misspelled hieroglyph”, built on the unfolding metaphor-copula and offering a double interpretation: a hieroglyph as a symbol of traditional Chinese culture and a hieroglyph as a symbol of the national poetic tradition.

Keywords: linguistic cultureme; hieroglyph; cultural code; metaphor; Yi Sha; modern Chinese poetry

For citation: Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. Linguistic and cultural potential of the metaphor with the lexeme “hieroglyph”. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):71-80. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-71-80>. <https://elibrary.ru/nncftn>.

Введение

В настоящее время одним из актуальных направлений рассмотрения литературных произведений является лингвокультурный анализ, позволяющий осмысленно говорить о межкультурной коммуникации и знакомиться с особенностями разных народов через восприятие произведений искусства. В этой связи особую значимость получают тексты, концептуально отражающие особенности той или иной культуры. Особенно ценной при таком подходе становится возможность сопоставительного описания взглядов того или иного народа на концептуально значимые понятия.

В последнее время наблюдается подъем межкультурных связей России и Китая. В связи с этим становится актуальным рассматривать знаковые для КНР символы, образы, понятия, способствующие восприятию китайской темы, в том числе на материале китайской поэзии, которая до сих пор остается для русскоязычного читателя практически неизвестной, в том числе в силу отсутствия достаточного количества переводчиков и, соответственно, переводов. При этом современная поэзия – явление очень динамичное, ее отличают переосмысление национальной поэтической традиции, невиданная ранее

свобода слова и самовыражения, разнообразие форм и тем, а интерес к ней в Китае значительно выше, чем в других странах. Знакомство с культурой Китая возможно начать с обращения к стихотворению «я неправильно написанный иероглиф...» (我是一笔被写错的汉字) представителя третьего поколения «новой» поэзии – известного современного поэта, писателя и переводчика, преподавателя Сианьского университета иностранных языков И Ша (псевдоним У Вэнь-цзяня). Он, по словам поэта и главы одного из самых крупных частных издательств в Китае Шэнь Хаобо, «единственный из всех поэтов 90-х, кто обладает истинно модернизированным <читай, постмодернистским> сознанием» [Китайская поэзия сегодня, 2017, с. 263]. Вместе с тем его поэзия обладает «адаптивностью», «реалистичностью», «китайским колоритом», и написана разговорным стихом, то есть обладает всеми чертами, которые применительно к современной китайской поэзии в целом И Ша сформулировал в интервью Юлии Дрейзис [Дрейзис. Традиция ...]. Вместе с установкой на то, что стихотворение должно быть понятно каждому вне зависимости от его опыта и уровня образования и социального

бэкграунда, эти отличительные особенности его поэтики позволяют, работая с его текстами в студенческой аудитории, акцентировать внимание на лингвокультурологическом потенциале текста.

Методы исследования

Сочетание филологического анализа текста с инструментами концептуального анализа позволяет выявить уровни актуализации культурных смыслов, возникающих в сознании реципиентов (в том числе инофонов), при обращении к стихотворению И Ша «я неправильно написанный иероглиф...» [И Ша], определить особенности функционирования лингвокультуры «иероглиф» в составе метафоры, поскольку в метафорах наиболее ярко отражается национальная специфика мировосприятия, что позволяет рассматривать анализ и интерпретацию художественных образов, в основе которых лежит метафора, как способ изучения когнитивных процессов не только индивидуального, но и национального самосознания.

Результаты исследования

Метафора-копула (метафора-дефиниция), лежащая в основе стихотворения И Ша «я неправильно написанный иероглиф...», развертываясь, организует композицию всего текста. Такие метафоры не сравнивают, а приравнивают, выражая отношения тождества. В. Полухина, исследуя грамматику метафор в поэзии И. Бродского, по

отношению к копулам отмечает: «Данная грамматическая структура позволяет создавать метафоры, обладающие афористической силой и волнующей парадоксальностью» [Полухина, 1986, с. 71]. Метафора-копула «я неправильно написанный иероглиф» становится способом самоидентификации лирического субъекта, указание на который выражено личным местоимением «я». Лирический субъект отождествляет себя с письменным знаком-образом, который, являясь способом концептуализации мира в китайской культуре, в большой мере отражает мировоззрение китайцев и определяет их ментальность. Более того, Хань Дун, которого называют одним из самых влиятельных авангардных поэтов Китая, формулируя свое отношение к китайской поэтической традиции, отмечает, что вся ее суть «сконцентрирована в иероглифе и нашем способе восприятия через него» [Дрейзис, Непоэтическое слово]. В мифе о происхождении китайской письменности «заключена идея о главенстве человеческого творчества над материальным миром», поскольку именно творчество предполагает «познание сущностных вещей, над которыми не властно время» [Грауз]. Не случайно, иероглиф, будучи семантическим коррелятом поэзии, связывается с представлениями о ценности как духовной, так и материальной (драгоценности) и категории прекрасного: «Кто б не хотел, / Чтоб <...> каждый иероглиф был

звездой» [Цзян Хэ, 2007, с. 81]; *«Иероглифы живут в поэзии, / И превращаются в звёзды любви»* [Сяо Сю]; *«Стихи превратили иероглифы в жемчуга»* [Сяо Сю].

В основе китайской письменности, которая существенно отличается от фонетического письма тем, что следует за письменным знаком, лежит представление об иероглифе как «тени» объекта, в силу чего каллиграфический образ требует комплексного многоуровневого синтетического восприятия, отсылающего к визуально-ритмической референции смысла [Куланина, 2017, с. 285]. Так, в четверостишии основоположника современной китайской литературы Лу Синя «汉字有三美» подчеркивается, что иероглифический образ одновременно воздействует на зрение, слух и душу, чтобы как можно полнее и точнее выразить сообщение, заключенное в иероглифе. Представления об эмоционально-чувственной природе иероглифа находят отражение в стихотворении Юнь Хэ «Ностальгия» (乡愁):

*...коли стихов не напишешь,
можешь, кисть подняв,
густою, как тушь, ностальгией
вывести иероглиф
«дом»* [Юнь Хэ].

В стихотворении «Первые строфы о весне» из цикла «Красная свеча» (1923) Вэнь Идо, для которого свойственны обращение к декоративности пейзажной лирики, синтез

китайской и европейской поэтических техник, использует сравнение, основанное на метафорическом переносе «ветви – иероглифы», актуализирующее визуальный опыт поэта и ассоциативно отсылающее к шедеврам каллиграфии мастера скорописного «травяного» стиля Хуай-су:

*А тонкие, сухие ветки вяза
Приход весны не замечают вовсе;
Они к беседке старой прилепили
В голубизне чешуйчатого неба
Иероглифами их можно
счесть,
Шедевром каллиграфии тончайшей.
Так по почтовой голубой бумаге
Прошла бы кисть монаха Хуай-су* [Вэнь Идо].

Овладение каллиграфией связано в китайской культуре с представлением о мудрости. Как отмечается китайскими филологами, для мировосприятия китайцев и восточной философии «главное – познать истину, найти идеал, отыскать правильное решение, не допустить ошибок, что отражено в традиции многократно писать иероглиф в стремлении к совершенству» [Чжэн, 2017, с. 204]. Если в культурах, опирающихся на принципы фонетического письма, нет такого пристально внимательного отношения к письменному знаку – букве, а допущенная в слове ошибка практически не может помешать его целостному восприятию или

привести к непониманию смысла, то в китайском языке существует несколько вариантов обозначения «неправильного иероглифа»: 別字 – «иероглиф, написанный или произнесённый неправильно; другое (вымышленное) имя, псевдоним»; 錯字 – неправильно написанный иероглиф; описка, опечатка, ошибка; а также фразеологическая единица 白字 («бай цзы») – буквально «белый иероглиф – ошибочный иероглиф (написанный вместо своего омонима или прочитанный неправильно), равен отсутствию нужного иероглифа. И Ша останавливается на варианте 錯字, наиболее часто употребляемом по отношению к ученическим ошибкам. И образный ряд стихотворения, характерный для поэтики И Ша как представителя народного направления: деревенская школа, классная доска, дети/школьники, учительница, меловая пыль, допускает двойную интерпретацию этого текста. Так, если мы актуализируем отношения тождественности, рассматривая «нарочито “голый” язык» [Дрейзис], разговорность, отказ от тропики при развертывании основной метафоры, отметим, если, например, скрыть от читателя второй компонент копулы, не позволит однозначно определить лингвокультурную специфику текста как китайского, то стихотворение получает характер метаязыкового рефлексива. Так, обратим внимание, что автор подчеркивает важность не

только отсутствия ошибки, но и своевременного ее устранения: «абсолютно» неправильно написанный иероглиф «сбивает с толку школьников», он не имеет смысла и должен быть стерт, перестав существовать как факт культуры. При этом вневременной характер текста (в стихотворении дважды повторяется фраза «не упомянуть в каком году») позволяет говорить об актуализации представлений о ценности иероглифа во все времена китайской истории, подтверждает традиционность китайской культуры, «вечность» нравственных категорий, обозначаемых иероглифами.

Актуализация отношений уподобления («я как неправильно написанный иероглиф») позволяет интерпретировать весь текст индизотельно, в контексте продолжающихся дискуссий о ценности «народной» поэзии, в ходе которых поэт стал одним из самых любимых объектом нападков. В этом ключе финальная строка, актуализируя мотив метаморфозы, позволяет говорить о взаимовлиянии поэтов, относящихся к различным поколениям и школам.

Заключение

Таким образом, лингвокультурологическое осмысление метафор с лексемой «иероглиф» помогает глубже понять один из наиболее значимых культурных феноменов Китая, не имеющих полных эквивалентов в русском языке, – иероглиф – и определить устойчивые коды культуры, свойственной ки-

тайцам, что, в свою очередь, позволяет вычлениить культурные и поэтические смыслы, заложенные в стихотворении одного из самых интересных на сегодняшний день китайских поэтов. По мнению Гуанцзе Чжэн, «иероглиф является одним из наиболее ярких символов, ассоциируемых в представлении русского человека с Китаем <...> в образе иероглифа для представителя нации, оперирующей лишь единицами фонетического письма, диалектически сочетаются два основных свойства – красота, изысканность, с одной стороны, и таинственность, непонятность, с другой» [Чжэн, 2017, с. 203]. И если представления о красоте и совершенстве китайского письменного знака актуализированы и в китай-

ской парадигме, то «таинственность и непонятность» задают парадигму восприятия извне по преимуществу. Отметим, что внешний взгляд допускает и точку зрения, невозможную в рамках китайской парадигмы. Так, сопоставление человека с иероглифом реализуется И. Бродским в «Письмах династии Минь» в парадоксальном сравнении: «...человек *уродлив и страшен, как иероглиф*, / как любые другие *неразборчивые* письменна...». Понимаемая широко декоративность иероглифики напрямую связана для поэта с обезличиванием человека в восточной культуре [Ратке, 2010; Оразбекова, 2020], традиционализмом как способом вытеснения реального мира.

Библиографический список

1. Ван Н. История китайских иероглифов. Москва : Шанс, 2017. 191 с.
2. Вэнь Идо. Первые строфы о весне / Вэнь Идо ; пер. Г. Ярославцева // Всемирная литература. 2000. № 10. С. 125–126.
3. Гербик Л. Ф. Язык и культура: новые научные направления исследований в современной китайской филологии и их прикладные аспекты / Л. Ф. Гербик, Ху Цзядун // Ученые записки. 2020. Т. 31. С. 136–141.
4. Грауз Т. Слово. Буква. Образ. О визуальном в поэзии // Дискурс. URL: <https://discours.co/articles/theory/slovo-bukva-obraz-o-vizualnom-v-poezii>. (Дата обращения: 19.10.2022).
5. Дрейзис Ю. А. Непозэтическое слово. Интервью с Хань Дуном // Стихо(т)ворье. URL: <https://versevagrant.com/2015/09/04/непозэтическое-слово-интервью-с-хань-д/>. (Дата обращения: 19.10.2022).
6. Дрейзис Ю. А. Современная китайская авангардная поэзия (1980-е гг. — начало XXI в.) // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. 2. Москва : ИВ РАН, 2014. С. 809–817. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 15).
7. Дрейзис Ю. А. Традиция на пути к авангарду. Интервью с И Ша // Стихо(т)ворье. URL: <https://versevagrant.com>. (Дата обращения: 19.10.2022).
8. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев [и др.]. Москва : Восточная литература, 2007. 869 с.

9. И Ша. «я неправильно написанный иероглиф» / пер. Н. М. Азарова, Ю. А. Дрейзис // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2880. (Дата обращения: 19.10.2022).
10. Из современной китайской поэзии / пер. и вступ. ст. Ю. Дрейзис. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2017/12/iz-sovremennoj-kitajskoj-poezii.html?ysclid=19b7mpl1ax384757904>. (Дата обращения: 29.09.2022).
11. Китайская поэзия сегодня. Москва : Культурная революция, 2017. 288 с.
12. Куланина Е. М. Искусство каллиграфии: творчество культуры как «второй природы» // Национальная стихия творчества: время и трансгрессия : сборник статей по итогам третьей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 июня 2017 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 284–288.
13. Оразбекова В. В. Аллюзия как средство выражения интертекстуальности в стихотворении И. Бродского «Письма династии Минь» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 3 (3). С. 86–93.
14. Полухина В. В. Грамматика метафоры и художественный смысл // Поэтика Бродского. Ленинград : Эрмитаж, 1986. С. 63–96.
15. Ратке И. Р. «Письма династии Минь» И. Бродского: диптих об упадке и разрушении // Пристальное прочтение Бродского: сборник статей. Ростов-на-Дону : НМЦ «Логос», 2010. С. 44–55.
16. Сперанская А. Н. Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 2(2). С. 33–45.
17. Сяо Сюэ. 3. «Иероглифы перевели стихи на бумагу...» // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5178. (Дата обращения: 19.10.2022).
18. Сяо Сюэ. 9. «Иероглифы живут в поэзии...» // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5188. (Дата обращения: 19.10.2022).
19. Цзян Хэ. «Вариации на звездную тему» // Азиатская медь: антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэнь-фэй. Санкт-Петербург : «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 81–82. (Драгоценные строфы китайской поэзии).
20. Чжэн Г. Семиотика Китая и её отражение в современной русской литературе // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4, № 2. С. 202–206.
21. Шулунова О. В. Блог как канал литературного творчества китайской молодёжи / О. В. Шулунова, В. С. Богданова // Global and Regional Research. 2019. Т. 1, № 1. С. 124–127.
22. Юнь Хэ. Ностальгия // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5193. (Дата обращения: 19.10.2022).

Reference list

1. Van N. Istorija kitajskih ieroglifov = History of chinese hieroglyphs. Moskva : Shans, 2017. 191 s.
2. Vjen' Ido. Pervye strofy o vesne = First verses about spring / Vjen' Ido ; per. G. Jaroslavceva // Vsemirnaja literatura. 2000. № 10. S. 125–126.

3. Gerbik L. F. Jazyk i kul'tura: novye nauchnye napravlenija issledovanij v sovremennoj kitajskoj filologii i ih prikladnye aspekty = Language and culture: new research areas in modern Chinese philology and their applied aspects / L. F. Gerbik, Hu Czjadun // Uchenye zapiski. 2020. T. 31. S. 136–141.
4. Grauz T. Slovo. Bukva. Obraz. O vizual'nom v poezii = Word. Letter. Image. On the visual in poetry // Diskurs. URL: <https://discours.co/articles/theory/slovo-bukva-obraz-o-vizualnom-v-poezii>. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
5. Drejzis Ju. A. Nepojeticheskoe slovo. Interv'ju s Han' Dunom = The non-poetic word. An interview with Han Dun // Stih(t)vor'e. URL: <https://versevagrant.com/2015/09/04/nepojeticheskoe-slovo-interv'ju-s-han'-d/>. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
6. Drejzis Ju. A. Sovremennaja kitajskaja avangardnaja poezija (1980-e gg. – nachalo XXI v.) = Contemporary Chinese avant-garde poetry (1980s-early XXI century) // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIV. Ch. 2. Moskva : IV RAN, 2014. S. 809–817. (Uchenye zapiski IV RAN. Otdela Kitaja. Vyp. 15).
7. Drejzis Ju. A. Tradicija na puti k avangardu. Interv'ju s I Sha = Tradition on the way to avant-garde. An interview with Yi Sha // Stih(t)vor'e. URL: <https://versevagrant.com>. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
8. Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. T. 2. Mifologija. Religija = Chinese spiritual culture: an encyclopedia: in 5 vols. V. 2. Mythology. Religion / red. M. L. Titarenko, B. L. Riftin, A. I. Kobzev [i dr.]. Moskva : Vostochnaja literatura, 2007. 869 s.
9. I Sha. «ja nepravil'no napisannyj ieroglif» = Yi Sha. “I am a misspelled hieroglyph” / per. N. M. Azarova, Ju. A. Drejzis // Kitajskaja poezija. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2880. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
10. Iz sovremennoj kitajskoj poezii = From modern Chinese poetry / per. i vstup. st. Ju. Drejzis. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2017/12/iz-sovremennoj-kitajskoj-poezii.html?ysclid=19b7mpl1ax384757904>. (Data obrashhenija: 29.09.2022).
11. Kitajskaja poezija segodnja = Chinese poetry today. Moskva : Kul'turnaja revoljucija, 2017. 288 s.
12. Kulanina E. M. Iskustvo kalligrafii: tvorcestvo kul'tury kak «vtoroj prirody» = The art of calligraphy: creative culture as a “second nature” // Nacional'naja stihija tvorcestva: vremja i transgressija : sbornik statej po itogam tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14–16 ijunja 2017 goda. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet, 2017. S. 284–288.
13. Orazbekova V. V. Alljuzija kak sredstvo vyrazhenija intertekstual'nosti v stihotvorenii I. Brodskogo «Pis'ma dinastii Min» = Allusion as a means of expressing intertextuality in Brodsky's poem “Letters of the Ming Dynasty” // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2020. № 3 (3). S. 86–93.
14. Poluhina V. V. Grammatika metafory i hudozhestvennyj smysl = The grammar of metaphor and literary meaning // Pojetika Brodskogo. Leningrad : Jermitazh, 1986. S. 63–96.

15. Ratke I.R. «Pis'ma dinastii Min'» I. Brodskogo: diptih ob upadke i razrushenii = Brodsky's "Letters of the Ming dynasty": a diptych on decay and destruction // Pristal'noe prochtenie Brodskogo: sbornik statej. Rostov-na-Donu : NMC «Logos», 2010. S. 44–55.
16. Speranskaja A. N. Pis'mo i kalligrafija v paremijah: russko-kitajskie sopolstavlenija = Writing and calligraphy in proverbs: Russian-Chinese comparisons // VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskiy zhurnal. 2021. № 2(2). S. 33–45.
17. Sjao Sjuje. 3. «Ieroglify pereveli stihy na bumagu...» = "Hieroglyphics transferred poetry to paper..." // Kitajskaja poezija. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5178. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
18. Sjao Sjuje. 9. «Ieroglify zhivut v poezii...» = "Hieroglyphs live in poetry..." // Kitajskaja poezija. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5188. (Data obrashhenija: 19.10.2022).
19. Czjan Hje. «Variacii na zvezdnuju temu» = "Star theme variations" // Aziatskaja med': antologija sovremennoj kitajskoj poezii / sost. Lju Vjen'-fjej. Sankt-Peterburg : «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2007. S. 81–82. (Dragocennye strofy kitajskoj poezii).
20. Chzhjen G. Semiotika Kitaja i ejo otrazhenie v sovremennoj russskoj literature = Chinese semiotics and its reflection in contemporary Russian literature // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2017. T. 4, № 2. S. 202–206.
21. Shulunova O. V. Blog kak kanal literaturnogo tvorcestva kitajskoj molodjozhi = The blog as a literary creative channel for Chinese youth / O. V. Shulunova, V. S. Bogdanova // Global and Regional Research. 2019. T. 1, № 1. S. 124–127.
22. Jun' Hje. Nostal'gija = Nostalgia // Kitajskaja poezija. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5193. (Data obrashhenija: 19.10.2022).

Статья поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 27.09.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-81-91
EDN HBNOIZ

Город на Амуре: образ Благовещенска в лирике Леонида Завальнюка

Виктория Дмитриевна Гавриленко

Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, аспирант кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», г. Благовещенск
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции метода поэта Леонида Завальнюка на материале двух стихотворений, написанных им в ранний период творчества с разницей в десять лет: «Разговор с Амуром» (1953) и «Стихи о Благовещенске» (1963). Эти произведения объединяются образом Амура, на левом берегу которого стоит пограничный город Благовещенск. В нем началось становление Завальнюка-поэта: стали регулярно публиковаться стихотворения, издаваться первые поэтические сборники. Потому эти места становятся ключевыми образами в его лирике и прозе, что особенно характерно для произведений, написанных в 1950-1960-е гг., когда Завальнюк жил здесь.

Стихотворение «Разговор с Амуром», как и весь первый поэтический сборник «В пути» (1953), на страницах которого оно опубликовано, отличается от всех последующих произведений Завальнюка. Оно идейно, тематически и образно соответствует принципам соцреализма. Этим объясняется характер изображения природы и человека, последний мыслится хозяином, способным повелевать реками и всем миром, что окружает его. Человек Завальнюка представляет собой современный образ Базарова XX в., воодушевленного техническим прогрессом, способностью человечества получать выгоду, используя силу стихии.

Иное отношение человека к природе показано в произведении «Стихи о Благовещенске». Образ человека-хозяина заменяет – человек-ученик, для которого природа – источник высшей мудрости. Учась у нее и подражая ей, он оказывается способен создавать новое без подчинения и порабощения. Умение это воплощается в строительстве Благовещенска. Гармония города основывается на его единстве с природой, символом которой является Амур.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк; лирика; Благовещенск; Амур; художественное пространство; образ; соцреализм

Для цитирования: Гавриленко В. Д. Город на Амуре: образ Благовещенска в лирике Леонида Завальнюка // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 81-91. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-81-91>. <https://elibrary.ru/hbnoiz>.

© Гавриленко В. Д., 2022

Original article

**City on the Amur: the image of Blagoveshchensk
in Leonid Zavalnyuk's poetry**

Victoria D. Gavrilenko

Senior lecturer, the Department of Russian as a foreign language, postgraduate student at the Department of the Russian language and literature, Blagoveshchensk state pedagogical university, Blagoveshchensk
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Abstract. The article is devoted to studying the evolution of the poet Leonid Zavalnyuk's method on the basis of two poems from his early period, written ten years apart: "Conversation with Amur" (1953) and "Poems about Blagoveshchensk" (1963). These works are united by the image of the Amur, on whose left bank stands the border city of Blagoveshchensk. Zavalnyuk's formation as a poet began there: his poems began to be published regularly and his first poetry collections were released. That is why these places become key images in his lyrics and prose, which is especially characteristic of the works written in the 1950s and 1960s, when Zavalnyuk lived here.

The poem "Conversation with the Amur", as well as the entire first poetry collection "On the Road" (1953), where it was published, differs from all of Zavalnyuk's later works. It corresponds ideologically, thematically and figuratively to the principles of socialist realism. This explains the way nature and man are depicted, the latter viewed as a master, able to command the rivers and all the surrounding world.

Zavalnyuk's man is a modern image of the 20th century Bazarov, encouraged by technological progress and the ability of mankind to profit by exploiting the power of the elements.

A different attitude of man to nature is shown in the work "Poems about Blagoveshchensk". The image of the human master is replaced by the human disciple, for whom nature is the source of ultimate wisdom. By learning from it and imitating it, he proves capable of creating something new without subjugation or enslavement. This skill is realized in building Blagoveshchensk. The harmony of the city is based on its unity with nature, whose symbol is the Amur.

Keywords: Leonid Zavalnyuk; lyrics; Blagoveshchensk; Amur; artistic space; image; social realism

For citation: Gavrilenko V. D. City on the Amur: the image of Blagoveshchensk in Leonid Zavalnyuk's poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):81-91. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-81-91>. <https://elibrary.ru/hbnoiz>.

Введение

Путь в литературу поэт Леонид Завальнюк начал в Амурской области. Именно здесь, еще во время службы в армии, стали регуляр-

но печататься его стихи в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск», а позднее были опубликованы и первые книги поэта. Для Завальнюка Благовещенск, в кото-

ром он прожил двенадцать лет, стал особым местом. Во время своей последней поездки на Дальний Восток в 2004 г. поэт признался: «При звуке имени города душа вздрагивает! В этом городе я рос, организовывался, вырос, первая книжка моих стихов именно там вышла. Как это забыть? Это же, как первый ребенок!» [Красовская, 2013, с. 150; Соломенник, 2015, с. 13].

Обосновано в лирике и прозе Завальнюка художественное пространство воплощается в образе Благовещенска. Здесь следует уточнить, что художественный образ пространства не тождественен реальному географическому месту. Как было замечено А. Ф. Кофманом: «В художественном мышлении происходит отбор наиболее репрезентативных пространственных реалий и координат» [Кофман, 1997, с. 25]. Художественное пространство в литературе несет важную смысловую нагрузку, так как обладает одновременно психологическими, онтологическими и культурологическими характеристиками. Обращаясь к реальным географическим координатам или мифическому пространству, автор выстраивает свою модель мира.

Поэт посвятил пограничному городу на берегу Амура несколько стихотворений. Среди них «Песня о Благовещенске» [Завальнюк, 1962, с. 9-10], «Стихи о Благовещенске» [Завальнюк, 1963, 23-24], «Прощание с благовещенской речкой Бурхановкой» [Завальнюк, 1977а, с. 35], «Лунная ночь в Благовещен-

ске» [Завальнюк, 1977б, с. 60], «Благовещенск. 1985» [Завальнюк, 1987, с. 90-91] и др. В данной статье мы обратимся к двум произведениям, оба они относятся к раннему периоду творчества Завальнюка. Но одно было опубликовано в первом сборнике стихов «В пути» [Завальнюк, 1953, с. 9-11], а другое – спустя десять лет в книге «Лирика» [Завальнюк, 1963, с. 23-24], вышедшей незадолго до переезда Завальнюка в Москву.

Образ Благовещенска в ранней лирике Завальнюка

В. Н. Топоров отмечает, что пространство художественного произведения находится в неразрывной связи с вещественным наполнением, роль которого в организации и сплачивании пространства. Такую функцию выполняют, в том числе и топографические объекты («элементы сакральной топографии») [Топоров, 1983; Фарина, 2004]. Так, символом Благовещенска, его визитной карточкой в лирике Завальнюка становится образ Амура.

В произведениях, написанных в ранний период творчества, отразились исторические события, происходящие на Дальнем Востоке в 1950-1960-е гг. Одним из них стало развитие в регионе гидроэнергетики. Эта тема является одной из центральных в сборнике «В пути» в таких стихотворениях, как «Река и человек» [Завальнюк, 1953, с. 7-8], «Разговор с Амуром» [Завальнюк, 1953, с. 9-11], «Зеленая улица» [Завальнюк, 1953, с. 12-13].

Стихотворение «Разговор с Амуrom» представляет собой монолог лирического героя-благовещенца, адресованный реке. Но начинается стихотворение с характерного для басни вывода-морали:

Хорошее должно становиться лучшим.

Иначе хорошему – грош цена [Завальнюк, 1953, с. 9].

Лучше, а точнее полезнее, по мнению лирического героя, должен становиться Амур. Его величие, мощь, особая красота бурунов – волн с пенистым гребнем – сравниваемая с гребнями белых петухов, в итоге оказываются бессмысленны:

Здравствуй, величавый!

Твое величество! –

Ты красивый,

Что ни бурун – то белый петух.

Но у меня вчера погасло электричество,

Проще говоря,

Свет потух.

<...>

И сразу забыл, что ты красивый

И глянул на тебя

С другой стороны.

Какая к делу не приставлена сила,

Просто кругом идет голова!

Шутка ли –

Многие тыщи и тыщи

Нужных стране

Деловых киловатт

Гибнут так,

Ни за грош просто –

Волна с волной играет в крокет

[Завальнюк, 1953, с. 9-10].

В этом тексте явственно прослеживается прагматичное отношение человека к природе, которая должна служить на благо человечества, иначе воспринимается как нечто ненужное и бесполезное. Герой Завальнюка воплощает в себе современного Базарова XIX столетия с его утверждением: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [Тургенев, 2004, с. 51].

В это время Дальний Восток испытывал острый дефицит электроэнергии. Оттого в пример беспечному Амуру ставится Днепр, на котором к моменту публикации стихотворения уже были построены две электростанции – Днепроvская и Каховская ГЭС [Ковда, 1952, с. 4-6]:

Взгляни-ка на Днепр,

На его старанья, –

На сотни верст огни зажжены.

А вы ведь по силе, думаю, равные,

Стало быть, равно работать должны

[Завальнюк, 1953, с. 10].

Последние две строки созвучны коммунистическому лозунгу: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Если Амур и Днепр равны в своих «способностях», то и их вклад в общее дело должен быть равным.

Следует отметить, что в начале творческого пути Завальнюк испытывал влияние соцреализма, для которого типичными являлись темы революции, противостояния капиталистического и коммунистического мира, труда на благо будуще-

го, перевоспитания человека в соответствии с социалистической идеологией. Агитационность, героический пафос и декларативность – характерные черты литературы соцреализма. И все это отразится на страницах сборника «В пути».

Ответом на обличительный монолог лирическому герою кажутся покрасневшие, будто от стыда, воды Амура. «Пристыженная», «осознавшая» пагубность своего праздного образа жизни река вызывает теперь сочувствие у героя, уверяющего, что и Амур в скором времени послужит на благо стране:

Солнце меркло
И косо светило.
И потому
Амур покраснел от берега до берега,
Как будто стыдно стало ему...

<...>
Амур, дорогой, не надо краснеть!
–

Сегодняшний день
Не напрасно прожит.
А если к Каховке зависть берет –
Так рек ведь в Союзе большое множество
И каждой, как видишь,
Свой черед
[Завальнюк, 1953, с. 10-11].

Настала очередь и амурских рек. На сегодняшний день гидроэнергетика является одной из ведущих отраслей экономики региона. На самом Амуре, вопреки мечтам лирического героя, гидроэлектро-

станции не построили, но они были возведены в бассейне Амура на реках Зея и Буря, которые являются его левыми притоками. Такому результату предшествовала работа, начавшаяся еще в 1930-е гг. с изучения гидроэнергетического потенциала рек Амурской области [Маклюков, 2021]. Но только в 1964 г. началось строительство первой в области ГЭС. Однако задолго до этого люди жили в ожидании появления на ее просторах мощной гидроэлектростанции, способной обеспечить стабильной электроэнергией как дома местных жителей, так и строящиеся заводы, и фабрики. Это ожидание отразилось не только в лирике, но и в прозе Завальнюка – в повести «Дневник Родьки – “трудного человека”» (1964). Главный герой, восьмиклассник Родька Муромцев, задумываясь о том, что будет с его малой Родиной через сто лет, предполагает: «Наверное, на Зее построят большую плотину. С электростанцией» [Завальнюк, 1964, с. 180].

Пройдет десять лет, и Завальнюк опубликует «Стихи о Благовещенске». Именно в этом стихотворении наиболее полно воссоздан образ города. Но, как и годы назад, неизменной составляющей пространства будет образ Амура.

Главная черта Благовещенска, которую подмечает поэт, – это его гармоничность. Не поражая своим размахом, небольшое пространство города удивляет порядком. Здесь нет ничего лишнего: каждое дерев-

це, каждое здание на своем месте. Причина баланса природы и творчества человека видится поэту в самом месте основания города – на берегу реки. Вдохновленный красотой Амура человек, создает и город ему под стать:

У города хороший вкус.
Он не гигант, сказать по чести,
Но каждый дом и каждый куст
В нем удивительно на месте.
Давно подмеченный закон
Здесь новой силой поражает:
Кто строит город над рекой –
Реке невольно подражает
[Завальнюк, 1963, с. 23].

После своего первого сборника стихов Леонид Завальнюк уходит от тематики и поэтики соцреализма. Образ всеильного человека из первого сборника претерпевает кардинальные изменения. Человек перестает быть хозяином мира, отныне он не возвышается над природой, а учится у нее. Природа – источник мудрости, высшего знания.

Как земля по представлению древних людей стоит на трех китах, так и основой Благовещенска, по мнению Завальнюка, являются три важнейших и неизменных элемента – простор, покой и простота:

Страды ли зной и духота,
Зима ли грозно хмурит брови –
Он неизменен.
Три кита –
Простор, покой и простота –
Всегда видны в его основе
[Завальнюк, 1963, с. 23].

В крае покоя и постоянства стремился оказаться Завальнюк, потому возвращался в Благовещенск во время учебы в литинституте, по этой же причине и после переезда в Москву каждый год приезжал обратно: «Многие литераторы в литературные отпуска стремились уезжать куда-то к морю, Пицунду любили. На крайний случай ехали в тишину подмосковного леса. Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много писал, там так хорошо писалось... Там был дом-завалюха на улице Калинина, я любил в нем останавливаться. Там всегда трещал сверчок – это для меня была как музыка вдохновения. Вообще, где дом друзей, там и Родина моя. Там был дом моих друзей» [Красовская, 2013, с. 150]. Благовещенск становится источником вдохновения для поэта, местом восновления и возрождения к жизни:

О пристань верная моя!
Устал ли, просто ль нос повесил,
Едва к тебе причалою я –
И снова жив,
И снова весел
[Завальнюк, 1963, с. 24].

Преимущество провинциального Благовещенска перед шумными городами-мегаполисами не только в размеренном ритме жизни и тишине. Но и, что самое важное, в том парадоксальном чувстве, что дарит молодой город: в ощущении родства с землей, единстве с куль-

турным наследием далекого прошлого. Эта утерянная еще в детстве связь одна из причин возникшего у Завальнюка чувства одиночества и обездоленности [Гавриленко, 2021]:

Бежим на запад, в города,
Где и привольней, и красивей,
И не понять, какою силой
Опять приводит нас сюда.
Что гонит в дальнюю дорогу?
Быть может, жажда тишины,
Той самой древней старины,
Которой здесь не так уж много?
[Завальнюк, 1963, с. 23-24].

В мироощущении Завальнюка город подобен взрослому человеку с устоявшимися принципами и взглядами. Но при этом город-человек не статичен, не закрыт от окружающего мира, он открыт новому и готов меняться. В этом образе воплощен идеал друга – духовно близкого человека. Город становится другом, к которому поэт и возвращался из года в год:

У города свое лицо,
И город это понимает.
Но беспечально и легко
Он новостройки принимает.
Стараясь сердце не душишь,
Покорно следует за веком.
С ним, как со взрослым человеком
Легко работать и дружить
[Завальнюк, 1963, с. 24].

Частично сохранились черновые записи этого стихотворения. В них образ города-человека представлен

более подробно, в отличие от лаконичного сравнения в опубликованном тексте. В приводимом нами далее тексте из архива поэта пунктуация и орфография автора сохранены:

Сравненье стертое, я знаю,
Но в дни разлук издалека
Его себе я представляю
Мужчиной лет так сорока.
Начитан вмеру, не в чинах,
Не очень мал и не огромен
Он терпелив, румян, скромнен
Хотя конечно не монах.

Спокойный склад его ума
По нраву мне провинциалу
Он тем хорош, чем я хорош
А потому живу легко я
Как бы внутри его покоя
При всех метаниях своих.

В образе человека, олицетворяющего город, легко угадываются черты, присущие самому поэту. Эта схожесть неслучайна, на нее открыто указывает Завальнюк: «Он тем хорош, чем я хорош». Разница лишь в возрасте: на момент написания стихотворения Завальнюку было тридцать два – тридцать три года, таким образом, город становится старшим товарищем, под крылом которого находится поэт.

Опубликованное стихотворение состоит из двух неравных строф. Во второй поэт подводит итог, начинается она с повтора: «Кто строит город над рекой // Реке невольно подражает», в отдельную

строку автор выносит название реки, имя ей – Амур. Благовещенск, который возвышается над Амуром, в стихотворении Завальнюка склоняется перед ним, словно в поклоне, признавая его значимость и старшинство, выражая свое уважение и благодарность. Такое отношение к природе разительно отличается от транслируемого в сборнике «В пути», где Человек вынуждает Реку служить себе [Завальнюк, 1953, с. 7-8]:

Кто строит город над рекой,
Реке невольно подражает.
Амур...
Склонившийся над ним,
Стоит он, солнцем осыпаям,
Как эти воды, обозрим
И, как они, – неисчерпаем
[Завальнюк, 1963, с. 24].

Последние две строки, завершающие стихотворение, повторяют мысль из первой строфы («Шагами он измерен весь, // Но и на треть еще не познан» [Завальнюк, 1963, с. 23]): обойти город не составляет труда, но познать его духовный мир до конца не представляется возможным.

Заключение

Для Завальнюка Амурская область и Благовещенск стали местом, где он вновь обрел чувство родины. Это отразилось в особенности изображения Приамурья в лирике. Это максимально открытое пространство, что выражается и в

постоянном акцентировании внимания на безграничности этого края: огромные территории тайги, сопки, полноводные реки, и в его характере – гостеприимстве: каждому здесь найдется место, как нашлось оно и для поэта. А внутри этого простора – самобытный маленький городок Благовещенск, словно отгороженный от суеты окружающего мира. Наполненный покоем и уютом, но такой же радостный, как и весь край.

На примере двух этих стихотворений видна эволюция Завальнюка-поэта. В самом начале творческого пути, находясь под влиянием поэтики соцреализма, в центре внимания поэта находится деятельность человека. Лирический герой воплощает в себе творца и создателя нового мира, повелевающего природой. В его власти оказываются обширные территории с таежным лесом и полноводными реками. Художественное пространство Благовещенска и всей Амурской области идеально подходит ему, ведь освоение этих мест только начинается. Однако в последующих сборниках становится очевидным отказ Завальнюка от принципов соцреализма. Произведения в подавляющем большинстве не затрагивают политику, перестает быть актуальной и тема борьбы коммунизма и капитализма, и, что немаловажно, изменяется взгляд на природу, на весь окружающий человека мир. Ценность мира отныне не измеряется степенью его полезности для

человека. Природа важна сама по себе, в ней человек приходит к гармонии и обретает возможность познать самого себя.

Библиографический список

1. Гавриленко В. Л. «Сиротское сердце» Леонида Завальнюка: Тема одиночества в лирике поэта // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. 2021. № 14. С. 81-90.
2. Завальнюк Л. А. В пути: стихи. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1953. 86 с.
3. Завальнюк Л. А. Дальняя дорога. Хабаровск : Книжное издательство, 1987. 290 с.
4. Завальнюк Л. А. Как ты близок мне, Дальний Восток. Песни. Благовещенск : Амурское отделение Хабаровского книжного издательства, 1971. 88 с.
5. Завальнюк Л. А. Книга встреч: стихи. Москва : Советский писатель, 1977а. 110 с.
6. Завальнюк Л. А. Лирика. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1963. 128 с.
7. Завальнюк Л. А. Листопад: стихи. Хабаровск : Книжное издательство, 1977б. 158 с.
8. Завальнюк Л. А. Моя прописка: книга стихов. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1962. 88 с.
9. Завальнюк Л. А. Приснитесь мне, города. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1962. 64 с.
10. Завальнюк Л. А. Родька (Дневник Родьки – «трудного человека». Не имеющий друга...). Повести. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 416 с.
11. Ковда В. А. Великий план преобразования природы. Москва : Изд-во АН СССР, 1952. 115 с.
12. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. Москва : Наследие, 1997. 320 с.
13. Красовская С. И. Завальнюк Леонид Андреевич. // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX – XXI веков / Под ред. А. В. Урманова. Благовещенск, : Изд-во БГПУ, 2013. С. 149-153.
14. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. № 8. 1968. С. 74-87.
15. Маклюков А. В. Государственная стратегия ускоренного развития электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР (1964—1991 гг.): исторический опыт // Проблемы Дальнего Востока, 2021. Выпуск №5 С. 5-17.
16. РусГидро. История Зейской ГЭС. URL: <http://www.rushydro.ru/activity/energetika-dalnego-vostoka/history/103833.html>. (Дата обращения: 11.07.2022).
17. Соломенник В. В. Знакомый незнакомец: о жизни и творчестве Леонида Завальнюка: информ.-метод. материалы. Благовещенск : Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 2015. 124 с.

18. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва : Наука, 1983. С. 227-284.

19. Тургенев И. С. Отцы и дети. Москва : АСТ, 2004. 240 с.

20. Фарино Е. Введение в литературоведение: = Introduction to literary studies: Учебное пособие. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Reference list

1. Gavrilenko V. L. «Sirotskoe serdce» Leonida Zaval'njuka: Tema odinochestva v lirike pojeta = Leonid Zavalnyuk's "The Orphan's Heart": The theme of loneliness in the poet's lyrics // Losevskie chtenija: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2021. № 14. S. 81-90.

2. Zaval'njuk L. A. V puti: stihy = On the road: poetry. Blagoveshhensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. 86 s.

3. Zaval'njuk L. A. Dal'njaja doroga = The long road. Habarovsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 290 s.

4. Zaval'njuk L. A. Kak ty blizok mne, Dal'nij Vostok. Pesni = How close you are to me, Far East. Songs. Blagoveshhensk : Amurskoe otdelenie Habarovskogo knizhnogo izdatel'stva, 1971. 88 s.

5. Zaval'njuk L. A. Kniga vstrech: stihy = The meetings book: poems. Moscow : Sovetskij pisatel', 1977a. 110 s.

6. Zaval'njuk L. A. Lirika = Lyrics. Blagoveshhensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 128 s.

7. Zaval'njuk L. A. Listopad: stihy = Falling leaves: poems. Habarovsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1977b. 158 s.

8. Zaval'njuk L. A. Moja propiska: kniga stihov = My address: a book of poems. Blagoveshhensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 88 s.

9. Zaval'njuk L. A. Prislites' mne, goroda = Come to my dreams, the cities. Blagoveshhensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 64 s.

10. Zaval'njuk L. A. Rod'ka (Dnevnik Rod'ki – «trudnogo cheloveka». Ne imejushhij druga...). Povesti = Rodka (Rodka's Diary – "a problem person" having no friend...). Stories. Habarovsk : Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 416 s.

11. Kovda V. A. Velikij plan preobrazovanija prirody = The great plan for transforming nature. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1952. 115 s.

12. Kofman A. F. Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira = The hispanic artistic worldview. Moskva : Nasledie, 1997. 320 s.

13. Krasovskaja S. I. Zaval'njuk Leonid Andreevich = Zavalnyuk Leonid Andreevich // Jenciklopedija literaturnoj zhizni Priamur'ja XIX – XXI vekov. Pod red. A.V. Urmanova. Blagoveshhensk : Izd-vo BGPU, 2013. S. 149-153.

14. Lihachev D. S. Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedenija = The inner world of a literary work // Voprosy literatury. № 8. 1968. S. 74-87.

15. Makljukov A. V. Gosudarstvennaja strategija uskorenного razvitija jelektrojenergetiki na Dal'nem Vostoke SSSR (1964–1991 gg.): istoricheskij opyt = The State strategy for accelerated development of the electric power industry in the Far East of the USSR (1964-1991): historical experience // Problemy Dal'nego Vostoka, 2021. Vypusk №5. С. 5-17.

16. RusGidro. Istorija Zejskoj GJeS = History of Zeya. Hydroelectric power plant. URL: <http://www.rushydro.ru/activity/energetika-dalnego-vostoka/history/103833.html>. (Data obrashhenija: 11.07.2022).

17. Solomennik V. V. Znakomyj neznakomec: o zhizni i tvorchestve Leonida Zaval'njuka = A familiar stranger: about Leonid Zavalnyuk's life and work: inform.-metod. materialy. Blagoveshhensk : Amurskaja oblastnaja nauchnaja biblioteka im. N. N. Murav'eva-Amurskogo, 2015. 124 s.

18. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst = Space and text // Tekst: semantika i struktura. Moskva : Nauka, 1983. S. 227-284.

19. Turgenev I. S. Otcy i deti = Fathers and sons. Moskva : AST, 2004. 240 s.

20. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie = Introduction to literary studies: Uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. 639 s.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 05.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted on 10.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109
EDN BYJRKH

**Образы мудрого провиденья в культуре и древних традициях
Китая и России-Руси**

Герман Юрьевич Филипповский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Аннотация. Настоящая статья, отталкиваясь от работы Е. М. Болдыревой о мотиве мудрости (мудрых старцев) на материале рассказов Ван Мэна, В. Шукшина, К. Паустовского, обращается к наследию ранней русской литературы XI-XIII веков. Истоки китайской мудрости восходят к древним временам Конфуция (551-479 гг. до н. э.), древней гадательной «Книге Перемен» – Ицзин, а пространство русской литературы, с её возникновением в X-XI вв., преемственно от также весьма древней библейско-византийской традиции. Так, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона XI в. обсуждает приобщение Руси к Ветхозаветно-древнееврейской и Новозаветно-евангельской книжности.

Данная статья обращается к текстам «Повести временных лет», «Поучению» Владимира Мономаха, «Слову о полку Игореве» (XI-XIII вв.). Образы вещего Бояна, певца старых времён, Святослава Киевского (сон и пророческое Золотое слово), гадание на Псалтири старого Владимира Мономаха о своих грядущих судьбах, образ вещего кудесника в сказании об Олеге (из «Повести временных лет»), – показывают внимание ранней литературы Руси к теме старой мудрости, к мотивам пророчеств и гаданий. Всё это вполне перекликается с древнейшими традициями китайской литературы и мудрости, которые отразились в рассказе Ван Мэна о мудром старце и девушке.

Привлечённые Е. М. Болдыревой в её работе и китайские Ван Мэна, и русские литературные источники В. Шукшина и К. Паустовского существуют в едином мировом литературном пространстве текстов о мудрых старцах, том же самом, что и приведённые в данной статье древнерусские литературные тексты XI-XIII вв. Всё это говорит не только о единстве мирового литературного процесса, но, самое

главное, о его единых древних источниках, где важнейшее место занимают темы старой мудрости и мудрых старцев.

Ключевые слова: мотив старой мудрости; мудрые старцы; провиденье; гадание; Древний Китай; Древняя Русь; литература; Е. М. Болдырева; Ван Мэн; В. Шукшин; К. Паустовский; «Повесть временных лет»; «Слово о полку Игореве»; «Поучение» Владимира Мономаха; древние источники

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Образы мудрого провиденья в культуре и древних традициях Китая и России-Руси // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 92-109. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109>. <https://elibrary.ru/byjrkh>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

The images of wisdom and prophecy in literature and ancient traditions of China and Rus-Russia

German Y. Filippovsky

Doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

Fil.gerr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Abstract. This article, following E. M. Boldyreva's work on the motif of wisdom (wise elders) in the stories of Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky, turns to the heritage of early Russian literature of the XI-XIII centuries. The roots of Chinese wisdom go back to the ancient times of Confucius (551-479 BC), the ancient fortune-telling “Book of Changes” – Yijing, and Russian literature, since its emergence in the X-XI centuries, is also a successor to a very ancient biblical Byzantine tradition. Thus, Metropolitan Hilarion's XI century “Word on the Law and Grace” discusses Russia's introduction to Old Testament-Hebrew and New Testament-evangelical book learning.

This article refers to the texts of The Tale of Bygone Years, The Instruction of Vladimir Monomakh, and The Tale of Igor's Campaign (XI-XIII centuries). The attention of early Russian literature to the old wisdom and to the motives of prophecy and divination is shown by the images of the prophetic Boyan, the singer of old times, Svyatoslav of Kiev (the dream and the prophetic Golden Word), Vladimir Monomakh's prediction on the Psalter about his future fate, the image of the prophetic sorcerer in the story of Oleg (from the “Tale of Bygone Years”). All this corresponds quite well to the ancient traditions of Chinese literature and wisdom, which are reflected in Wang Meng's story of the wise old man and the girl.

The Chinese Wang Meng and the Russian literary works by V. Shukshin and K. Paustovsky analysed by E. M. Boldyreva in her paper both exist in a single world literary space of texts about wise elders, the same as the ancient Russian literary texts of the XI-XIII centuries cited in this article. All this speaks not only of the unity of the

world literary process, but, most importantly, of its common ancient sources, where the most important place belongs to the themes of old wisdom and wise elders.

Keywords: motif of old wisdom; wise elders; providence; divination; ancient China; ancient Rus'; literature; E. M. Boldyreva; Wang Meng; V. Shukshin; K. Paustovsky; "The Tale of Bygone Years"; "The Tale of Igor's Campaign"; "The Instruction" by Vladimir Monomakh; ancient sources

For citation: Filippovsky G. Yu. Images of wise providence in culture and ancient traditions of China and Russia-Rus. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):92-109. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-92-109>. <https://elibrary.ru/byjrkh>.

Введение

В своей статье «Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переключки рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского» доктор филологических наук Е. М. Болдырева [Болдырева, 2022, с. 34-47] затронула весьма глубокие и продуктивные переключки, соотносительные мотивы литератур и культур Китая и России. Речь шла об авторах, известных писателях XX века, весьма популярных в своих странах. Конкретно рассматривались тексты рассказов Ван Мэна «Слушая море» (1982), В. М. Шукшина «Солнце, старик и девушка» (1963), К. Г. Паустовского «Старый повар» (1940). Отмечалось, в частности, что в этих художественных текстах центральное место занимали образы слепого старика и молодой девушки / девочки. Причём мотивы слепоты сочетались с символично-философским контекстом озарений и прозрений [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] на фоне вечных тем смерти и возрождения. Категории памяти тесно соотносились с темой мудрости [Торопцев, 2004, с.34-79] и вечности.

Отмечалось, что художественная специфика текстов выражала особенности национально-культурного, народного, глубинного мироощущения Китая и России, черты целостного синтетического взгляда на мир. Конкретно мотив слепоты как один из важнейших культурных конструктов, архетипов, как отмечает исследователь, погружён в пространство мифологических представлений: «слепота чаще всего оказывалась относительной, отсутствие физического зрения компенсируется более совершенным потусторонним зрением, ... в нашем сознании живёт неизбежное соединение слепоты и мудрости, то есть, физическая слепота влечёт за собой внутреннюю духовную сосредоточенность, оборачивающуюся духовным прозрением, и в рассказах Шукшина, Паустовского и Ван Мэна актуализируются разные векторы этого символического комплекса» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Исследователь, в частности, пишет, что «корреляции слепых героев с сияющими небесными светилами выносят к порогу

читательского восприятия древний мифологический мотив прозрения, когда «слепота зрячести» оборачивается «зрячестью слепоты» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Далее автор цитирует известного исследователя античной мифологии Я. Э. Голосовкера: «В мифологических образах провидцев – Эдипа в Колоне и Тиресия – в этих олицетворениях «зрячей слепоты» виденье открывается нам как «веденье»: его смысл переходит в новую форму. Впервые в мифе возникает идея замещения мнимой проницательности утраченного органа зрения (глаза), основного источника чувственного опыта, радости жизни и знания» [Болдырева, 2022, с.34-47].

Е. М. Болдырева отмечает, что «для стариков Шукшина и Ван Мэна слепота – это символ достижения подлинной мудрости жизни, маркёр душевного спокойствия, стоической внутренней силы; в мировой литературе произведения, в которых реализуются мотивы слепоты и зрения, зачастую строятся на антитезе: слепой и зрячие, когда слепой «видит» этот мир и всю его сущность лучше, чем те, кто обладает зрением» [Болдырева, 2022, с.34-47]. Совершенно естественно, что автор статьи обращается к классическому образу великого слепца-поэта Гомера [Homer, 1970, р. 244-246]: «Слепота оказывается неразрывно связанной и с пророческим видением, и с видением поэтическим, заставляющим вспомнить Гомера – слепого мудреца, символ высшей

мудрости и внутренней прозорливости, и его героя аэда Демодока, которому муза «очи затмила», но которого наградила даром песнопения. Зрение замещается воображением, а работа воображения, способность находить выражение для того, что недоступно окружающим, осознаётся как дар, недоступный зрячему... Подобное акцентирование мифологической логики позволяет воспринимать слепоту героев всех трёх рассказов не как синоним несчастья или причину страдания, а как явление, несущее более серьёзную смысловую, мифологическую, метафизическую и социальную нагрузку, когда слепота выступает как символ появления способности проникнуть в тайну мира, внутреннего зрения и высшей мудрости» [Болдырева, 2022, с.34-47].

Разумеется, образ слепого старика-провидца новеллы Ван Мэна уходит корнями в глубины многотысячелетней китайской культуры Дао [Китайская..., 1984, с. 96-147], мудрости, ничуть не уступающей в этом плане древней Греции с её великим наследием слепца Гомера (VII до н. э.) [Homer, 1970, р. 244-246] и древнегреческих философов, начиная с эпохи архаики VI в. до н. э. Достаточно вспомнить традиционные китайские фарфоровые фигурки мудрого старца или древнейшие археологические артефакты бронзовых гадательных сосудов из китайских раскопок. В Китае идеалы старой мудрости восходят к глубокой древности, конфуцианству

[Confucius, 1973, p. 124-125] VI века до н. э., буддистским истокам идеалов просветления. Сюда же восходит известнейшая древняя гадательная «Книга Перемен» («Ицзин»), которую Конфуций (551-479 гг. до н. э.) включил в свои труды [Confucius, 1973, p. 124-125]. Не только поэты «Семи мудрых из бамбуковой рощи» (III в. н. э.), но писатели VIII в. н. э., например, Люй Мянью, были сторонниками «возврата к древности» (конфуцианскому стилю подражания литературе древних) [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Именно в эту эпоху Хань Юй провозгласил «древний» стиль гувэнь, вобравший всю литературную традицию Китая до III в. н. э. [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Его «Разные учения» использовали древние предания, например, о мифическом единороге – цилине, которого никто не видел и никто опознать не сумеет, но для этого нужен мудрец, не просто знаток древней мудрости, но совершенномудрый. Танские новеллы VIII-IX вв. н. э., то есть эпохи китайского средневековья, нередко обращались к древним мотивам пророческого и провидческого сна (Шэнь Цзи-цзи или Ли Гун-цзи, книги «Волшебное изголовье» или «Правитель Нанькэ») [Китайская ... , 1984, с. 96-147]. Именно таким совершенномудрым выступает и слепой старик в рассказе Ван Мэна [Торопцев, 2004, с.34-79], образ которого во многом восходит по своей художественной философич-

ности к истокам древней культуры Китая. Что касается образов мудрых стариков-слепцов в русских новеллах В. М. Шукшина и К. Г. Паустовского, тексты которых привлечены в упомянутом выше исследовании Е. М. Болдыревой [Болдырева, 2022, с. 34-47], то следует отметить: подобно приведённым китайским наблюдениям, эти русскоязычные новеллы своей образностью старой мудрости уходили также в глубины культуры и литературы своего, то есть, русского средневековья и древности.

Специфика художественной репрезентации образов мудрого провидения в древнерусской культуре и литературе

Настоящая статья посвящена именно этим вопросам, стремится проследить на материале древнерусской литературы и культуры истоки образов старой мудрости, провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300]. Привлекаются тексты известных произведений ранне-средневековой русской литературы «Слово о полку Игореве» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 254-267], «Поучение» Владимира Мономаха [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475], известное сказание «Повести временных лет» [Библиотека ... , 1997, Т.1, с. 62-315] о смерти Олега от коня (прославленное А. С. Пушкиным в его знаменитой «Песни о вещем Олеге») [Пушкин, 1936, с. 353-354], а также «Повесть об ослеплении князя Василька Ро-

стиславича» из состава «Повести временных лет» (под 1097 год) [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 270-283]. Пожалуй, стоит начать с известного эпизода «Сон и золотое слово Святослава» [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39], едва ли не центрального в «Слове о полку Игореве» [Igor Tale, 1956, p. 156-158, 211], выдающимся средневековым литературно-поэтическим памятником Руси начала XIII века. Это была эпоха возникновения и первоначального развития русской литературы, когда многие тексты как бы всматривались в глубинную перспективу истоков и предистоков Руси, в её древние легенды, поверья, древнейшие обрядовые традиции и образы ещё до-христианского прошлого. Характерно, что сам образ князя Святослава Киевского предстаёт в поэме в обличье глубокого старца («Се ли створисте моей сребрение седине?») [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260].

Собственно, его «злато слово с слезами смешено» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260] обсуждает вещий, то есть провидческий [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], сон Святослава [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39] («А Святъславъ мутень сонъ виде въ Киеве на горахъ...») [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260]. Бояре растолковывают старому князю его вещий сон: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали пога-

ныхъ саблями, а самаю опуташа въ путины железны. Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста и съ нима молодая иесяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста и въ море погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На реце на Каяле тьма светъ покрыла...» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 260]. Сон [Гура, 2012, Т.5, с. 90-91] старого и мудрого князя Святослава [Соколова, 1995, Т.5, с. 30-39] – вещий, он пророчит беду походу Игоря и Всеволода: «Си ночь съ вечера одевахуть мя, – рече, – чръною паполомою на кровати тисове; чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смешено, сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно и негують мя. Уже дьскы безъ кнеса в моемъ тереме златовръсемь. Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плесньска на болони, беша дёрькия сани, и несоша ся къ синему морю» [Библиотека ... , 1997, Т.4, с. 260].

Старый мудрый Святослав адресует младшим князьям упрёк в нечестии, буести, то есть излишней дерзости, чреватой поражением от половцев: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нь нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребрение седине?» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260]. Урок Святослава молодым князьям, их нера-

зумию опирается на силу старой мудрости: «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птичь възбиваетъ: не дасть гнезда своего въ обиду» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 262]. Сокол 3-х мытей – это старый сокол, наделённый особой мудростью и опытом, – таким видит себя старый мудрый Святослав, обращаясь к младшим князьям Игорю и Всеволоду. Он говорит, что победа приходит, в том числе с опорой на славу дедов: «Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побеждаютъ, звонячи въ прадедную славу» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 260-262]. В своём «Золотом слове», обращаясь к русским князьям, Святослав Киевский упрекает и их в утрате традиций древней, дедовской славы: «Ярослави и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени. Уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Русскую, на жизнь Всеславию» [Библиотека..., 1997, Т.4, с.264].

Примечательно, что текст эпизода о старом мудром князе Святославе, о его вещем сне и обращении к князьям пронизывают два лейтмотива: мотив поражения и смерти, другой мотив – провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], вещего предсказания. Образ князя Святослава не наделён слепотой, но – старой мудростью и провиденьем. Функция слепоты как бы замещена вещей семантикой сна [Гура, 2012, Т.5, с. 90-91]. Автор «Слова о полку

Игореве» не только соотносит, но даже сталкивает мотивы старости и молодости, противопоставляя их, но явно делая акцент на теме старой мудрости: «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавее траве притрепанъ литовскими мечи» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 262]. В. В. Мильков, А. И. Макаров в книге «Древняя Русь. Пересечение традиций» утверждают, что «история делится автором «Слова о полку Игореве» на три больших периода: 1. «Века Трояна» – время начал; 2. Время дедов (Владимира и Ярослава); 3. Время отцов и внуков, в котором живёт автор «Слова о полку Игореве» и действуют герои произведения» [Древняя..., 1997, с. 99]. Автор средневековой русской поэмы начала XIII века скорбит об ушедшей в прошлое «дедней славе». Всеслав Полоцкий, герой «Слова о полку Игореве» – князь-волхвачародей-провидец. «Сон Святослава», как уже отмечалось, пророчествует в «Золотом слове» старого мудрого Святослава о бедах Игоревы похода. В «Слове» предпочтение явно отдаётся прошлому, «дедней славе», «летам Ярослава», но текст, вместе с тем, открыт в будущее.

Тема и образы провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], старой мудрости эпизодами «Сна и Золотого сна Святослава» в «Слове о полку Игореве» – отнюдь не ограни-

чиваются. Поэма открывается мощным, древним и весьма значимым образом Бояна [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153], вещего певца старых времён. Для автора «Слова» он своего рода Гомер [Номер, 1970, р.244-246], основоположник, поэт начальных, древних времён, символ старой мудрости и прозорливости, провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с.298-300]: «Помняшеть бо, рече, пьрвыхъ времянь усобице...» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254]. Образ Бояна [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153] в «Слове» настолько сливается с темой начал и изначальной мудрости этого мира, что для автора рассуждения о том, как начинать его поэму, однозначно сливаются с наследием мудрости Бояна. Но автор, чтобы сформулировать своё собственное поэтическое кредо, свою позицию как бы отталкивается от образа и Бояновой мудрости: «Начати же ся тьи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы» [Библиотека..., Т.4, с.254]. Боян – древний ведун эпохи начальных князей Руси: «...преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предь пълкы касожьскими, красному Романови Святъславичю...» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254].

Образ Бояна представляется автору настолько древним, что сливается с образом Древа Жизни (По-

знания, Мудрости, Песен): «...скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрьсь поля на горы» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 254]. Образ Бояна в «Слове» настолько трансцендентен в своей мудрости, что соотнесён автором с символическим знаком философской Древности – мироправящим числом 7 [Гилберт, Кун, 1960, с.153]. Именно столько раз упомянут Боян [Дмитриев, 1995, Т.1, с.147-153] в «Слове»: 1. А не по замышлению Бояню; 2. Боянь бо вещей; 3. Боянь же, братие...; 4. О Бояне соловию стараго времени; 5. Чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче; 6. Тому вещей Боянь и прьвое припевку, смысленый, рече...; 7. Рекъ Боянь и Ходына, Святъславля песнотворца, стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти...» [Библиотека ..., 1997, Т.4, с. 254-267]. Образ Бояна наделён свойствами и мудрости, и провиденья, даже Суда: «Тому вещей Боянь и прьвое припевку, смысленый, рече... «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду Суда Божиа не минути» [Библиотека..., 1997, Т.4, с. 264]. Образ Бояна как бы охватывает текст «Слова о полку Игореве» с начала и до конца, он – мудрый собеседник Автора, который создаёт в своей поэме альтернативу старых и новых времён, старой мудрости и нового, молодого неразумия. Такова, в целом, художественная концепция поэтики

«Слова о полку Игореве». Но, как и Боян-провидец, автор «Слова» смотрит не только в прошлое, но и будущее. Его взгляд не только печален, но и оптимистичен, подобно мудрости Бояна.

«Слово о полку Игореве» с его темой старой мудрости занимает почётное место в развитии русской литературы и культуры [Лихачёв, 1997, Т.1, с.7-24], повлияло далеко не только на отмеченные выше рассказы К. Г. Паустовского и В. М. Шукшина. Пристальное внимание А. С. Пушкина в конце его жизни было привлечено к этому замечательному памятнику литературы и поэзии Руси. Но ещё в большей степени наш великий поэт вдохновлялся древнерусским летописанием, текстами великой литературно-исторической эпопеи ранней Руси «Повести временных лет». Образ мудрого вещего старца-волхва лежит в основе сюжета баллады молодого Пушкина «Песнь о вещем Олеге» [Пушкин, 1936, с. 353-354]. Старец предсказывает воителю Олегу смерть от его коня. Русской древностью навеян образ мудрого летописца Пимена пушкинского «Бориса Годунова». Сцена в келье, монолог Пимена соотнесены с судьбой находящегося рядом Григория, будущего Самозванца. Он рассказывает старцу свой странный сон, который оказывается пророческим, предвещает взлёт и падение самозванца [Пушкин, 1936, с.194-197]. Следует отметить, что некоторые редкие списки «Повести временных лет», например, в Летописце Переславля-

Суздальского, содержит эпизод сна князя Мала из цикла сказаний о княгине Ольге. Этот сон перекликается со сном князя Святослава Киевского «Слова о полку Игореве». Он пророчит беды древлянскому князю Малу [Соколова, 1995, Т.5, с.38].

«Повесть временных лет» впервые в русской литературе представляет образ героя-слепца. Речь идёт о повести об ослеплении князя Теребовльского Василько Ростиславича, вписанной под 1097 год [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 270-283]. Сразу стоит сказать, что это древнерусский текст, в основе которого лежит сюжет преступления и наказания (преступление князьями крестной клятвы – крестоцелования и последующего наказания крестопреступникам свыше, от Бога). Спустя многие столетия этот сюжет получит мировую известность в известном романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», хотя, в отличие от древнерусского источника, никакого образа героя слепца в романе XIX века нет. Да и в самой древнерусской повести ослеплённый герой отнюдь не старец, а ослепляют его старшие князья как раз из-за его молодой храбрости, боевой активности и амбиций. Завершает повесть эпизод Суда Божья (победа на поле боя ослеплённого героя над князьями-крестопреступниками). Эта тема перекликается со словами вещего старца Бояна «Слова о полку Игореве»: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду Суда Божиа не минути» [Библиотека..., 1997, Т.4, с.264]. Правда, в

повести об ослеплении Василька Ростиславича её автор, игумен Василий (он часто проявляет себя в тексте эпизодами от первого лица) приписывает своему герою, ослеплённому князю Васильку, черты дара пророчества: «Азь же идохъ к Василькови и поведахъ ему всю речъ Давыдову. Он же рче: «Сего есмь не молвилъ, но надеяся на Богъ. Послю к Володимеру, да быша не прольяхи крови мене дея. Но сему ми дивно: дать ми градъ свой, а мой Теробовль, моя волость пождавшее и ныне». Якоже и бысть: въскоре бо прия власть свою» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.276-278].

В древнерусской повести о Васильке Ростиславиче впервые в отечественной литературе образ слепого героя сочетается с образом женщины, которая спасает его, выкликает своим плачем из смерти. Столетием позже, в конце XII – начале XIII века подобную же модель текста использует автор «Слова о полку Игореве». Образ и плач Ярославны, которые в тексте поэмы являются после эпизода мудрого старца Святослава Киевского, так же, как и в более ранней повести о Васильке, спасительны для героя. По сути, и старец, и женщина наделены пророческими [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] функциями, они провозвещают что-то существенное в судьбе героя. Ясно, что подобные темы древнерусской литературы не могли не повлиять на отмеченные выше, в начале нашей статьи, темы и мотивы произведений XX века В. М. Шукшина и К. Г. Паустовского.

Особое место с точки зрения мотива старой мудрости, пророческих мотивов занимает в древнерусской литературе текст «Поучения» Владимира Мономаха [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475]. Сформированный окончательно автором, по мнению Д. С.Лихачёва, около 1117 года, он внесён во второй редакции (по-Шахматову) «Повести временных лет» под 1096 год. «Поучение» представляет собой своеобразный диптих в сочетании с «Повестью об ослеплении князя Василька Ростиславича» (под 1097 год). Примечательно, что в самой повести образ Владимира Мономаха занимает не менее важное место, чем образ героя Василька. Мономах в своём «Поучении» пишет о себе и своей жизни от первого лица, создавая своеобразную исповедь. Подобная тональность текста сообщает ему особую убедительность и достоверность. Тема старой мудрости занимает здесь особое место. В самом начале своего произведения Мономах-автор использует выражение «седя на санех» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]: «Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ день грешнаго допроводи» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456].

Это выражение – образное, по мысли Д. С.Лихачёва: «Значение слов «седя на санех» – «в преклонных годах», «на краю смерти» – основывается на обрядовой стороне древне-русских похорон; перевозка тела умершего на санях была суще-

ственной частью древнерусского погребального обычая» [Лихачёв, 1950, с.433-435; Аничков, 1908, с.60]. Известно, что подобный обряд восходит к глубокой архаике, в том числе, в древнейшей культуре Китая и Японии. Владимир Мономах, как автор «Поучения» [Библиотека..., 1997, Т.1, с. 456-475], своего рода наставления, послания к современникам и потомкам, использует мотив своей старости как аналог мотива старой мудрости [Волкова, 2005, с.64-83]. Тем более, что в своём тексте автор обильно цитирует библейский текст Псалтири (Псалмы Давида 8, 29, 31, 33, 41, 42, 45, 55, 57, 58, 62, 63, 94, 95, 118, 123) [Орлов, 1946, с.130-140]. «Поучение» ретроспективно по своей установке, обращено не только к опытам жизни автора, но и к глубинам, истокам мудрости человечества и его культуры. Византийски-образованный Владимир Мономах (потомок императоров, о чём он не без особого пиетета пишет в самом начале своего текста) показывает себя носителем не только византийской книжной мудрости, но – мудрости всечеловеческой.

В начале своего «Поучения» Мономах вводит эпизод встречи с послами братьев, южнорусских князей. Они предъявляют Мономаху преступный ультиматум, который он отвергает, вспоминая клятву на Кресте (эти князья нарушили клятву, ослепив Василька). Отказ в союзе фактически означал разрыв, в том числе, родовых связей с юж-

норусскими князьями. Что не могло не повлиять на автора «Поучения». Он пишет, что в минуту душевного кризиса обратился к гаданию [Гадания, 2000, с.87-88; 406-408] на Псалтири: «И отрядивь я, возьмь Псалтырю, в печали разгнухь я, и то ми ся выня...» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]. Мономах цитирует в Поучении тексты Псалтири, выпавшие ему в гадании [Виноградова, Т.1, с.482-486]. Они бросают свет на его судьбу, создавая своеобразный Урок мудрости и поведения для русских князей. Д. С.Лихачёв в своём комментарии к «Поучению» Владимира Мономаха отмечает: «Здесь Мономах говорит о своём гадании по Псалтири. Псалтырью часто пользовались в древней Руси для гаданий [Лихачёв, 1950, с.433-435]. Существовали даже особые гадательные псалтыри [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486], под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывавшееся место и замечания к нему, если они были» [Лихачёв, 1950, с.435]. Библейская [The Bible, 1973, р.60-63] Псалтырь – не только часть Ветхого Завета, но – памятник древневосточной поэзии VIII века до н.э. Конечно, для Мономаха христианина тексты псалмов имели покаянный смысл, но, тем не менее сама тема гаданий в трудную минуту жизни остаётся здесь несомненной. Как и древность самого ритуала-

ла гадания с использованием гадательного текста, равнозначного обращению к тексту древней мудрости. В этом плане весьма характерно, что уже отмечалось, совмещение в начале текста «Поучения» мотива старости Мономаха (на пороге смерти) и мотива его гадания на Псалтири.

Если вернуться к текстам рассказов XX века: русских К. Паустовского, В. Шукшина и китайского Ван Мэна, – несомненна связь образов мудрых стариков с тысячелетними традициями старой мудрости вообще [Волкова, 2005, с.64-83; Торопцев, 2004, с.34-79]. Если в случае русских текстов разумно соотнесение с обсуждавшимся образом Владимира Мономаха – старца с его гаданием [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] на древней Псалтири, то образ рассказа Ван Мэна [Торопцев, 2004, с.34-79] тем более как бы смотрится в глубины древней китайской мудрости. Как известно, одной из наиболее востребованных книг конфуцианской [Confucius, 1973, р. 124-125] и даже более ранней традиции в Китае была (и остаётся) древняя гадательная «Книга перемен» («Ицзин») VII века до н. э. [Китайская литература, 1984, с.96-147]. Известна также древнейшая китайская гадательная традиция, дошедшие до нас археологические артефакты гадательных костей [Брей, 1990, с.55] с надписями-иероглифами. «Археологический словарь» У.Брея и Д.Трампа поясняет в этой связи: «На кости вырезался желобок, после чего прикладывалось

горячее острие, по характеру получившихся трещин определяли ответ. Гадательные кости впервые появляются в луншаньской культуре, значительно шире они распространены во время династии Шан-Инь. Особенно важны образцы, на которых записывался вопрос (иногда также полученный ответ). Эти надписи являются памятниками наиболее древней китайской письменности. В ряде случаев, когда называются имена царей и предков, гадательные кости дают возможность установить историческую основу ранних легенд» [Брей, 1990, с.55]. Разумеется, эти древние китайские гадательные традиции не могли не отразиться во всём последующем пространстве китайской литературы и поэзии [Китайская литература, 1984, с.96-147].

Владимир Мономах в трудную минуту жизни прибегает к гаданию [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] по старинной гадательной книге, Псалтири. Вообще такова и мировая традиция: в древние и старинные времена все народы и во всех странах прибегали к подобной гадательной практике. О. В. Белова и А. А. Турилов в своей статье «Гадательные книги» в первом томе энциклопедии «Славянские древности» пишут: «Гадательные книги, служащие для предсказания будущего, определения судьбы, – в основном переводные произведения, заимствованные православными славянами из Византии (и в меньшей степени с Востока), а славянами католиками – из Западной Евро-

пы. Генетическая связь славянских гадательных книг с древнееврейскими, арабскими, греческими предсказательными сочинениями – свидетельство их древности как книжного жанра» [Белова, 1995, Т.1, с.486-490]. Авторы называют, помимо Псалтири (или Евангелия) такие гадательные книги, как Громник [Перетц, 1899], Лунник, Трепетник, Рафли, Планетник, Зверинец, Молнияник [Белова, 1995, Т.1, с.486-490] и т. д.

Мономах-писатель рассказывает в своём «Поучении», в начале текста, о своём гадании на Псалтири, решая многие свои литературные задачи. Поскольку речь идёт о выписках автора по итогам гадания («...возьмь Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня... И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы последняя не любя, а передняя примайте» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456]), они формируют особый текст, как бы изначальный, базовый для всего «Поучения». Иными словами, Мономах говорит читателю: когда, как, при каких обстоятельствах и почему он начал работу над своим впоследствии большим текстом «Поучения». Действительно, с какой стати великому князю, великому полководцу, государственному деятелю заниматься делом, положенным монаху-книжнику. Поэтому Мономах и поясняет читателю, как бы разрешая некое недоумение, возможные вопросы.

С другой стороны, автор «Поучения», уже в начале текста заявляющий о своём более чем преклонном возрасте, как бы на пороге смерти, открывает контекст не только старой мудрости [Волкова, 2005, с.64-83], но и связанного с ней провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300], особого дара видеть будущее, провещать о своих или иных судьбах. Иными словами, прав был Д. С.Лихачёв, который углядел в выражении-метафоре «на далечи пути, да на санех седя» [Лихачёв, 1950, с.433] не просто особое, пусть и маркированное высказывание автора, но – литературный приём многоцелевого потенциального развёртывания. Такова функция любой литературной экспозиции: создать исходную, базовую платформу именно в начале авторского текста для его последующего широкого и многопланового решения. Такова вообще была специфика эпохи Мономаха – византийски-образованный христианин, автор в конце жизни, говоря ретроспективно о прожитом, о прошлом, не мог не активизировать ментальные механизмы древнего понятия Судьбы [Седакова, 2012, Т.5, с.203-208], характерные для ещё дохристианского мышления, представления мира. Мономах – не только писатель, автор «Поучения», но и со-редактор «Повести временных лет», заказчик и патрон второй редакции (по Шахматову) этого летописного эпоса. Собственно, «Повесть временных лет», в целом, по своей структуре также неоднозначна: материалы до

даты Крещения Руси включают многочисленные пересказы ещё языческих легенд, сказаний, преданий «старины глубокой».

Так и Мономах-христианин говорит о своём гадании [Виноградова, 1995, Т.1, с.482-486] (на Псалтири) – образце древнейшего поведения людей Древнего мира, начиная с истоков культуры человечества. Мономах-книжник-христианин сознательно демонстрирует читателю свою глубочайшую историко-культурную эрудицию, иными словами, формируя образ мудреца, носителя мировой старой мудрости, имеющего полное право на Урок, Поучение, наставление. Вообще «Поучение» – не просто Завет современникам и потомкам, но – Послание, беседа с читателем, кем бы он ни был. Мономах не только объясняет читателю правила христианской жизни, поведения, но он объясняется с ним. В тексте вступления автор прибегает к особым, необычным приёмам в целях литературной коммуникации, установления связи автора и читателя. Речь идёт об использовании приёма автоиронии. Мономах-автор как бы посмеивается над своей старостью, как бы шутит над собой, чтобы сделать некий жест в сторону читателя, как бы поднять, возвысить его в контексте автора: «Да дети мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмейтеса... Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохрихтаются, но тако се рекутъ: на далече пути, да на санех седа, безлепицю си молвилъ...» [Библиотека..., 1997, Т.1, с.456].

Заключение

В России традиции народных гаданий ярче всего запечатлелись в поэзии эпохи романтизма. И здесь, прежде всего, следует назвать знаменитую балладу В. А. Жуковского «Светлана» на мотив «Леноры» Бюргера («Раз в крещенский вечерок // Девушки гадали...») [Жуковский, 2013, с.125], и текст пятой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Татьяна верила преданьям // Простонародной старины, // И снам, и карточным гаданьям, // И предсказаниям луны...») [Пушкин, 1936, с.132]. Эти великие произведения русских романтиков XIX века весьма ярко запечатлели образы гадания, предсказания, мудрого провиденья [Волкова, 2005, с.64-83; Левкиевская, Т.4, с.298-300], то есть те культурные традиции, которые в мировом масштабе восходят к истокам наследия Древности (древнекитайская гадательная «Книга перемен» – «Ицзин» [Китайская..., 1984, с.107], древневосточная книга поэтической мудрости и гаданий «Псалтырь»), Средневековья (древнерусские литературные тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве») [Библиотека..., Т.1, с.62-315; 456-475; Т.4, с.254-267].

Таким образом, образы мудрого провиденья [Левкиевская, 2009, Т.4, с.298-300; Волкова, 2005, с. 64-83], раскрытые и проанализированные в работе Е. М. Болдыревой [Болдырева, 2022, с.34-47] на материале произведений XX века Ван Мэна [Торопцев,

2004, с.34-79], Г. К. Паустовского и В. М. Шукшина, как удалось установить в настоящей статье, глубоко и ярко высвечены ещё в древнерусской традиции XI-XIII вв., в отмеченных выше и исследованных (с точки зрения образов провидческой [Левкиевская, 2009, Т.4, с. 298-300] мудрости, древних гадательных [Гадания, с.87-88; 406-408; Виноградова, с.482-486] традиций) выдающихся произведениях литературы Древней Руси – «Слове о полку Игореве», «Поучении» Владимира Мономаха и «Повести временных лет» [Библиотека..., Т.1, с.62-315; 456-475; Т.4, с.254-267].

Библиографический список

1. Аничков Е. В. Народная культура и древние верования славян // История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Москва : Изд-во «Мир» и И. Т. Сытина. 1908, Т.1, 60 с. (Погребение на саях. Миниатюра «Сказания о св. Борисе и Глебе». Сильвестровский сборник XIV в.).
2. Белова О. В. Гадательные книги // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / О. В. Белова, А. А. Турилов ; под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995, Т.1. А-Г. С. 486-890.
3. Библиотека литературы Древней Руси. XI-XII вв. Т.1 / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997, 543 с. (Тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве»).
4. Библиотека литературы Древней Руси. XI-XII вв. Т.4 / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997, 687 с. (Тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве»).
5. Болдырева Е. М. Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переключки рассказов Ван Мэна, В.Шукшина и К.Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №1. С. 34-47.
6. Брей У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. Москва : Прогресс, 1990, 55 с.(Гадательные кости).
7. Виноградова Л. Н. Гадание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь Т.1, А-Г / Под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995. С.482-486.
8. Волкова Е. И. Образ мудреца в духовной и художественной традиции (старчество, юродство, Гомер, Софокл, Шекспир, Кольридж, Пушкин и др.) // Современная филология: итоги и перспективы. Москва : Гос. Институт русского языка им. А. С.Пушкина, 2005. С. 64-83.
9. Гадания Энциклопедия суеверий / Пер. с англ. (Е. & М. Е. Radford. Hampton-Court, Surrey, U.K., 1947), рус. ред. Е. В. Минёнок (ИМЛИ РАН). Москва : Локид-Миф, 2000. С.87-88, 406-408.
10. Гилберт К. История эстетики / К. Гилберт, Г. Кун. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 149-155.
11. Гура А. В. Сновидения, сон // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. Толстого. Москва : Международные отношения, 2012, Т.5, С-Я, с.90-91.

12. Дмитриев Л. А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.1. / Ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. С.147-153.
13. Древняя Русь. Пересечение традиций : коллективная монография / Отв. ред. В. В. Мильков. Москва : Скрипторий, 1997, 458 с.
14. Жуковский В. А. Звезда любви. Москва : Комсомольская правда, 2013. 239 с.
15. Китайская литература // История всемирной литературы. Том 2 / Отв. ред. А. Д. Михайлов, Л. З. Эйдлин. Москва : Наука, 1984. С. 96-147.
16. Левкиевская Е. Е. Прорицание, пророчество (предсказание будущего, судьбы) // Славянские древности. Т.4, П-С. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. С. 298-300.
17. Лихачёв Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1, XI-XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 7-24.
18. Лихачёв Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч.II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. С. 433-435.
19. Орлов А. С. Владимир Мономах. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.
20. Перетц В. Н. Материалы по истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника (введение, славянские и еврейские тексты). Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1899. 121 с.
21. Пушкин А. С. Сочинения / под ред. Б. В. Томашевского. Ленинград : Художественная литература, 1936. 132 с.
22. Седакова И. А. Судьба // Славянские древности. Т.5. С-Я. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2012. С. 203-208.
23. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т.5 / Ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв, С. А. Семячко, О. В. Творогов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. С. 30-39.
24. Торощев С. А. Проза Ван Мэна в концептуальном континууме // Ван Мэн в контексте современной китайской литературы. Сб. статей. Москва : Изд-во Института Дальнего Востока РАН, 2004. С. 34-79.
25. Confucius (551-479 B.C.) // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N.Y., A Mentor Book, 1973, p.124-125. (also about "The Book of Changes" – mystical system used for divination).
26. Homer // Dictionary of ancient Greek civilization. Lnd., Methuen & Co. Ltd., 1970, p.244-246.
27. Igor Tale // Harkins W. E. Dictionary of Russian Literature. N. Y., Philosophical Library, 1956, p.156-158, 211.
28. The Bible // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N. Y., A Mentor Book, 1973. P.60-63.

Reference list

1. Anichkov E. V. Narodnaja kul'tura i drevnie verovanija slavjan // Istorija ruskoj literatury = Folk culture and Slavic ancient beliefs / Pod red. E. V. Anichkova,

- A. K. Borozdina, D. N.Ovsjaniko-Kulikovskogo. Moskva : Izd-vo «Mir» i I. T.Sytina. 1908, T.1, 60 s. (Pogrebenie na sanjah. Miniatjura «Skazanija o sv. Borise i Glebe». Sil'vestrovskij sbornik XIV v.).
2. Belova O. V. Gadatel'nye knigi = Fortune telling books // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisti-cheskij slovar' / O. V. Belova, A. A. Turilov ; pod red. N. I. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995, T.1. A-G. S. 486-890.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XI-XII vv. T.1 = Library of ancient Rus' literature. XI-XII centuries / pod red. D. S. Liha-chjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997, 543 s. (Teksty «Povesti vremennyh let», «Pouchenija» Vladimira Monoma-ha, «Slova o polku Igoreve»).
4. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XI-XII vv. T.4 = Library of ancient Rus' literature. XI-XII centuries / pod red. D. S. Liha-chjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997, 687 s. (Teksty «Povesti vremennyh let», «Pouchenija» Vladimira Monoma-ha, «Slova o polku Igoreve»).
5. Boldyreva E. M. Preodolenie slepoty i muzyka pamjati: motivnye pere-klichki rasskazov Van Mjena, V.Shukshina i K.Paustovskogo = Overcoming blindness and the music of memory: the shared motifs of Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky's stories // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2022. №1. S. 34-47.
6. Brey U. Arheologicheskij slovar' = The archeological dictionary / U. Brey, D. Tramp. Moskva : Progress, 1990, 55 s.(Gadatel'nye kosti).
7. Vinogradova L. N. Gadanie = Fortune telling // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' T.1, A-G / Pod red. N. I. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. S.482-486.
8. Volkova E. I. Obraz mudreca v duhovnoj i hudozhestvennoj tradicii (starchestvo, jurodstvo, Gomer, Sofokl, Shekspir, Kol'ridzh, Pushkin i dr.) = The image of the wise man in spiritual and artistic tradition (elders, foolishness for Christ, Homer, Sophocles, Shakespeare, Coleridge, Pushkin, etc.) // Sovremennaja filologija: itogi i perspektivy. Moskva : Gos. Institut ruskogo jazyka im. A. S.Pushkina, 2005. S. 64-83.
9. Gadanija= Fortune telling // Jenciklopedija sueverij / Per. s angl. (E. & M. E. Radford. Hampton-Court, Surrey, U.K., 1947), rus. red. E. V.Minjonok (IMLI RAN). Moskva : Lokid-Mif, 2000, s.87-88, 406-408.
10. Gilbert K. Istorija jestetiki = History of esthetics / K. Gilbert, G. Kun. Moskva : Izd-vo ino-stranoj literatury, 1960. s.149-155.
11. Gura A. V. Snovidenija, son = Dreams, sleep // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar' pod obshej redakciej N. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2012, T.5, S-Ja, s.90-91.
12. Dmitriev L. A. Bojan = Boyan // Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T.1. / Red.: L. A. Dmitriev, D. S. Lihachjov, S. A. Semjachko, O. V. Tvorogov. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1995. S.147-153.
13. Drevnjaja Rus'. Peresechenie tradicij = Ancient Russia. Intersection of traditions : kolektivnaja monografija / Otv. red. V. V.Mil'kov. Moskva : Skriptorij, 1997, 458 s.
14. Zhukovskij V. A. Zvezda ljubvi = The star of love. Moskva : Komsomol'skaja pravda, 2013. 239 s.
15. Kitajskaja literatura = Chinese literature // Istorija vseмирnoj literatury. Tom 2 / Otv. red. A. D. Mihajlov, L. Z. Jejdlin. Moskva : Nauka, 1984. S. 96-147.

16. Levkievskaja E. E. Proricanie, prorochestvo (predskazanie budushhego, sud'by) = Prediction, prophecy (forecasting the future, destiny) // Slavjanskije drevnosti. T.4, P-S. *Jetnolingvisticheski slovar' / pod obshej redakciej N. I. Tolstogo*. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. S. 298-300.
17. Lihachjov D. S. Velichie drevnej literatury = Magnificent ancient literature // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T.1, XI-XII vv. / Pod red. D. S. Lihachjova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. S. 7-24.
18. Lihachjov D. S. Kommentarii = Commentary // Povest' vremennyh let. Ch.II. Prilozhenija. Stat'i i kommentarii D. S.Lihachjova / pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. S. 433-435.
19. Orlov A. S. Vladimir Monomah = Vladimir Monomakh. Moskva-Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1946. 191 s.
20. Peretc V. N. Materialy po istorii apokrifa i legendy. I. K istorii Gromnika (vvedenie, slavjanskije i evrejskie teksty) = Materials on the history of apocrypha and legend. I. To the history of Gromnik (introduction, Slavonic and Hebrew texts). Sankt-Peterburg : Tip. Imp. AN, 1899. 121 s.
21. Pushkin A. S. Sochinenija = Works / pod red. B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Hu-dozhestvennaja literatura, 1936. 132 s.
22. Sedakova I. A. Sud'ba = The destiny // Slavjanskije drevnosti. T.5. S-Ja. *Jetnolingvisti-cheski slovar' / pod obshej redakciej N. I. Tolstogo*. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2012. S. 203-208.
23. Sokolova L. V. Son Svjatoslava = Svyatoslav's dream // Jenciklopedija «Slova o polku Igore-ve» T.5 / Red.: L. A.Dmitriev, D. S.Lihachjov, S. A.Semjachko, O. V.Tvorogov. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1995. S. 30-39.
24. Toropcev S. A. Proza Van Mjena v konceptual'nom kontinuuime = Wang Meng's prose in conceptual continuum // Van Mjen v kontekste sovremennoj kitajskoj literatury. Sb. statej. Moskva : Izd-vo In-stituta Dal'nego Vostoka RAN, 2004. S. 34-79.
25. Confucius (551-479 B.C.) // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N.Y., A Mentor Book, 1973, p.124-125. (also about "The Book of Changes" – mystical system used for divination).
26. Homer // Dictionary of ancient Greek civilization. Lnd., Methuen & Co. Ltd., 1970, p.244-246.
27. Igor Tale // Harkins W. E. Dictionary of Russian Literature. N. Y., Philosophical Library, 1956, p.156-158, 211.
28. The Bible // The reader`s companion to world literature. Ed. L. H. Hornstein. N. Y., A Mentor Book, 1973. P.60-63.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted on 01.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125

EDN JNAEGT

**Ретритная духовная практика и антропология аскезы
в романе В. Маканина «Предтеча»**

Се Чжоу¹, Чжан Вэйвэй²

¹Доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР.

²Аспирантка кафедры русского языка и литературы института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин

¹xiezhou1234@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²1091296295@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9887-7569>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению творчества Владимира Маканина (прежде всего, его романа «Предтеча») в аспекте репрезентации в нем духовной практики ретрита, непосредственно связанной с духовной и физической аскезой. Авторы рассматривают ретритную антопологию и антропологию аскезы как один из важнейших компонентов синергичной антропологии, исследуют историю формирования и сущность духовной практики ретрита, благодаря которой человек через самосовершенствование достигает духовной святости и спасения души. История жизни Якушкина рассматривается как поэтапный процесс медитативной духовной практики, когда герой достигает просветления, становится другим человеком и начинает страстно проповедовать окружающим любовь и равенство, критикуя жадность и похоть, и в то же время снова и снова раскаиваясь в своих прошлых деяниях, претерпев радикальный сдвиг в сознании от своего прежнего вульгарного и алчного эго к нынешнему святому и бескорыстному Я и выступая в роли знахаря, который лечит людей своими особыми методами и секретными рецептами, так что пациент исцеляется не только физически, но и психологически, тем самым постепенно изменяя и очищая всю личность. В статье рассматриваются причины, по которым Якушкин не достигает высшей цели духовной практики аскезы, анализируется проявление сходных мотивов в зрелом и позднем творчестве В. Маканина, и констатируется, что ретритная антропология глубоко вошла в русскую национальную культуру как активная практика постепенного преобразования всей личности, достижения самосовершенствования и обретения истинного внутреннего покоя и миротворения.

Ключевые слова: В. Маканин; «Предтеча»; Якушкин; аскетизм; ретритная практика; квиетизм; синергичная антропология

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Вэйвэй Ретритная духовная практика и антропология аскезы в романе В. Маканина «Предтеча» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 110-125. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125>. <https://elibrary.ru/jnaegt>.

Original article

Retreat spiritual practice and the anthropology of ascesis in V. Makanin's novel *The Forerunner*

Xie Zhou^{1✉}, Zhang Weiwei²

¹Doctor of philology, professor, director of the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest University at the PRC Ministry of Education, dean of the Russian language faculty, Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

²Postgraduate student at the Department of the Russian language and literature, Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

¹xiezhou1234@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²1091296295@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9887-7569>

Abstract. The article examines the work of Vladimir Makanin (primarily his novel “The Forerunner”) in terms of representing in it the spiritual practice of retreat, directly related to the spiritual and physical ascesis. The authors consider retreat anthropology and the anthropology of ascesis as one of the most important components of synergetic anthropology, exploring the history and essence of the retreat spiritual practice due to which one achieves spiritual holiness and soul salvation through self-improvement. The story of Yakushkin's life is seen as a step-by-step process of meditative spiritual practice, when the hero reaches enlightenment, becomes a different person and begins to passionately preach love and equality to others, criticizing greed and lust, and at the same time repenting again and again of his past deeds, undergoing a radical shift in consciousness from his former vulgar and greedy ego to his present holy and selfless self and acting as a healer who heals people with his special methods and secret recipes, so that the patient is healed not only physically but also mentally, thereby gradually changing and purifying the entire personality. The article examines the reasons why Yakushkin does not achieve the highest goal of the ascetic spiritual practice, analyzes the manifestation of similar motifs in V. Makanin's mature later work, and states that retreat anthropology is deeply embedded in Russian national culture as an active practice of gradual transforming the whole person, achieving self-improvement and finding true inner peace and tranquility.

Key words: V. Makanin; “The Forerunner”; Yakushkin; asceticism; retreat practice; quietism; synergetic anthropology

For citation: Xie Zhou, Zhang Weiwei Retreat spiritual practice and the anthropology of ascesis in V. Makanin's novel *The Forerunner*. *World of Russian-speaking coun-*

tries. 2022; 4(14):110-125. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125>. <https://elibrary.ru/jnaegt>.

Введение

Переводы на русский язык понятия «ретрит» и «ретритный» колеблются между несколькими смысловыми центрами: уединение, удаление, затвор и отступление. Фундаментом, объединяющим эти смыслы, является затворническая деятельность как стремление человека удалиться от принятых норм повседневного бытия. Ретрит – это форма духовной практики (или духовных практик), зародившаяся в лоне мировых религий (буддизм, некоторые ветви христианства, ислам). Обозначенные практики ретрита непосредственно связаны с духовной и физической аскезой. На основе практики и культивирования аскетизма антропология аскетизма ориентируется на людей, занимающихся аскетической практикой, которая предполагает постепенное изменение всего человека. Практикующие проходят через начало, процесс и результат последовательно, совершая своего рода пошаговое восхождение. Начало практики – «обращение» людей, а процесс – преодоление препятствия к духовному восхождению – желания с помощью «внимания» и «молитвы», а результат – «обожение». Произведения Владимира Маканина разных лет так или иначе оказываются связанными с концепцией ретритной антропологии, особенно в романе «Предтеча».

«Предтеча» – произведение современного русского писателя В. Маканина, созданное им в зрелом периоде его творчества. В 1980-е годы в произведениях Маканина в основном описывались маргинальные фигуры из низов общества, отражая всеобщую тревогу и отчаяние, сильное желание найти духовное пристанище в Советском Союзе, вступающем в стадию экономического застоя. Главный герой «Предтечи» Якушкин, первоначально обычный строитель, отправился в сибирский девственный лес отбывать наказание за кражу стройматериалов, в этот период его ударило бревном и повредило голову, благодаря чему он получил особую способность лечить болезни и встал на путь спасения людей и помощи миру. В нашей статье мы попытаемся рассмотреть этого персонажа в свете концепции ретритной духовной практики с целью исследования феноменов аскетического и медитативного бытия личности в произведениях В. Маканина.

1. Аскетизм и ретритная антропология: теоретическое обоснование и исторический экскурс

Антропология аскезы, предложенная известным современным русским философом С. Хоружим, является развитием и расширением аскезы как духовной практики. Ретритизм, или ретрит – это особый

вид духовной практики. «Что касается содержания, то аскетизм состоит в том, что посредством каких-то особых средств, прежде всего молитвы, практикующий изменяет всю свою личность и постепенно приближается к соединению с Богом, то есть к обожению, что и является концом практики» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 83].

Ретритизм зародился в Римской империи в IV веке нашей эры. В это время Римская империя была миром христианства. Будучи государственной религией Римской империи, христианство было интегрировано во все аспекты жизни людей. Строительство церквей и приобщение людей к церкви было не только тенденцией того времени, но необходимым и устойчивым образом жизни. Среди ревнителей христианства появилась группа первопродходцев, покинувших города и направившихся в пустыню, чтобы практиковать в одиночестве, и они были первыми подвижниками. «Бегство в пустыню имеет четкую антропологическую и религиозную цель» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 87]. Они не могли получить опыт обожения, важный онтологический опыт, в обычной христианской общественной жизни в городе. В таком опыте практикующим необходимо изменить свои отношения с высшим абсолютным существом, с «Богом», поэтому им необходимо прорваться через общую стратегию

неизменения собственной онтологической ситуации, сбежать из города, сбежать от общества, сосредоточиться на себе, и завершить свою сущностную трансформацию. Иными словами, выбрать ретритизм – значит выбрать противоположную стратегию, что тоже можно рассматривать как пробуждение сознания, что крайне значимо для духовного статуса. С IV по VI век нашей эры аскетизм быстро развивался, когда стало происходить массовое бегство практикующих из городов в пустыню. Этих людей называли пустынноиками, а предшественников, которые впервые пришли сюда практиковать, также называли отцами-пустынниками, поэтому этот период также известен как период отцов-пустынников. Пустынники, готовые приступить к аскетической практике, были монахами-послушниками, а отцы-пустынники, имевшие некоторый опыт в практике аскетизма, были старцами, которые руководили новичками в практике аскетизма. Послушнику необходимо освободиться от самого себя и раствориться в опыте и воле Старшего, и эта тесная связь между Старшим и послушником, между старейшинами и учениками является универсальным антропологическим открытием. VII-X века нашей эры были центральным этапом в развитии аскезы. На этом этапе появились инструменты медитации. В практике ретрита практикующий с самого начала имеет четкую цель, а

затем достигает ее с помощью этого набора систематических и стандартизированных инструментов. Этот процесс является процессом антропологической практики. Не только процесс ретритной практики является практикой ретритной антропологии, но и инструменты ретритной практики являются содержанием ретритной антропологии. Этот набор инструментов – инструмент медитации, который берет на себя задачу организации практики медитации, объяснения опыта медитации и проверки опыта духовного опыта. В XIII и XIV веках нашей эры этот этап известен как завершение аскетизма. Практики аскезы освоили опыт и приблизились к цели обожения. «Человек должен претерпеть очень большие изменения, чтобы в нем появились не только качества человека, но и качества другого плана существования, другого способа бытия» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 59]. Это особый антропологический феномен, «он показывает, что человек соприкоснулся с проявлением иного способа бытия, иного вида энергии, начало встречи человеческой энергии с божественной» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 89].

Таким образом, антропологическая составляющая присутствует во всем развитии аскетизма. На начальном этапе аскезы практикующие бежали из города в пустыню, и пробуждение, и качественное

преображение их сознания имели позитивное антропологическое значение. На стадии развития аскетизма объединение старейшин и послушников в одну пару также имеет универсальное антропологическое значение. На основной стадии аскетизма инструменты аскетической практики становятся содержанием ретритной антропологии. На этапе завершения ретритизма, реализация обожествления также является особым духовным феноменом.

Кроме того, духовная практика ретрита – это практика человека как субъекта, переживающего начало, процесс и результат практики, сосредоточенного на собственном росте и трансформации. Начало ретритной антропологической практики – «обращение», которое является разрывом с прошлым и проявлением духовного пробуждения; процесс ретритной духовной практики – лестничное восхождение, с помощью «молитвы» и «внимания», преодолевающее сопротивление восхождению. Целью и завершением аскетической антропологической практики является «обожение», завершение прорыва и реализация другого «я».

Аскетизм «не только отражал самобытность русского православия, но и оказал большое влияние на формирование русской культуры и национального самосознания» [刁科梅, 2013, с. 74]. Он был завезен на Русь из Византии в Киевский период и оказал длительное и глубокое влияние на русскую нацио-

нальную жизнь и национальную культуру. В то же время аскетизм развил новую и самобытную форму пресвитерианства на русской земле. Пресвитерианство – это также особый антропологический феномен. Работа старца делится на три направления: во-первых, его собственная практика, а практика аскетизма сама по себе является антропологической практикой; во-вторых, он руководит монахами в практике аскезы, причем старец и монах разделяют одну волю, волю старца, образуя духовную пару – «два в одном»; в-третьих, он дает духовные советы, отвечая на вопросы людей и решая их проблемы. Признание старейшин народом можно рассматривать как проверку практического опыта аскетизма старейшин, что имеет уникальное антропологическое значение. Именно поэтому русская православная система пресвитерианства – это первое, что приходит на ум при упоминании антропологии аскетизма в русской литературе. Русское православное пресвитерианство повлияло не только на жизнь и мысли людей, но и на творчество писателей, и хотя в романе Маканина «Предтеча» нет пресвитерианства в строгом смысле, но есть достаточно оригинальная «антропология затворничества».

«С самого начала ретритизм поставил перед собой самостоятельную антропологическую задачу: разработать набор практик и дисциплин, с помощью которых можно

постепенно трансформировать всего человека» [霍鲁日、张百春, 2010 в, с. 92] Таким образом, антропология аскезы – это не только практика, но и постоянное самосовершенствование. В этом также заключается значение этой антропологии для современных людей, призывающей к пробуждению самосознания, реализации и совершенствованию себя через духовные усилия.

Ретритная духовная практика и антропология аскезы в «Предтече»

В. Маканин изображает необычного главного героя, Якушкина, в своем романе «Предтеча» так: «Душевно больной герой, исцеляющий “духовно” больное общество» [Владимирова, 2013, с. 112]. Якушкин погружен в практику исцеления и спасения людей, не только сам, но и ведя за собой толпу верующих в поисках истины и духовной святости. Вся история жизни Якушкина – это поэтапный процесс медитативной духовной практики.

Во-первых, аскетическая духовная практика начинается с «обращения». В христианской системе «обращение» аскетической антропологии отличается от «обращения» традиционного циклического пути и самовозврата в Древней Греции тем, что требует, чтобы «практикующий изменил тип своего сознания в начале своего пути.

Это пробуждение сознания» [霍鲁日、张百春, 2010 в, с. 95]. В процессе трансформации «отношение полного отрицания направлено не только на окружающий порядок жизни, но и на самого себя, на свое прежнее состояние» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 96]. Главный герой романа, Якушкин, когда-то был обычным и примитивным строителем деревянных домов, которого потом приговорили к отбыванию срока в сибирской тайге за кражу строительных материалов, и во время тяжелой работы на открытом воздухе бревно ударило его по голове, и в этот момент он увидел вспышку истины, как будто... «белую полосу на темном небе или легкую вспышку молнии» [弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松, 2006, с. 48], после чего Якушкин впал в беспамятство. Он достиг просветления, и когда он снова пробудился, истина уже укоренилась в его сердце. После этого Якушкин стал как бы другим, новым человеком, он стал беспрерывно говорить, страстно проповедуя окружающим любовь и равенство, критикуя жадность и похоть, и в то же время снова и снова раскаиваясь в своих прошлых преступлениях – краже строительных материалов нечестным путем. Это означает, что Якушкин претерпел радикальный сдвиг в сознании от своего прежнего вульгарного и алчного эго к нынешнему святому и бескорыстному Я.

Его неустанные проповеди окружающим были критикой прежнего порядка его жизни, а его постоянное раскаяние в своем преступлении было разрывом с прежним образом жизни. Таким образом, Якушкин завершил свое «обращение» и вступил на практический путь ретритной духовной практики.

Во-вторых, основным содержанием духовной практики аскезы является «организация духовной деятельности, осмысление и рассмотрение опыта, полученного в духовной практике» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 92]. Под «организацией практики» понимается конкретное средство достижения цели изменения и очищения человека, с целостной системой методов и правил. Здесь, в Якушкине, организация этой практики заключается в том, чтобы лечить людей своей особой терапией и секретной формулой как знахарь, чтобы больного можно было вылечить не только физически, но и психологически, тем самым постепенно меняя и очищая всего человека. В случае Якушкина организация этой практики заключается в том, чтобы выступать в роли знахаря, который лечит людей своими особыми методами и секретными рецептами, так что пациент исцеляется не только физически, но и психологически, тем самым постепенно изменяя и очищая всю личность. Представление Якушкина об очищении отражено в двух аспектах: с

одной стороны, он всегда заставляет больных поститься и воздерживаться от пищи, чтобы здоровые и свежие клетки организма могли добиться самовосстановления и очищения; с другой стороны, он презирает современные химические препараты и настаивает на том, чтобы его собственные препараты содержали чистый кальций и лекарственные травы. Отсюда и авторская критика современной индустриальной цивилизации. Объяснение и изучение опыта, полученного на практике, относится к преобразованию опыта в содержание, которое может быть выражено словами, а затем к передаче его другим, что отражает социальные и коллективные факторы антропологии аскезы. Кроме того, учение Якушкина включает «элементы христианства, язычества и социалистической идеологии» [Васильева, Васильева, 2017, с. 249].

Необыкновенная способность Якушкина исцелять больных и его непрекращающиеся разговоры об истине и любви собрали вокруг него общину верующих из всех слоев общества. Эти верующие были больны не только телом, но и душой, и они олицетворяют психологически угнетенное состояние советского общества. Начиная с 1980-х годов в Советском Союзе произошло несколько смен руководства, появились признаки экономического упадка, социального беспорядка и моральной деградации, а в обществе возникло чувство

тревоги и разочарования. Учение Якушкина о любви и доброте было противопоставлено от бездуховности людей, поэтому Якушкин имел для них особую привлекательность, и они охотно слушали и практиковали учение Якушкина. Проповеди Якушкина своим последователям были формой духовного исцеления. Якушкин разговаривает со своими последователями, понимает их бедственное положение и дает им духовные советы, что представляет собой уникальный антропологический феномен. Бесконечный поток почитателей вокруг Якушкина – лучшее доказательство его интерпретации и проверки опыта, полученного в ходе практики. Ответственность Якушкина перед своими последователями, обществом и больными делала его роль несколько похожей на роль старца в пресвитерианской системе, что является ярко выраженным проявлением антропологического феномена аскетизма.

Наконец, конечной целью аскетической духовной практики является соединение с Богом и достижение «обожествления». Для достижения этой цели очень важно удерживать внимание и сдерживать желание в процессе практики. В романе Якушкин впоследствии теряет свой дар врачевания и в конце концов умирает в одиночестве, выкапывая корни растений, чтобы заварить чай для бессмертия. Это означает, что Якушкин не достиг духовной цели духовной практики

аскезы. Так что же его отвлекало? С одной стороны, Якушкина отвлекали слава и богатство Коляни. Коляня – любовник дочери Якушкина Лены, он работает в журнале, хорошо пишет медицинские статьи и жаждет прославиться, а Якушкин, сумасшедший отец Лены, вызывает его интерес. При дальнейших встречах Коляня также глубоко попадает в зону притяжения Якушкина, считая Якушкина гением и поражаясь его талантом исцелять больных.

Коляня решает манипулировать Якушкиным, используя его целительные способности, чтобы выслужиться перед могущественными покровителями. Столкнувшись с двумя больными, бесполезной старухой и главным инженером Сибири, Якушкин пошел на компромисс под уговорами жаждущего быстрого успеха Коляни и выбрал последнее. Это также подготовило почву для внезапной потери Якушкиным своего исцеляющего дара. С другой стороны, Якушкина отвлекает лицемерная любовь Тони. Потеряв дар врачевания, Якушкин стал спасать пьяных и несчастных. В процессе он встретил Тоню, тридцатилетнюю алкоголичку, и безудержно влюбился в нее, желая жениться на ней и спасти ее. Любовь Якушкина слепа, и он слепо потворствует алкоголизму Тони. Чтобы обеспечить Тоню, которая становится похожей на бездонную яму, он в старости возобновил ремесло по ремонту домов и даже обратился за деньга-

ми к своей дочери Лене. Последний бессердечный уход Тони ускоряет старение Якушкина, истощая его энергию.

Кроме того, подход Якушкина к лечению больных также соответствует практическому содержанию аскетической духовной практики. В качестве первого шага лечения пациента Якушкин обычно делает массаж ладоней пациента, передавая через них энергию пациенту и в процессе общаясь с ним о любви и доброте, открывая сердце пациента и освобождая его желание говорить, прежде чем пациент начнет рассказывать о своих «грехах» и исповедоваться. Затем пациент начинает признаваться в своем «преступлении». Исповедь есть нравственное осуждение себя, являющееся пробуждением сознания, что имеет большое значение для христианской этики и отвечает требованиям начала духовного пути, являющегося началом практики аскетической духовной практики в «Предтече». Роман начинается с описания лечения Якушкиным больного, в центре внимания автора – проповедь Якушкина больному и духовное перерождение больного. Проповедь Якушкина начинается с добрых и ободряющих слов, за которыми следуют резкие и грубые вопросы, пока пациент благоговейно не признает свою вину и не начинает каяться. К тому времени, когда пациент закончил исповедоваться, его силы иссякли, и он уснул в крайней слабости. Затем

пациент завершает трансформацию сознания и достигает «обращения».

Якушкин также часто использовал голодание в качестве лечения, считая, что здоровые, свежие клетки обладают способностью очищаться и не пропускать все лишнее, и что, когда клетки насытятся и перестанут расти, лишняя плохая ткань отпадет сама по себе и восстановит здоровье. Пациенты временно излечиваются благодаря лечению Якушкина, а затем Якушкин советует им покинуть большой город. Человеческое тело – это совокупность клеток, и покинуть большой город означает оставить позади все посторонние вещи такие как слава, богатство и социальный статус, что эквивалентно тому, как большая клетка человеческого тела обновляется и отделяется от испорченной ткани. С другой стороны, практика ретрита – это поэтапный процесс, требующий от людей постоянных изменений. Сопротивлением этому процессу является особое состояние сознания, которое характеризуется замкнутостью и цикличностью, то есть, выработав определенные привычки и тенденции, человек повторяет их снова и снова, и, попав в это состояние, из него трудно выбраться. Пациенты Якушкина попадали в такое состояние – одни были алкоголиками, другие жадными до славы и богатства, третьи духовно пустыми. Эти типичные состояния сознания называются желаниями, и чтобы их преодолеть, нужно сначала их рас-

познать, «т. е. увидеть возможности собственного сознания и сказать себе: в моем сознании возникает такое-то желание» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 94].

Методы лечения голодом и убеждениями, которые использует Якушкин, – это одновременно борьба с нарастающим сопротивлением, которая в восточно-христианской традиции называется «невидимой борьбой». Якушкин не заставляет своих пациентов уезжать из большого города, а только убеждает их, потому что пациент мог быть по-настоящему исцелен, только если он обладает способностью к самоанализу и осознает свои желания. Поэтому все выздоровевшие пациенты Якушкина покинули большой город, который здесь символизирует желание, и именно вдали от мирских желаний можно достичь истинного внутреннего исцеления. Это напоминает первых последователей аскетизма, которые бежали из города и устремлялись в пустыню, чтобы практиковать в одиночестве во время зарождения аскезы. Будь то Якушкин и последние пациенты, покинувшие город, или первые аскеты, отправившиеся в пустыню для уединенной практики, – все они были своего рода первопроходцами пробуждения сознания для своего времени.

**Антропологический подтекст
аскетизма в творчестве**

В. Маканина

Писательница Вирджиния Вульф считает, что «неоспоримым фактом является то, что жизненный опыт оказывает большое влияние на художественную литературу» [伍尔夫、翟世镜, 1986, с.53]. На протяжении всего жизненного опыта и творческого пути Маканина в его произведениях присутствуют намеки на духовную практику аскетизма. «После университета Владимир Маканин отработал около пяти лет по своей инженерной специальности в Военно-артиллерийской академии» [Амусин, 2010, с. 15]. В 1962 году разразился Карибский кризис, возникла угроза ядерной войны. Это было самое напряженное противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами во время холодной войны и самый опасный момент для существования человечества. В. Маканин, работавший в Академии военных наук имени Дзержинского, хорошо понимал всю серьезность этого кубинского кризиса, в то время как неосведомленные массы продолжали оцепенело жить под мраком надвигающегося военной катастрофы. Этот контраст вызвал у Маканина желание «кричать и пытаться спасти мир» [郑滨, 1994, с.75; 侯玮红, 2007, с. 30]. Поэтому он решил взять в руки перо и написать свой первый роман «Прямая линия», ко-

торый «был тепло встречен критикой» [Лейдерман, 2013, с. 626].

Это также указывает на его неординарный литературный путь. Публикация «Прямой линии» стала важным поворотным моментом в жизни Маканина, ознаменовав смещение его внимания с естественных наук на духовный мир и призыв к пробуждению духовного мира человека. Это не только пробуждение сознания Маканина, но и начало его литературной карьеры, и даже начало его практики квиетизма. В 1970-х годах творческая карьера Маканина не была гладкой, и его произведения часто подвергались критике, так что их нельзя было публиковать в журналах, но несмотря на это, Маканин упорно придерживался собственной литературной эстетики и убеждениям. Такая настойчивость Маканина подобна сосредоточенности и сдержанности перед лицом растущего сопротивления в практике медитативного гуманизма. В 1972 году В. Маканин, к сожалению, попал в автомобильную аварию и из-за перелома позвоночника ему пришлось перенести множество операций и мучительно долго восстанавливаться, чтобы встать на ноги. Он говорил: «Это заставило меня начать смотреть на жизнь с религиозной точки зрения, а значит, познать истинный смысл жизни и самоценность человеческого существования» [侯玮红, 2007, с. 29]. Отсюда – постоянный лейтмотив

квиегизма и ретритизма в его художественной антропологии.

Вопрос о добре и зле всегда был лейтмотивом творчества Маканина в разные периоды. «Маканин не обвиняет и не защищает своего героя, он видит «адскую смесь» [Аннинский, 1986, с. 222]. Итак, в произведениях Маканина нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, добро и зло существуют одновременно, и это есть истинное проявление человеческой природы. Исследование Маканиным добра и зла в человеческой природе свидетельствует о зарождении ретритной духовной практики. Только при глубоком размышлении и самопознании, рефлексии над добром и злом человеческой природы можно достигнуть пробуждения сознания, обрести и прозреть собственное направление и цели и быть способным вступить на путь ретритной духовной практики медитации, аскетизма и на путь постепенного самосовершенствования. Произведения Маканина также исследуют пути выхода из человеческого общества: «Каждая его работа – это его эксперимент над человеческой природой в разные периоды» [侯玮红, 2001, с.66], и эволюция писателя «примечательна для многих существенных тенденций всего литературного процесса.» [Бочаров, 1986, с. 209].

Поэтому целью духовной практики Маканина и его героев является не обожествление личности в

традиционном понимании, а некое великое благо, надежда на спасение нации и народа с помощью магической силы, подобной богу, это проявление «мессианского» сознания русской интеллигенции. Ранние и зрелые произведения Маканина, такие как «Повесть о Старом Поселке», «Отдушина», «Один и Одна», более устремлены к проблеме выбора и духовного пробуждения, что как раз соответствует «обращению» к духовной практике медитации. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Маканин представляет два варианта действий при встрече с сопротивлением на пути ретритной духовной практики медитации: либо похоронить свои идеалы в сердце и молча идти вперед, как Петрович, либо держать их высоко и упорно бороться, как Вик Викыч. Поиски Маканина в мире искусства – это и его эксперимент в духовном мире, поэтому это можно рассматривать и как интерпретацию Маканиным своего практического опыта, накопленного им в духовном мире, и обмен им с читателем, что как раз и является одним из элементов практики ретрита. Более поздние произведения Маканина, такие как «Долог наш путь», «Лаз» и «Где сходилась небо с холмами», в большей степени посвящены видению дальнейшего пути развития человеческого общества, и могут быть также описаны как ретритная духовная практика Маканина по поиску бу-

душего и надежды для человечества в мире сознания.

Заключение

Мотивы, связанные с ретритной духовной практикой, можно увидеть не только в творчестве Маканина, но и в творчестве других русских писателей. После прихода в Россию из Византии в X-XIII веках, ретритизм пережил расцвет в московский период с XIV по XVII века, упадок с XVII по XIX века и, наконец, возрождение в XIX-XX веках. В то же время два блестящих периода в истории русской литературы – «Золотой век» и «Серебряный век» также приходятся на XIX и XX века. Русский ученый Каган однажды сказал, что «искусство подобно зеркалу, и культура видит в нем себя» [卡冈、凌继尧, 1985, с. 276], что отчасти напоминает фигуру ретритной антропологии. Таким образом, духовную практику ретритизма можно обнаружить в русской литературе XIX и XX веков. Например, Гоголь в «Мертвых душах» «призывает и ведет людей к добру и приближается к Богу» [刁

科梅, 2016, с.123]; Достоевский в «Братьях Карамазовых» представляет затворническую жизнь как «важнейший духовный и культурный фактор в жизни русского общества того времени» [张变革, 2014, с.264]; Лев Толстой в книге «Царство божие внутри вас...» «представил метод ретритной практики “изменить нашу жизнь или изменить наше сознание”» [列夫·托尔斯泰, 2011, с.119]; В Шаров в романе «Будьте как дети» «открыл роль русской православной ретритной мысли для человека» [刁科梅, 2020, с. 62]. Таким образом, можно констатировать, что ретритистская антропология глубоко вошла в русскую национальную культуру, стала знаменательным явлением в русской литературе, побуждающим людей к активной практике постепенного преобразования всей личности, достижения самосовершенствования и обретения истинного внутреннего покоя и умиротворения.

Библиографический список

1. Амусин М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. Москва : Эксмо, 2010. 445 с.
2. Аннинский Л. Структура лабиринта // Знамя. 1986. No2. С. 218-226.
3. Бочаров А. Чем жива литература: Современность и литературный процесс. Москва : Советский писатель, 1986. 400 с.
4. Васильева М. Н., Васильева О. Н. Образ “врачеватель” 2 половины XX века (феномен интертекстуальности в повести В. С. Маканина “Предтеча”) / М. Н. Васильева, О. Н. Васильева // Инновационные технологии в науке и образовании. 2017. С. 247-251.

5. Владимирова К. Е. «Светлое небо» и «чернота земли»: тема бездуховности в романе В. Маканина «Предтеча» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №7(25). С. 112-115.
6. Лейдерман Н. Л. Русская литература XX века (1950-1990-е годы) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. Москва : Академия, 2013. 688 с.
7. 霍鲁日、张百春:拜占庭与俄国的静修主义·载《世界哲学》2010 a 年第 2 期,第 83 页-91 页。
8. 霍鲁日、张百春:静修主义人学·载《世界哲学》2010в 年第 2 期, 第 92 页-100 页。
9. 霍鲁日、张百春:俄国哲学的产生·载《俄罗斯文艺》·2010 с 年第 1 期,第 57 页-65 页。
10. 刁科梅、韩晓丽:小说《像孩子一样》中的人物形象解读·载《俄罗斯文艺》2020 年第 2 期, 第 61 页-71 页。
11. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制的实质研究·载《哈尔滨工业大学学报(社会科学版)》2013 年第 2 期, 第 74 页-78 页。
12. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制对果戈里创作思想的影响研究·载《齐齐哈尔大学(哲学社会科学版)》2016 年第 12 期, 第 115 页-118 页。
13. 弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松:先驱者·海南:南海出版公司, 2006 年, 第 48 页。
14. 伍尔夫,翟世镜:论小说与小说家·上海:上海译文出版社·1986 年, 第 53 页。
15. 侯玮红:“第一印象是最深刻的”——马卡宁在北京·载《外国文学动态》·2007 年第 2 期, 第 29 页-31 页。
16. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格·载《外国文学评论》·2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页。
17. 卡冈、凌继尧:美学和系统放大·北京:中国文联出版公司·1985 年, 第 276 页。
18. 列夫·托尔斯泰、孙晓春:天国在你心中, 长春:吉林出版社, 2011 年, 第 119 页。
19. 郑滨:当前的题材很少使我心动——记者阿穆尔斯基访马卡宁·载《苏联文学联刊》·1994 年第 4 期, 第 75 页-76 页·第 85 页。

20. 张变革:当代国际学者论陀思妥耶夫斯基·北京:北京大学出版社, 2014年, 第264页。

Reference list

1. Amusin M. F. Alhimija povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina = The alchemy of everyday life: an essay on Vladimir Makanin's work. Moskva : Jeksmo, 2010. 445 s.
2. Anninskij L. Struktura labirinta = The labyrinth structure // Znamja. 1986. No2. S. 218-226.
3. Bocharov A. Chem zhiva literatura: Sovremennost' i literaturnyj process. = How literature lives: Modernity and the literary process. Moskva : Sovetskij pisatel', 1986. 400 s.
4. Vasil'eva M. N., Vasil'eva O. N. Obraz "vrachevatel" 2 poloviny XX veka (fenomen intertekstual'nosti v povesti V. S. Makanina "Predtecha") = The image of the "healer" of the 2nd half of the 20th century (the intertextuality phenomenon in V. S. Makanin's story "The Forerunner") // Innovacionnye tehnologii v nauke i obrazovanii. 2017. S.247-251.
5. Vladimirova K. E. "Svetloe nebo" i "chernota zemli": tema bezduhovnosti v romane V. Makanina "Predtecha" = "The bright sky" and "blackness of the earth": the theme of the spiritless in V. Makanin's novel "The Forerunner" / M. N. Vasil'eva, O. N. Vasil'eva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki., 2013. No7(25) . S. 112-115.
6. Lejderman N. L. Russkaja literatura XX veka (1950-1990-e gody) = Russian literature of XX century (1950-1990s) / N. L. Lejderman, M. N. Lipoveckij. Moskva : Akademija, 2013. 688 s.
7. 霍鲁日、张百春:拜占庭与俄国的静修主义, 载《世界哲学》2010 a 年第 2 期,第 83 页-91 页。
8. 霍鲁日、张百春:静修主义人学, 载《世界哲学》2010v 年第 2 期, 第 92 页-100 页。
9. 霍鲁日、张百春:俄国哲学的产生, 载《俄罗斯文艺》, 2010 s 年第 1 期, 第 57 页-65 页。
10. 刁科梅、韩晓丽:小说《像孩子一样》中的人物形象解读, 载《俄罗斯文艺》2020 年第 2 期, 第 61 页-71 页。
11. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制的实质研究, 载《哈尔滨工业大学学报(社会科学版)》2013 年第 2 期, 第 74 页-78 页。
12. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制对果戈里创作思想的影响研究, 载《齐齐哈尔大学(哲学社会科学版)》2016 年第 12 期, 第 115 页-118 页。
13. 弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松:先驱者, 海南:南海出版公司, 2006 年, 第 48 页。
14. 伍尔夫,翟世镜:论小说与小说家, 上海:上海译文出版社, 1986 年, 第 53 页。
15. 侯玮红:“第一印象是最深刻的”——马卡宁在北京, 载《外国文学动态》, 2007 年第 2 期, 第 29 页-31 页。

16. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格, 载《外国文学评论》, 2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页。
17. 卡冈、凌继尧:美学和系统放大, 北京:中国文联出版公司, 1985 年, 第 276 页。
18. 列夫·托尔斯泰、孙晓春:天国在你心中, 长春:吉林出版社, 2011 年, 第 119 页。
19. 郑滨: 当前的题材很少使我心动——记者阿穆尔斯基访马卡宁, 载《苏联文学联刊》, 1994 年第 4 期, 第 75 页-76 页, 第 85 页。
20. 张变革:当代国际学者论陀思妥耶夫斯基, 北京:北京大学出版社, 2014 年, 第 264 页。

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 05.10.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья
УДК 821.161.1-32
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-126-140
EDN KOGWKG

**Национальная и историческая память:
мемориальные захоронения советских воинов в Китае**

Ли Сяотао^{1✉}, Пань Юэ²

¹Доктор филологических наук, профессор факультета русского языка
Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин,

²Аспирантка Юго-Западного университета КНР

¹xt928lxt@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

²py79py@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-4896-4493>

Аннотация. Статья посвящена мемориальным захоронениям советских воинов в Китае как проявлению культурной, национальной и исторической памяти. История китайско-российских отношений – это, в том числе история помощи СССР в Антияпонской войне. Советский Союз помог Китаю в борьбе с японской Квантунской армией – великое достижение, которое впечатано в память китайского народа и в историю китайско-советской и мировой антифашистской войны. Память о подвиге советских солдат и летчиков-добровольцах тщательно сохраняется в Китае. С этой целью в 68 городах девяти провинций и регионов Китая был построен ряд памятников в честь победы Советской Красной Армии в войне против Японии и более сотни мавзолеев и могил мучеников. Эти памятники, башни, мавзолеи и кладбища являются уникальными монументальными сооружениями и важным историческим и культурным наследием на китайской земле, эти памятники все еще хорошо сохранились и продолжают находиться под эффективной защитой и тщательным управлением китайского правительства и народа. В статье освещаются некоторые исторические аспекты и современное состояние мемориальных памятников и захоронений советских воинов и летчиков-добровольцев, погибших в Антияпонской войне. Авторы обращают особое внимание на значение этих исторических и культурных объектов для молодых китайцев и патриотического воспитания в стране, отмечая, что они принадлежат общей памяти двух стран и являются свидетельством дружбы между Китаем и Россией, содействуя непрерывному развитию китайско-российских отношений.

Ключевые слова: культурная память; историческая память; воинские захоронения советских солдат в КНР; антияпонская война; советские летчики-добровольцы; СССР; Китай

Для цитирования: Ли Сяотао, Пань Юэ Национальная и историческая память: мемориальные захоронения советских воинов в Китае // Мир русскогово-

рящих стран. 2022. № 4 (14). С. 126-140. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-126-140>. <https://elibrary.ru/kogwkg>.

Original article

National and historical memory: memorial burials of soviet soldiers in China

Li Xiaotao¹, Pan Yue^{2✉}

Doctor of philology, professor at the Russian language faculty, Institute of foreign languages, Southwest University. PRC, Chongqing.

Postgraduate student, Southwest University. PRC

¹xt928lxt@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

²py79py@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-4896-4493>

Abstract. The article focuses on memorial burials of Soviet soldiers in China as a manifestation of cultural, national, and historical memory. The history of Chinese-Russian relations is also the history of Soviet assistance in the Anti-Japanese War. The Soviet Union helped China fight the Japanese Kwantung Army, a great achievement that is engraved in the memory of the Chinese people and in the history of the Chinese-Soviet and world anti-fascist war. The memory of the feat of Soviet soldiers and volunteer pilots is cherished in China. To this end, 68 cities in nine provinces and regions of China now have a number of monuments in honor of the Soviet Red Army's victory in the war against Japan and more than a hundred mausoleums and tombs of martyrs. These monuments, towers, mausoleums and cemeteries are unique monumental structures and important historical and cultural heritage in China; these monuments are still well preserved and continue to be effectively protected and carefully managed by the Chinese government and people. The article highlights certain historical aspects and the current state of memorial monuments and burials of Soviet soldiers and volunteer pilots who perished in the Anti-Japanese War. The authors emphasize the importance of these historical and cultural sites for the young Chinese and patriotic education in the country, noting that they belong to the shared memory of the two countries and are evidence of friendship between China and Russia, contributing to the constant development of Chinese-Russian relations.

Keywords: cultural memory; historical memory; military burials of Soviet soldiers in the PRC; anti-Japanese war; Soviet volunteer pilots; USSR; China

For citation: Li Xiaotao, Pan Yue National and historical memory: memorial burials of Soviet soldiers in China. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):126-140. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-126-140>. <https://elibrary.ru/kogwkg>.

Введение (исторический обзор)

В декабре 1936 года Чан Кайши, председатель Китайского нацио-

нального правительства, обратился к советскому руководству с дипломатическим запросом о помощи

китайской армии военным снаряжением. Следует учитывать, что в этот период в СССР активно развивался процесс кардинальной перестройки и модернизации экономики. Кроме того, в 1936 – 1939 годах советское правительство оказывало широкую военную и экономическую помощь республиканской Испании. Не менее важным было и укрепление оборонного потенциала Советского Союза на Дальнем Востоке. Однако, несмотря на вышесказанное, советские власти изыскивали средства для оказания поддержки Китаю, столкнувшемуся с непосредственной угрозой утраты суверенитета. В августе 1937 г. страны подписали договор о взаимном ненападении.

14 сентября 1937 г. была достигнута договоренность о военных поставках Нанкину в счет долгосрочного советского кредита. «Первоначально предусматривалась значительная сумма кредита – 500 млн долл. с выделением его частями в течение нескольких лет» [Боготурова, 2000, с. 341].

Впоследствии Советский Союз направил в Китай 300 военных советников, 1 285 самолетов, 1 600 артиллерийских орудий и 2 млн снарядов, 82 танка, 1 850 грузовиков и автоцистерн, 14 000 пулеметов, 110 000 винтовок и 150 млн патронов в период с 1937 по 1941 год. «В обороне Китая приняли участие 3 665 советских добровольцев, в том числе 2 640 летчиков

и техников» [Тянь Чжихэ, 2010, с. 22].

Первый бой между советскими и японскими летчиками и произошел над Нанкином 21 ноября 1937 года. В бою с 20 японскими самолетами семь советских истребителей сбили три самолета противника без потерь. К началу 1940 года бои с участием советских летчиков стоили Японии более 900 самолетов в воздухе и на земле. «Советские инструкторы проводили военную подготовку в китайской армии, а 90 000 китайских летчиков прошли обучение во время китайско-японской войны» [Тянь Чжихэ, 2010, с. 10].

В мае 1945 года немецкий фашизм потерпел поражение в Европе и центр войны переместился на азиатское поле битвы. В июне американские войска заняли острова Иводзима и Окинава и захватили японские военно-морские и военно-воздушные базы с целью нападения на материковую часть Японии. В континентальном Китае националистические и коммунистические армии начали частичное контрнаступление. Поражение Японии стало очевидным, когда США применили две атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки, 6 и 9 августа соответственно.

8 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии, а рано утром 9-го числа более 1,5 млн человек из 121 советской дивизии, прикрываемые 3 000 самолетов, ворвались в северо-восточный Китай вдоль китайско-советской и ки-

тайско-монгольской границ и начали молниеносную атаку на Японию. 15 августа Япония объявила о своей капитуляции, а 19-го числа главнокомандующий японской Квантунской армией подписал документ о капитуляции в Чанчуне. Японская Квантунская армия, известная как «цветок японской армии», увяла в северо-восточном Китае, и 26-го числа стойкие элементы японской Квантунской армии были уничтожены на позициях Хутоу и Дуннин, завершив кампанию Советской Красной Армии против японцев на китайской земле полной победой.

В память о поддержке Китая Советским Союзом китайский народ установил мемориальные доски и оборудовал мемориальные захоронения как символ культурной и исторической памяти для советских солдат, погибших на китайской земле. На данный момент в КНР всего насчитывается 58 таких мест. Согласно статистике, «более 18 000 советских солдат погибли в войне Китая против Японии в августе 1945 года» [Чжан Чжун, 2012, с. 78]. Это не считая тех, кто погиб в первые дни войны, поскольку Советский Союз официально не объявил войну Японии, и он мог лишь посылать пилотов под псевдонимами на поддержку Китая в виде добровольческих подразделений. В Китае с 1937 по 1945 годы погибло более 200 пилотов советских ВВС.

С 1937 по 1941 г. на территории Китая воевали 3 665 советских доб-

ровольцев. Большая группа советских летчиков-добровольцев Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. 14 советским летчикам, защищавшим небо Китая (Ф. П. Польшину, В. В. Звереву, А. С. Благовещенскому, О. Н. Боровикову, А. А. Губенко, С. С. Гайдаренко, Т. Т. Хрюкину, Г. П. Кравченко, С. В. Слюсареву, С. П. Супруну, М. Н. Марченкову, Е. М. Николаенко, И. П. Селиванову, И. С. Сухову), было присвоено звание Героя Советского Союза [Гречко, 1974].

Советские мемориальные захоронения в Китае

На территории Китая есть несколько типов мемориальных сооружений, посвященных советской Красной Армии: памятники и башни, мавзолеи и кладбища. В основном они сосредоточены в девяти провинциях и районах: провинции Цзянсу, провинции Хубэй, провинции Хэбэй, провинции Хэйлуунцзян, провинции Цзилинь, провинции Ляонин, автономном районе Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанском автономном районе и муниципалитете Чунцин.

Наиболее плотно они расположены в провинции Хэйлуунцзян – 38 городов и уездов с памятниками и могилами воинов Советской Красной Армии, что составляет 54 % от общего числа городов с памятниками и могилами Советской

Красной Армии по всей стране. В Даляне, Лушунью и Цзиньчжоу, по городам, самая высокая плотность памятников и могил Советской Красной Армии, причем только в Лушунью находится пять башен-памятников и одно из крупнейших кладбищ мучеников, занимающая первое место среди трех восточных провинций и страны в целом.

Правительство и местные власти Китая содержат памятники и захоронения советских воинов в хорошем состоянии. К сожалению, многие из погибших летчиков-добровольцев до сих пор не увековечены, так как неизвестны их места захоронения. Причинами этого явились как гибель на территории занятой японскими войсками, так и перенос мест захоронения, отсутствие данных по их учету. Так, например, в экологическом парке «Дуншань» г. Урумчи имеется захоронение 79 неизвестных «солдат Советской Красной армии, погибших за свободу китайского народа в 30-е годы XX века» [Назаренко, 2021, с. 7].

Помимо китайского правительства, советское командование в конце войны построило 38 собственных памятников и башен в 35 городах Хэйлунцзянского, Цзилинского, Ляонинского, Хэбэйского и Автономного района Внутренняя Монголия.

Наиболее представительными из них являются:

(1) Кладбище мучеников Советской Красной Армии (г. Лушунью)

Первоначально кладбище было построено после окончания русско-японской войны, когда Япония и Россия договорились, что Япония будет нести ответственность за захоронение погибших в боях солдат царской армии. В 1945 году, когда в Лушунью была расквартирована советская армия, советские войска с 6 сентября хоронили на этом кладбище некоторых солдат с байкальской стороны и членов их семей. Отсюда и название – Кладбище мучеников Красной Армии. Кладбище до сих пор сохранилось в своем первоначальном виде.

В 1999 году Китай инвестировал один миллион юаней в реставрацию мавзолея, а в 2005 году были проложены асфальтовые и пешеходные кирпичные дорожки, отремонтировано более 100 метров садовой стены, а цепные ограждения вокруг мавзолея были защищены от ржавчины. 28 апреля 2007 года между Россией и Китаем было подписано межправительственное соглашение о восстановлении советского кладбища Красной Армии. Согласно соглашению, китайская сторона взяла на себя расходы по содержанию, благоустройству, управлению и сопутствующие расходы мавзолея. Сегодня площадь кладбища составляет 74 000 кв м и 50 000 кв м зеленых насаждений, что делает его самым большим и

полным кладбищем мучеников Советской Красной Армии на китайской земле [Тянь Чжихэ, 2010].

На кладбище также находится мемориальная башня в честь мучеников Советской Красной Армии. Эта башня была построена для мучеников, похороненных на кладбище, и представляет собой цельную садовую башню. Строительство башни началось 23 марта 1955 года, было завершено и торжественно открыто 24 мая того же года. Мемориальная башня состоит из трех частей: основания, башни и вершины. Первый ярус имеет прямоугольное основание с резным каменным основанием в виде белой снежинки с бронзовым венком с отлитыми внутри словами «1945». Позади венка два больших бронзовых венка расположены плащмя на основании из черного камня. По обе стороны башни расположены бронзовые статуи коленопреклоненных советских солдат в армейской и флотской форме. Они снимают шапки и с тяжелым взглядом склоняют головы – высшая дань уважения покоящимся здесь мученикам. На лицевой стороне памятника имеется надпись на русском и китайском языках: «Вечная слава мученикам, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье советского и китайского народов!». Основание башни также украшено рельефными рисунками военных флагов, военных кораблей, самолетов и орудий.

(2) Башня памяти мучеников Советской Красной Армии (г. Харбин)

Эта башня стоит перед площадью Северного театра напротив Харбинского отделения Международного туристического агентства в районе Наньган, Харбин, провинция Хэйлунцзян. Мемориальная башня состоит из трех частей: основания, корпуса и вершины башни. Башня разделена на два уровня, на нижнем высечены девять пятиконечных звезд, а на верхнем – герб Советского Союза, оба из белого мрамора. Под гербом расположен рельефный рисунок, изображающий танковую атаку на юге и атаку пехоты и авиации на юго-западе. Под фасадом вмонтирован бронзовый медальон с надписью на китайском языке: «Советское командование соорудило этот памятник в память о войнах Красной Армии, погибших в войне против Японии, и открыло его в 28-ю годовщину Великой Социалистической Октябрьской революции в СССР». С другой стороны, у основания башни есть надпись на русском языке, а ниже надписи – посвящение от Ассоциации китайско-советской дружбы провинции Хэйлунцзян: «Бессмертие героям Советской Армии, погибшим в боях за освобождение северо-востока за свободу и независимость Китая!». На передней части памятника расположены сдвоенные скульптуры солдат советской армии и флота, держащих в одной руке автомат, а в другой –

советский герб, символизирующий победу в войне сопротивления.

*(3) Памятник героическим
мученикам советского флота
(г. Фуюань)*

Ранним утром 9 августа 1945 года средняя армейская группа Второго советского Дальневосточного фронта выступила с советской территории и при поддержке флота в районе реки Амур переправилась через реку Сонхуа по обе стороны ее устья в Китай. Воспользовавшись утренним туманом, канонерские лодки переправились через главную реку с северной стороны острова Фуюань и устремились к уездному городу. 7.30 утра советские войска захватили уезд Фуюань и выиграли сражение, но при этом потеряли в бою 27 человек [Тянь Чжихэ, 2010].

В сентябре 1945 года был спроектирован и построен Памятник героическим мученикам советского флота в память о 27 советских красноармейцах, погибших в Фуюане на Хэйлунцзянском флоте советской Дальневосточной армии. Памятник высотой 30 метров выполнен из гранитной скалы. Надпись на лицевой стороне гласит: «Памятник героическим мученикам советского флота». На обратной стороне памятника имеется надпись Оуян Циня, в то время первого секретаря партийного комитета провинции Хэйлунцзян: «Дружба между народами Советского Союза и Китая, цементиру-

ванная кровью, сохранится на все времена».

*(4) Памятник павшим советским
генералам Красной Армии
(г. Шэньян)*

24 августа 1945 года, когда танковое подразделение 6-й армейской группы Забайкальского фронта прибыло на железнодорожный вокзал Шэньяна, оно было внезапно атаковано японскими войсками, скрывавшимися внутри вокзала. Японские войска были спрятаны в тени, опирались на благоприятную местность и часто открывали огонь. 6 ноября 1945 года на площади перед железнодорожным вокзалом Шэньяна был воздвигнут памятник в память о 20 погибших солдатах-танкистах. Из-за модели танка на вершине памятника в народе его назвали «Памятником танку».

Памятник высотой 30,14 метра инкрустирован бронзовой табличкой с надписью на русском языке «Слава Великой Красной Армии Советского Союза». В центре расположен советский герб, в верхней части – эмблема партии и пятиконечная звезда. На вершине памятника находится бронзовая модель танка, дуло которого направлено на восток, что означает обстрел вторгшейся японской армии. Ниже находятся два рельефа с изображением танков в бою, с именами мучеников и надписью на русском языке: «Слава героям-танкистам, погибшим в борьбе против империализма, погибшим за сохранение чести и победы Советского Сою-

за!». «Солдатам, погибшим в войне против Японии, – вечность!». В декабре 2006 года памятник был перенесен на Кладбище мучеников Советской Красной Армии в Шэньяне.

*(5) Мемориал мученикам-добровольцам советских ВВС
(г. Ухань)*

В 1938 году советские, американские и китайские летчики, погибшие во время трех воздушных боев при обороне Уханя, были похоронены на Всеобщем кладбище. После образования Нового Китая в 1956 году 15 пилотов были признаны советскими гражданами и переведены в Парк Освобождения в Ухане. Надгробие советских мучеников имеет высоту восемь метров, на лицевой стороне надгробия выбиты слова «Могила добровольцев советских ВВС». В надпись вписаны государственные гербы Китая и Советского Союза. Надпись на обратной стороне памятника гласит на китайском и русском языках: «Мученики-добровольцы советских ВВС, погибшие за китайский народ в войне сопротивления, никогда не будут забыты». Рядом с памятником находится прямоугольная могильная платформа, на которой начертаны имена мучеников и их восхваления.

Охрана и управление памятниками и захоронениями Советской Красной Армии в Китае

Китайское правительство придает большое значение добрососедским отношениям со странами все-

го мира, уважению истории и любви к тем, кто внес вклад в дело мира во всем мире, что является прекрасной традицией китайского народа в отношении истории и культуры. Мы также в полной мере используем это историко-культурное наследие и духовное богатство, чтобы повысить его социальную ценность и сыграть положительную роль в культуре.

Мемориальные сооружения в память о Советской Красной Армии стоят на китайской земле уже более 60 лет, и большинство из них до сих пор сохранились в своем первоначальном виде. Китайское правительство и местные органы власти при поддержке народа будут продолжать защищать эти памятники и вкладывать значительные средства в их надлежащее содержание.

Это важная часть сохранения исторической памяти об Антияпонской войне и формирования патриотических чувств молодых китайцев. Защита и управление советскими мемориальными сооружениями отражены в следующих областях.

1. Защита законом, управление и сохранение памятников.

Мемориальные пагоды и мавзолеи Советской Красной Армии являются монументальными сооружениями с особым подтекстом, сформировавшимися на особом этапе истории, и являются частью мемориальных сооружений китайских революционных мучеников, которые также являются объектами

охраны, предусмотренными Законом об охране культурных реликвий, и управление ими осуществляется в соответствии с положениями Закона об охране. Соответствующие ведомства в каждой провинции охраняют мемориальные здания Советской Красной Армии в соответствии с законом, разделяя их на «подразделения охраны», как и мемориальные здания китайских революционных мучеников, соблюдая и применяя те же методы охраны, что и китайские мемориальные здания. Например, Мемориальный памятник павшим мученикам Советской Красной Армии в Шэньяне в 1963 году, Башня Победы Советской Красной Армии в Лушуньюу в 1988 году, Мавзолей мучеников Советской Красной Армии в Лушуньюу в 1988 году, Мемориальная башня мучеников Советской Красной Армии в Чанчуне в 1963 году и Могила советских мучеников в Чунцине в 2009 году были включены в список ключевых объектов охраны культурного наследия на уровне провинции. Памятник мученикам Советской Красной Армии в Харбине, провинция Хэйлуцзян, в ноябре 2010 года был внесен в список четвертой партии исторических зданий I класса в Харбине.

Российская Федерация также принимает активное участие в сохранении и увековечивании памяти павших воинов. Управлением Министерства обороны Российской Федерации по увековечиванию памяти погибших при защите Отече-

ства и представителями китайской стороны проводится работа по выявлению неизвестных мест захоронений. «В 2015 г. были дополнительно установлены места захоронения 14 летчиков-добровольцев в Ухане и 22 военнослужащих, погибших в провинции Ганьсу в 1938–1939 гг.» [Назаренко, 2021, с. 13].

С 1997 года делегация российских ветеранов с Дальнего Востока ежегодно посещает советские мемориальные места на северо-востоке Китая. Генерал-майор в отставке Юрий Мельников, советник командующего войсками Восточного военного округа РФ по работе с ветеранами, уже много лет занимается инвентаризацией и организацией захоронений российских и советских солдат в Китае. Китайское правительство регулярно пересматривает эту книгу, чтобы записать памятники и могилы тех мучеников, которые погибли за освобождение Китая. «Сердце радуется, когда видишь, как упокоены души моих соотечественников, как бережно и уважительно относятся китайцы к советским памятникам», – сказал председатель общественной организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Хабаровского края Виктор Дериземля. «Десять лет подряд я участвовал в ветеранских турах в Китай, чтобы отдать дань памяти павшим героям. Мой первый визит был в Муданьцзян в 2005 году, где памятник

расположен в центре города и очень величественно построен!». Лидия Тимохина, активный участник волонтерского движения «Семьдесят лет Победы», поделилась своими чувствами: «За каждой могилой ухаживают. У нас на глаза навернулись слезы, когда мы увидели, как китайцы уважают и заботятся о могилах иностранных граждан, и как они чтят достижения наших солдат».

Помимо посещения российским персоналом советских мемориальных мест в Китае, китайское правительство и народ на протяжении многих лет придают большое значение ремонту и охране памятников и могил Советской Красной Армии, организуя ежегодные мероприятия с участием как России, так и Китая, чтобы почтить память башен мучеников Советской Красной Армии. Во время эпидемии в 2020 году российская сторона не смогла выехать в Китай. Представители кадрового состава и сотрудники Канцелярии иностранных дел Народного правительства муниципалитета Хэйхэ по поручению российского городских властей Благовещенска и Ассоциации ветеранов было поручено отдать дань уважения советским воинам в Хэйхэ. Это стало подтверждением глубокой дружбы, скрепленной кровью и жизнью двух народов в годы войны.

2. Патриотическое воспитание.

Важной частью сохранения памятников советским воинам является их использования для форми-

рования патриотических чувств китайских школьников и студентов, сохранения исторической памяти о дружбе и взаимной борьбе китайского и советского народов против фашистской Германии в период Второй мировой войны. Охрана и бережное управление в соответствии с законом позволяет обеспечить ценное материальное культурное наследие китайского народа, которое долгое время остается нетронутым и помогает полностью использовать духовное богатство, содержащееся в этом культурном наследии, используя его социальную ценность и реализуя многогранные воспитательные функции и роли.

Так, например, каждый год возле мемориальных захоронений в г. Чунцин проводятся памятные мероприятия с участием местных школьников и студентов. В дополнение к соответствующим памятным мероприятиям с участием учащихся начальной и средней школы, памятные мероприятия в честь советских войск будут организованы и для государственных служащих. В апреле этого года партийное отделение Центра комплексной защиты Бюро городского управления и правопорядка района Хайлар, в рамках темы памяти советских мучеников и продвижения духа сопротивления, организовало патриотическое воспитательное мероприятие для всех членов партии и партийных активистов, чтобы посетить кладбище мучеников Со-

ветской Красной Армии в районе Хайлар и отдать дань уважения памятнику мученикам Советской Красной Армии.

Военно-техническая помощь Советского Союза, героический и самоотверженный труд советских военных специалистов, их готовность до конца исполнить свой воинский долг смогли создать предпосылки для остановки наступления японской армии, захвата инициативы и создания условий для будущей победы в этой нелегкой для китайского народа войне. Сегодня это наиболее важная часть сохранения исторической памяти о совместной борьбе китайского и советского народов в период Антияпонской войны.

Надо отметить, что сохранение памяти советских воинов-добровольцев в Китае это и часть национальной памяти, и часть исторической памяти, и благодарность простых китайцев советских солдатам, отдавшим свою жизнь за свободу Китая. История памятника в парке Сишань в районе Ваньчжоу г. Чунцин как раз является ярким свидетельством этого. Г. А. Кулишенко первоначально был похоронен местными жителями на берегу реки Янцзы на кладбище больницы, где он умер от ран. В 1958 году его останки были перезахоронены в парке Сишань. На протяжении 60 лет за могилой отважного советского летчика ухаживали местные жители.

Кроме того, китайское правительство много раз приглашало членов семей советского добровольческого отряда приехать с визитом в Китай и посетить памятники и могилы советских героев в разных местах страны.

Памятники в честь победы в антияпонской войне в Китае, кладбища мучеников Антияпонской войны и антияпонские мемориальные сооружения разбросаны по всему Китаю. Большинство этих памятников и объектов были классифицированы как ключевые объекты охраны культурного наследия и базы патриотического воспитания. Материалы, предоставленные этими базами, стали важными «учебниками» по патриотизму и духу любви к родине. Монумены в честь Советской Красной Армии, которые стоят на китайской земле, были построены в память о победе в войне против Японии и погибших мучениках и имеют большое духовное и социальное значение для китайского народа.

Также в КНР был создан Мемориальный зал Советской Красной Армии или Выставочный зал культурных реликвий Советской Красной Армии в Лушуне. За последние годы в Китае было собрано более 50 реликвий Советской Красной Армии, включая советскую форму и оружие, более 400 фотографий советских войск в районе Луда, а также более 150 текстов и фотографий русских людей, выражающих почтение и разыскивающих своих

родственников. В Хулине и Дуннине провинции Хэйлунцзян создан выставочный зал Советской Красной Армии. Эти памятники являются свидетельством дружбы между Китаем и Россией и напоминанием молодежи обеих стран о необходимости высоко держать знамя мира, укреплять стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией, продвигать дух дружбы между поколениями, укреплять китайско-российские отношения.

Заключение

Советские памятники, стоящие на китайской земле, отражают помощь Советского Союза китайскому народу в его борьбе против

японского вторжения. Они являются символом китайско-советской дружбы и имеет важное историческое и культурное значение.

Народы Китая и России бок о бок сражались в мировой антифашистской войне, принесли большие жертвы и внесли огромный вклад в защиту мира во всем мире. Общая историческая и культурная память является прочной основой всеобъемлющего стратегического партнерства сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху и обеспечивает неисчерпаемую силу для отношений между Китаем и Россией и дружбы между двумя народами для будущих поколений.

Библиографический список

1. Алфаких И. Ж. Монументальные скульптурные формы в средовом контексте России XVIII - начала XXI в. Краткий обзор отечественной и зарубежной историографии / И. Ж. Алфаких, И. И. Орлов // Манускрипт. 2018. № 10(96). С. 105-109.
2. Гречко А. А. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 2. Москва : Воениздат, 1974. 478 с
3. Боготурова Д. А. Системная история международных отношений: в 4 т. Т. 1: События 1918–1945 гг. Москва : Московский рабочий, 2000. 738 с.
4. Полякова Е. Б. Использование произведений монументальной скульптуры Москвы в патриотическом воспитании российских граждан // Армия и общество, 2008. № 4. С. 160–166.
5. Завершение проекта по содержанию могил советских мучеников в парке Гус Ридж [J] // Чунцин и мир, 2020 (09). (на кит.яз).
6. Золин П. М. Памятники - символы родины в идейно-воспитательной работе РКП(б) и Советов (в 1917-1925 годах). Ленинград, 1991. 41 с.
7. Спатарь-Козаченко Т. И. Мемориальные комплексы - культурно-историческое наследие будущих поколений // Сервис в России и за рубежом, 2015. Т. 9, № 2. С. 163–175.
8. Кулемзин. А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление : монография. Кемерово : Кемеровский обл. ин-т усовершенствования учителей, 2001. 327 с.

9. Назаренко И. С. Участие в боевых действиях и потери советских военных специалистов (советников) в Китае 1937-1941 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 2. С. 29-34.
10. Орлов В. Сохранение достижений Второй мировой войны, память о советских мучениках [J] / В. Орлов, Чжан Цзиньман. // Журнал Академии Хэйхэ. 2015. 6 (01) (на кит. яз).
11. Пожидаев А. С. Партнёрство государства и общественных организаций в сфере охраны и популяризации историко-культурного наследия в рамках реализации государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления, 2017. № 1. С. 53–59.
12. Тянь Чжихэ. Вечная память - мавзолей-башня памятника Советской Красной Армии на китайской земле. Даляньское издательство, 2010. (на кит. яз).
13. Че Винг Хонг, Кап Чангвей. Анализ распространения, характеристик и причин возникновения мавзолеев-памятников и башен советской армии в регионе Хэйлуунцзян // Приграничная экономика и культура, 2015(05). (на кит. яз).
14. Чжан Даксянь. Историческая память о советском захвате Лушуньюу [J] // Даляньские современные исторические исследования, 2020, 17(00). (на кит. яз).
15. Чжан Даксянь. Кладбище мучеников Советской Армии в Лушуне [J] // Исследования по истории современного Даляня, 2018, 15(00). (на кит. яз).
16. Чжан Чжун. Памятник советским мученикам в Чунцине: свидетельство советской помощи Китаю [J] // Чунцин и мир, 2012(01). (на кит. яз).
17. Чэнь Вэйцю, Ли Сяотао. Историческая память и советская военная помощь Китаю (1937 - 1943гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 332–336.
18. Шиловский М. В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 133-138.
19. Ян Янь. Могила советских мучеников: символ китайско-российской дружбы [J]. // Чунцин и мир, 2020 (12). (на кит. яз).
20. Forest B, Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States [J]. Post-Soviet Affairs, 2011, 27(3): 269–288.

Reference list

1. Alfakih I. Zh., Orlov I. I. Monumental'nye skul'pturnye formy v sredovom kontekste Rossii XVIII - nachala XXI v. Kratkij obzor otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii = Sculptural forms in the environmental context of Russia in the XVIII – at the beginning of the XXI Century. Brief overview of national and foreign historiography / I. Zh. Alfakih, I. I. Orlov // Manuscript. 2018. № 10(96) С. 105-109.
2. Grechko A. A. Istorija Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945: v 12 t. = History of World War II 1939-1945: in 12 vols. T. 2. Moskva : Voenizdat, 1974. 478 s
3. Bogoturova D. A. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij = A systematic history of international relations: v 4 t. T. 1: Sobytija 1918–1945 gg. Moskva : Moskovskij rabochij, 2000. 738 s.
4. Poljakova E. B. Ispol'zovanie proizvedenij monumental'noj skul'ptury Moskvy v patrioticheskom vospitanii rossijskih grazhdan = Using the works of Moscow monu-

mental sculpture in the patriotic education of Russian citizens // *Armija i obshhestvo*, 2008. № 4. S. 160–166.

5. Zavershenie proekta po sodержaniju mogil sovetskih muchenikov v parke Gus Ridzh [J]. = Completing a project to maintain the graves of Soviet martyrs in Goose Ridge Park [J]. // *Chuncin i mir*, 2020 (09). (na kit.jaz).

6. Zolin P. M. Pamjatniki - simvoly rodiny v idejno-vospitatel'noj rabote RKP(b) i Sovetov (v 1917-1925 godah) = Monuments - symbols of the motherland in the ideological and educational work of the RCP(b) and the Soviets (in 1917-1925). Leningrad, 1991. 41 s.

7. Spatar'-Kozachenko T. I. Memorial'nye kompleksy - kul'turno-istoricheskoe nasledie budushhijh pokolenij = Memorial complexes as a cultural and historical legacy to future generations // *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2015. T. 9, № 2. S. 163–175.

8. Kulemzin. A. M. Ohrana pamjatnikov v Rossii kak istoriko-kul'turnoe javlenie: = Monument preservation in Russia as a historical and cultural phenomenon: monografija. Kemerovo : Kemerovskij obl. in-t usovershenstvovanija uchitelej, 2001. 327 s.

9. Nazarenko I.S. Uchastie v boevyh dejstvijah i poteri sovetskih voennyh specialistov (sovetnikov) v Kitae 1937-1941 gg. = Participation in military operations and losses of Soviet military specialists (advisers) in China, 1937-1941 // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 2. S. 29-34.

10. Orlov V. Sohranenie dostizhenij Vtoroj mirovoj vojny, pamjat' o sovetskih muchenikah [J] = Preserving the achievements of World War II, the memory of Soviet martyrs [J] / V. Orlov, Chzhan Czin'man. // *Zhurnal Akademii Hjejhje*. 2015. 6 (01) (na kit. jaz).

11. Pozhidaev A.S. Partnjorstvo gosudarstva i obshhestvennyh organizacij v sfere ohrany i populjarizacii istoriko-kul'turnogo nasledija v ramkah realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki = The partnership between the state and public organizations in protecting and promoting historical and cultural heritage as part of the state youth policy // *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 2017. № 1. S. 53–59.

12. Tjan'Chzhijhe. Vechnaja pamjat' - mavzolej-bashnja pamjatnika Sovetskoj Krasnoj Armii na kitajskoj zemle = Eternal memory - the mausoleum-tower of the monument to the Soviet Red Army in China [M], Daljan'skoe izdatel'stvo, 2010. (na kit. jaz).

13. Che Ving Hong, Kap Changvej. Analiz rasprostraneniya, karakteristik i prichin vzniknovenija mavzoleev-pamjatnikov i bashen sovetskoj armii v regione Hjej'lunczjan = The analysis of spreading, characteristics, and causes of Soviet Army mausoleum monuments and towers in the Heilongjiang region [J] // *Prigranichnaja jekonomika i kul'tura*, 2015(05). (na kit. jaz).

14. Chzhan Daksjan'. Istoricheskaja pamjat' o sovetskom zahvate Lushun'kou [J] = Historical memory of the Soviet takeover of Lushunkou [J] // *Daljan'skie sovremennye istoricheskie issledovanija*, 2020, 17(00). (na kit. jaz).

15. Chzhan Daksjan'. Kladbishhe muchenikov Sovetskoj Armii v Lushune [J] = Soviet Army martyrs' cemetery in Lushun [J] // *Issledovanija po istorii sovremennogo Daljanja*, 2018, 15(00). (na kit. jaz).

16. Chzhan Chzhun. Pamjatnik sovetskim muchenikam v Chuncine: svidetel'stvo sovetskoj pomoshhi Kitaju[J] = The monument to Soviet martyrs in Chongqing: evidence of Soviet aid to China[J] // Chuncin i mir, 2012(01). (na kit. jaz).

17. Chjen' Vjejcju, Li Sjaotao. Istoricheskaja pamjat' i sovetskaja voennaja pomoshh' Kitaju (1937 - 1943gg.) = Historical memory and Soviet military aid to China (1937 – 1943) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 6. S. 332 - 336.

18. Shilovskij M.V. Vojna s pamjatnikami ili za pamjatniki: memorializacija pamjati o grazhdanskoj vojne v Sibiri = War with monuments or for monuments: memorializing the memory of the Civil War in Siberia // Gumanitarnye problemy voennogo dela. 2019. № 1 (18). S. 133-138.

19. Jan Jan'. Mogila sovetskih muchenikov: simbol kitajsko-rossijskoj družby [J]. = The tomb of Soviet martyrs: a symbol of Chinese-Russian friendship [J]. // Chuncin i mir, 2020 (12). (na kit. jaz).

20. Forest B, Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States[J]. Post-Soviet Affairs, 2011, 27(3): 269–288.

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted on 25.09.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151

EDN: VUYWHJ

Группизм как центральный элемент национального характера японцев

Наталья Сергеевна Шендеровская

Ассистент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Аннотация. В данной статье рассмотрена такая характеристика японского общества как группизм или групповое сознание. Для этого, взяв за основу работы исследователей Чиэ Наканэ, Дои Такэо, Герта Ховстеде и других, мы проследили истоки возникновения теории «вертикального общества», а также рассмотрели понятие группового сознания и психологический феномен «амаэ» и их роль в формировании национального характера японцев. Данная теория объясняет коллективистский тип его организации. В таком обществе гармония и социальный порядок выходят на первый план. С одной стороны, вытесняя индивидуальность индивида, с другой – способствуя образованию сплоченного коллектива. Прототипом японской социальной группы называют традиционную семью, которая возникла вследствие природных и исторических факторов. Мы рассматриваем группизм как центральный элемент национального характера японцев, воспроизводимого посредством характерных воспитательных методов. Основные отличительные особенности этих методов заключаются в использовании наглядности в противовес словесным объяснениям и в акцентировании важности чувств окружающих. Такой подход формирует качества комфортности и лояльности к интересам группы, но лишает человека возможности активно продвигать свои интересы, апеллируя к неуместности конкуренции внутри своей группы. Однако, в последнее время прослеживается тенденция к воспитанию конкурентоспособного члена общества, которая легитимизирует стремление индивида повышать свой индивидуальный, и вместе с тем – уровень своей группы. То, что группизм приводит к неумению гибко мыслить, в XXI веке было осознанно правительством Японии, поэтому в настоящее время на государственном уровне проводится целенаправленный курс на развитие индивидуальности членов общества, чтобы они приобрели навыки творческого подхода к решению задач современности.

Ключевые слова: группизм; социальное взаимодействие в Японии; национальный характер японцев; вертикальное общество; амаэ; коллективизм

Для цитирования: Шендеровская Н. С. Группизм как центральный элемент национального характера японцев // Мир русскоговорящих стран. 2022.

© Шендеровская Н. С., 2022

№ 4 (14). С. 141-151. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151>.
<https://elibrary.ru/vuywhj>.

Groupism as a core element of japanese national character

Natalia S. Shenderovskaya

Lecturer at the department of the english language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Abstract. This article examines such a characteristic of Japanese society as groupism or group consciousness. For this purpose, the author traces the origins of the “vertical society” theory, using the researches written by Chie Nakane, Doi Takeo, Gert Hovstede, and others, and considers the concept of group consciousness and the psychological phenomenon of “amae” and their role in shaping Japanese national character. This theory explains the collectivist type of its organization. In such a society, harmony and social order come to the fore, displacing the individuality of a person, on the one hand, and contributing to the formation of a united team, on the other. The prototype of the Japanese social group is said to be the traditional family, which resulted from natural and historical factors. Groupism is seen as a central element of the Japanese national character, reproduced through specific educational methods. The main distinctive features of these methods are the use of visual as opposed to verbal explanations and the emphasis on the importance of other people's feelings. This approach forms such qualities as comfort and loyalty to the interests of the group, but deprives the individual of the opportunity to actively promote their interests by appealing to irrelevance of competition within their group. Recently, however, there has been a trend toward raising a competitive member of society that legitimizes the individual's desire to improve their personal level, and at the same time, the level of their group. In the 21st century, the Japanese government has realized that groupism leads to inability to think flexibly, therefore, there is now a state policy aimed at developing individual members of society, so that they can acquire the skills to creatively address the challenges of our time.

Keywords: groupism; social interaction in Japan; Japanese national character; vertical society; amae; collectivism

For citation: Shenderovskaya N. S. Groupism as a core element of japanese national character. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):141-151. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151>. <https://elibrary.ru/vuywhj>.

Введение

Народу любой культуры свойственно стремление к самопознанию. Желание определить «себя» и свое место в мире, с одной стороны, объединяет людей, общей целью, а с другой – разобщает, по-

рождая неизбежное сравнение «себя» с «другим». Однако такой самоанализ нельзя приравнивать к объективной оценке своего национального характера и истинных причин поведения. Изучение человека в качестве участника организованно-

го общества еще только развивается, однако, уже можно выявить определенные результаты.

В данной статье пойдет речь о национальном характере народа Японии, а именно о его таком ключевом и во многом определяющей элементе как «группизм» или «групповое сознание». Для того, чтобы речь о культурной специфике данной страны шла в объективном ключе, необходимо осветить вопрос становления того имиджа этой страны, который сложился на данный момент.

Япония стала особенно привлекать всеобщее внимание примерно с середины XX столетия, когда многие западные и российские ученые-японисты, антропологи, культурологи обратились к исследованиям ее национальной специфики, культуры и социального развития с точки зрения попыток понять противника во Второй мировой войне (Р. Бенедикт; Т. Парсонс и др.). Однако первой волной самоанализа можно считать ещё период эпохи Токугава (1603-1867 гг.) – время, когда японская нация начала противопоставлять себя китайской. После более близкого знакомства с западными странами в конце XIX века сравнение строилось на базе противопоставления себя Западу. Такое изучение, которое приходилось на кризисные годы в истории Японии, породило многодисциплинарный научно-эссеистский жанр литературы под названием «Нихонбунка-рон» («Теории о

японцах»). Эти исследования и стали основой представлений о Японии и ее национальном характере не только за рубежом, но и внутри самой страны [Молодяков, 2011].

В «теориях о японцах» выделяют два направления:

– общие исследования японской национальной специфики (общество, культура, личность, этнопсихология);

– исследования теории японской культурной исключительности, которые тесно связаны с националистической идеологией. Их характерная черта – отрицание возможности понять японскую культуру не только представителями других культур, но и на других языках [Корнилов, 1985].

В данной работе, описывая особенности японского национального характера, мы будем придерживаться работ, написанных с нейтральной позиции, и признанных как в Японии, так и за ее пределами, вызывающие наибольшее доверие у большинства исследователей.

Место группового сознания в японском обществе

Для многих исследователей Японии особый интерес представляет вопрос социального взаимодействия жителей этой страны. Во-первых, потому что, сталкиваясь на практике с коммуникативными особенностями японцев, любой иностранец испытывает трудности коммуникации, во-вторых – именно в социальном взаимодей-

ствии и его особенностях иностранцы видели ключ к «японскому экономическому чуду», который Япония продемонстрировала в послевоенный период развития.

В развитии теории национального японского самопознания большую роль сыграла японский социолог Наканэ Тиэ. Ее теория общества вертикальных отношений «*татэ сякай*» была активно принята зарубежными и японскими специалистами как базовая социокультурная модель японского общества.

Согласно Наканэ, в различных обществах люди группируются по двум основным принципам и в двух плоскостях:

1. группа формируется из качественно однородных членов, которые обладают общими признаками, то есть общей принадлежностью (возраст, пол, профессия, социальная категория и т. п.). Между ними устанавливаются горизонтальные связи. Хорошим примером здесь является школьный класс: он формируется по признаку единства возраста и вида деятельности индивидуумов;

2. группа формируется из членов разной с разными признаками, но объединенных одним местом «ба» (деревня, фирма, школа). Устанавливаются вертикальные, иерархические связи, объединенные одной институциональной рамкой [Наканэ, 1970].

Наканэ утверждает, что в любом обществе имеют место быть оба типа, и каждый человек является

членом и того, и другого. Разница между обществами заключается только в функциональной значимости этих групп.

В обществах, где преобладают горизонтальные связи, преобладает общая идентификация. Например, «я – зубной врач» или «я – менеджер по продажам». Исследователь относит к этому типу страны Запада, Индию, Китай. В вертикальных обществах преобладает идентификация по месту учебы, работы и т. д. Например, «я – работник больницы №5» или «я – работник компании Тойота». К этому типу она относит Японию. Институциональная единица (место) в Японии является основой социальной организации, прототип которой (го) исследователь видит в традиционной японской семье «*ие*» [Наканэ, 1970].

Принцип отношений «*ути-сото*» (внутренний-внешний) определяет принадлежность японца к определенной группе. Вследствие этого степень формализованности отношений относительно других стран высока, и японцы выстраивают отношения, манеру поведения, тон, основываясь, прежде всего, на том к какой группе принадлежит собеседник и какой у него статус. Высоко ценится сдержанность в проявлении чувств и умение находить компромисс, от чего социум многое выигрывает. Принцип отношений «*ути-сото*» (внутренний-внешний) определяет принадлежность японца к определенной группе. Вследствие

этого степень формализованности отношений относительно других стран высока, и японцы выстраивают отношения, манеру поведения, тон, основываясь, прежде всего на том, к какой группе принадлежит собеседник и какой у него статус. Высоко ценится сдержанность в проявлении чувств и умение находить компромисс, от чего социум многое выигрывает. Межличностные отношения, построенные в вертикальной плоскости, обозначаются понятием «оябункобун», означающим отношения родителей и ребенка, учителя и ученика, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту. Принцип «сэмпай-кохай» – разновидность таких групповых взаимоотношений. Этот принцип выражается в наставнической деятельности со стороны более опытных членов группы по отношению ко вновь прибывшим. Так, отношения в группе и в обществе строго фиксированы, порождая его замкнутость [Хлебус, 2015].

Перечислим основные характерные черты японской группы по Наканэ:

- вертикальная субординация между членами;
- внутригрупповая дифференциация на основе ранга и статуса;
- функциональные отношения имеют неформальную основу;
- роль лидера определяется местом в группе и связями с другими членами.

Несмотря на критику за недостаточное внимание к элементам горизонтальной стратификации в японском обществе и за игнорирование исторического контекста теория Наканэ до сих пор пользуется большой популярностью и подтверждается другими исследованиями японского общества. Так, данная теория хорошо дополняется одним из ведущих представителей психоаналитического направления в японской культурологии, японским психиатром и этнопсихологом Дои Такэо. Разработанная им концепция под названием «теория «амаэ» и сейчас является одной из ведущих в японоведении.

Исследователь выделяет ключевое понятие японского менталитета и структуры всего японского общества – феномен «амаэ». Это понятие можно перевести как «зависимость от благожелательности других». Оно обозначает ориентацию на зависимость от другого и на его благожелательное и снисходительное отношение. Такая психология сходна с поведением ребенка, ищущего постоянной опоры и поддержки у родителей [Дои, 2001]. Перекос в сторону данного психологического феномена порождает такую особенность японцев, как избегание говорить «нет». Поскольку отношения, в основе которых лежит «амаэ» нестабильны, люди сильнее испытывают тревогу их разрушить. Приведем пример: Мамэ, Нацуми, Юки и Мико – лучшие подруги и много проводят

времени вместе. Сегодня Мамэ предложила пойти в кино. Нацуми и Юки согласились. Мико совсем не хотела куда-то идти, но в рамках общей зависимости внутри своей группы чувствовала, что надо [Япония. Как ее понять, 2006].

Такэо отмечает, что данный феномен человеческих отношений получил словесное выражение только в японском языке, что может указывать на то, что особая восприимчивость японцев к «амаэ» стала причиной акцентирования вертикальных отношений в обществе. Однако настаивает на том, что в его основе лежит нечто общее для всех людей [Дои, 2001].

Таким образом, в обществе, где преобладает вертикальная структура, психология «амаэ» становится ведущей. Причиной этому является то, что в вертикальных отношениях большую роль играет привязанность подчиненного к вышестоящему, социальный обмен между которыми не равносильный, а отношения носят взаимозависимый и эмоциональный характер. Стратификация всего вертикального общества при этом происходит по институтам и группам, а не по классам или слоям. Поэтому основная борьба в японском обществе происходит не между классами людей, а между компаниями, то есть в вертикальной плоскости социальной структуры [Корнилов, 1985].

То, что общества Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии в том числе) структурно отличаются

от Западных, заметил и японский исследователь Х. Сакамото, который подробно исследовал азиатский этнос. По его мнению, суть его заключается в стремлении достичь гармонии целого (в отличие от западного стремления к индивидуализму). Таким образом, общая гармония и социальный порядок в этих обществах выходят на первый план, а индивидуальные интересы и личное достоинство не имеют первостепенной важности. Такая гармония достигается путем распределения социальных ролей между людьми и выполнения соответствующих обязанностей [Чугров, 2009]. Следствием общего стремления сохранять гармонию и равновесие в обществе является формирование и генетическое укрепление группового сознания.

Типология организационных культур нидерландского социолога Г. Ховстеда, разработанная им по результатам всестороннего исследования подразделений транснациональной корпорации IBM, считается одной из наиболее известных, благодаря набору универсальных параметров, по которым проводился анализ организационного поведения в разных культурах. Данный анализ показал, что Япония отличается коллективистским типом организации общества, большой дистанцией власти, маскулинностью общества и недоверием к будущему [Оксинойд, 2013].

Для нас особый интерес представляет параметр «коллективизм-

индивидуализм», который в данном исследовании показывает степень самостоятельности людей как членов группы, что определяет тесноту социально-психологической связи в обществе. Он может включать в себя такие индикаторы, как: приоритет подготовки работника со стороны компании эмоциональная зависимость от компании, стремление работать в крупных компаниях, преобладание моральных обязательств к компании, склонность предпочитать собственные цели общественным, привлекательность групповых решений, ориентация на долг, осуждение индивидуальной инициативы, оперирование категориями «свой»/«чужой» и т. д.

Интересно, что Россия по типологии Ховстеде также вошла в список тех стран, которые можно отнести к коллективистским в отличие от стран Запада. Таким образом, с точки зрения социального взаимодействия людям, принадлежащим к русской культуре, возможно, легче понять способы взаимодействия между японцами.

Формирование группового менталитета личности начинается с самого детства в рамках семейных и образовательных отношений. По мнению социального психолога Тамоцу Шибутани, совместная жизнь людей настолько важна, что от нее зависит само выживание человеческого рода. Коллективная жизнь людей позволяет выживать в неблагоприятных условиях, развивать лингвистическую коммуника-

цию, рефлексивное мышление и самодисциплину [Шибутани, 1999]. Таким образом, групповая жизнь оказывается естественной и необходимой в любом обществе. Однако особенности ведения сельскохозяйственных работ в японской общине, требовавшие тесного сотрудничества и кооперации ее членов, определили такую высокую степень коллективизма в японском обществе, которую мы наблюдаем. В этой связи сложился определенный способ воспитания детей, главной целью которого является сделать из ребенка достойного члена японского общества.

Если западный метод воспитания детей дошкольного возраста отличается большой вербализацией, то японский – более близкой телесной связью матери и ребенка, а также наглядностью объяснений [Лебра, 1976]. Чтобы научить ребенка чему-либо новому японская мать будет непосредственно демонстрировать действие необходимое количество раз, пока ребенок не повторит. Считается, что ребенок не равен взрослому, поэтому правила поведения вводятся постепенно с пяти лет, после так называемого «периода вседозволенности». К их соблюдению ребенка подводят косвенным образом, так, чтобы он сам пришел к выводу о необходимости их выполнять или редко просил напрямую. Главную роль в этом играет манипуляция чувством стыда и страх отчуждения от «группы», который особенно выражен

благодаря акценту на психологии «амаэ» в отношениях. Таким образом, можно сказать, что воспитание базируется на чувствах и непосредственном проживании того или иного опыта, а не на аргументированных логичных доводах, из которых ребенок самостоятельно делает выводы о том, каким должно быть правильное поведение.

Этот способ является отражением своеобразия национального характера японцев и нацелен на решение следующих задач:

1. воспитать человека, который умеет слаженно работать в коллективе (группе), то есть является гармоничным членом своей группы;

2. воспитать конкурентоспособного человека (для чего необходима индивидуальность личности) [Ямамото, 2015].

Вышеупомянутые задачи выглядят противоречиво, однако с точки зрения японской традиции воспитания, нацеленной, прежде всего, на успех группы, они дополняют друг друга. Выпячивание индивидуальных способностей и успехов в японском воспитании не поощряется, как и внутригрупповая конкуренция. Но если индивид использует свои таланты с целью привести к процветанию группу, к которой он принадлежит, то с тем, чтобы развивать свои таланты, никакого противоречия не возникает. Таким образом, когда каждый старается быть лучшим, повышается общий уровень всей группы, а, если смотреть мас-

штабнее, укрепляется общество в целом.

Заключение

То, что перекокс в сторону группового воспитания приводит к неумению гибко мыслить, было осознанно правительством Японии. И сейчас наблюдаются попытки повысить уровень индивидуальности членов общества с тем, чтобы они приобрели навыки творческого подхода и гибкости мышления. Но стоит отметить, что за образец берется индивидуализм западного образца, который сформировался на базе христианского мышления, при котором успокоение приходит от веры в личную связь с Богом. Такое мировоззрение нехарактерно для японского народа, которому изначально свойственно осознание себя во взаимосвязи с миром, что нашло свое отражение в национальной религии синтоизме. Синтоистская традиция подразумевает, что после смерти человек переходит в мир мертвых, достойное существование в котором обеспечивается соблюдением культа предков живыми членами семьи. Таким образом усопшие предки как бы продолжают участвовать в жизни своих родственников [Хлебус, 2015].

Члены японского общества все еще в большей степени ориентируются на чувства окружающих, интересы своей группы и гармонию в отношениях, нежели на индивидуальные предпочтения. Однако противостояние между индивидуальным и групповым, наблюдаемое на

данный момент в японском обществе, порождает много противоречий. Тем не менее оно является естественным процессом глобализации, результаты которой нам еще предстоит увидеть в будущем. От того смогут ли японцы интегриро-

вать в свой национальный характер, ядром которого является групповое создание, индивидуализм, заимствованный из западной культуры, может зависеть гармоничность развития японского общества в целом.

Библиографический список

1. Еремин В. Синто в наши дни // Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / под ред. Е. М. Ермаковой, Г. Е. Комаровского, А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург : Гиперион, 2002. С. 360.
2. Ефремов И.И. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // Философия и общество. Выпуск №1(38). 2005. С. 38-49.
3. Корнилов М. Н. Группа с вертикальными отношениями // Японское общество и культура. выпуск 3. Москва : ИНИОН АН СССР, 1985. С.27-32.
4. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. Москва : Моногаратари, 2011. 304 с.
5. Накорчевский А. А. Синто. Санкт-Петербург : Азбука – классика, Петербургское востоковедение, 2003, 448 с.
6. Оксина К.Э. Типология организационных культур Герта Хофстеда. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>, 2013. (Дата обращения 29.09.2022).
7. Пронников В. А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Москва : ВиМ, 1996, 400 с.
8. Сельченко К. В. Психология зависимости. Хрестоматия. Минск : Харвест, 2007. 592 с.
9. Харуми Бэфу Японская культура и теория «Нихондзин Рон» / Харуми Бэфу, Хидэхиро Сонода // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. №2. С. 117-122.
10. Хлебус Е.Е. Группизм, как характерная черта японской социокультурной традиции // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. №1-2 (22). С. 54-58.
11. Чугров С. В. Анти-«нихондзин рон», или новые мифы об уникальности японской политической культуры // Япония в Азиатском-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. Москва : Вост. Лит., 2009, С. 218-244 .
12. Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. Москва : Вост. Лит., 2010, 312 с.
13. Шибутани Тамоцу Социальная психология. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999, 544 с.
14. Ямамото Юка Японские дети слушают старших и едят рис. Москва : АСТ, 2015. 288 с.

15. Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры /ред. Роджер Дж. Дэвис, Осаму Икэно. Москва : АСТ: Астель, 2006, 317 с.
16. Yoshitaka Miike, Japanese Enryou-Sasshi Communication and the Psychology of Amae: Reconsideration and Reconceptualization/ Keio Communication Review No. 25, 2003, С. 43-115.
17. Yamaguchi Susumu, Ariizumi Yukari, Close Interpersonal Relationships among Japanese: Amae as Distinguished from Attachment and Dependence / Indigenous and Cultural Psychology. Understanding People in Context /, Springer Science + Business Media Inc., 2006, С. 163-174.
18. Lebra, Takie Sugiyama. Japanese patterns of behavior. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 300 с.
19. Chie Nakane, Japanese society, Berkeley, Los Angeles, London, 1970, 158 с.
20. 土居健郎「甘え」の構造」。東京：光文堂, 2001, 294 с.

Reference list

1. Eremin V. Sinto v nashi dni = Shinto nowadays // Sinto – put' japonskih bogov: V 2 t. T. I. Oчерки po istorii sinto / pod red. E. M. Ermakovoj, G. E. Komarovskogo, A. N. Meshherjakova. Sankt-Peterburg : Giperion, 2002. S. 360.
2. Efremov I.I. Funkcii i rol' avtoriteta kak fenomena social'noj zhizni = The functions and role of authority as a phenomenon of social life // Filosofija i obshhestvo. Vypusk №1(38). 2005. S. 38-49.
3. Kornilov M. N. Gruppa s vertikal'nymi otnoshenijami = A group with vertical relations // Japonskoe obshhestvo i kul'tura. vypusk 3. Moskva : INION AN SSSR, 1985. S. 27-32.
4. Molodjakov V. Je. Japonija v menjajushhemsja mire. Ideologija. Istorija. Imidzh = Japan in a changing world. Ideology. History. Image. Moskva : Monogaratari, 2011. 304 s.
5. Nakorchevskij A.A. Sinto. = Shinto. Sankt-Peterburg : Azbuka – klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2003, 448 s.
6. Okcinojd K. Je. Tipologija organizacionnyh kul'tur Gerta Hofsteda = Gert Hofstede's typology of organization cultures. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>, 2013. (Data obrashhenija 29.09.2022).
7. Pronnikov V. A. Japoncy (jetnopsihologicheskie oчерki) = The Japanese (ethnic-psychological sketches) / V. A. Pronnikov, I. D. Ladanov. Moskva : ViM, 1996, 400 s.
8. Sel'chenok K. V. Psihologija zavisimosti. Hrestomatija = The psychology of addiction. Anthology. Minsk : Harvest, 2007. 592 s.
9. Harumi Bjefu Japonskaja kul'tura i teorija «Nihondzin Ron» = Japanese culture and the Nihonjin Rong theory / Harumi Bjefu, Hidjehiro Sonoda // Afro-aziatskij mir: problemy civilizacionnogo analiza. 2004. №2. S. 117-122.
10. Hlebus E. E. Gruppizm, kak harakternaja cherta japonskoj sociokul'turnoj tradicii = Groupism as a characteristic feature of the Japanese sociocultural tradition // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2015. №1-2 (22). S. 54-58.

11. Chugrov S. V. Anti-«nihondzin ron», ili novye mify ob unikal'nosti japonskoj politicheskoj kul'tury = The anti-“nihonjin ron”, or new myths about the Japanese unique political culture // Japonija v Aziatskom-Tihookeanskom regione: politicheskie, jekonomicheskie i social'no-kul'turnye aspekty. Moskva : Vost. Lit., 2009, S. 218-244.
12. Chugrov S.V. Japonija v poiskah novoj identichnosti. In-t mirovoj jekonomiki i mezhdunarodnyh odnoshenij RAN. = Japan in search of a new identity. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Moskva : Vost. Lit., 2010, 312 s.
13. Shibutani Tamocu Social'naja psihologija = Social psychology. Rostov-na-Donu : Feniks, 1999, 544 c.
14. Jamamoto Juka Japonskie deti slushajut starshih i edjat ris. = Japanese children listen to their elders and eat rice. Moskva : AST, 2015. 288 s.
15. Japonija. Kak ee ponjat': ocherki sovremennoj japonskoj kul'tury = How to understand it: Essays on modern Japanese culture /red. Rodzher Dzh. Djevis, Osamu ikjeno. Moskva : AST: Astel', 2006, 317 s.
16. Yoshitaka Miike, Japanese Enryou-Sasshi Communication and the Psychology of Amae: Reconsideration and Reconceptualization/ Keio Communication Review No. 25. 2003. S. 43-115.
17. Yamaguchi Susumu, Ariizumi Yukari, Close Interpersonal Relationships among Japanese: Amae as Distinguished from Attachment and Dependence / Indigenous and Cultural Psychology. Understanding People in Context /, Springer Science + Business Media Inc., 2006, S. 163-174.
18. Lebra, Takie Sugiyama. Japanese patterns of behavior. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 300 s.
19. Chie Nakane, Japanese society, Berkeley, Los Angeles, London, 1970, 158 s.
20. 土居健郎「甘え」の構造」。東京：光文堂，2001，294 s.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 23.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 29.09.2022; approved after reviewing 23.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 4 (14)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 19 п. л., 8,8 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 272. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 26.12.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44